

ПОЛИТИЧЕСКОЕ *просвещение*

**ОРГАН
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

№ 4(93) 2016

**Редакционно-издательский совет
журнала:**

**И.И.Мельников (председатель),
В.М.Алпатов, Н.В.Арефьев, Ю.В.Афонин,
Л.Г.Баранова-Гонченко, В.А.Бударин,
Е.Ф.Глушик, В.Я.Гросул,
В.Ф.Грызлов (главный редактор),
В.Н.Земсков, Ю.Ю.Ермалавичюс, Н.Н.Иванов,
Л.И.Калашников, В.И.Кашин, Б.О.Комоцкий,
М.В.Костина (заместитель главного редактора),
М.С.Костриков, А.И.Лукьянов, И.Н.Макаров,
Д.Г.Новиков, С.П.Обухов, А.А.Пономарёв,
В.Ф.Рашкин, С.Н.Решульский, Г.Н.Сенин,
Ю.П.Синельщиков, В.Г.Соловьёв,
В.И.Староверов, К.К.Тайсаев, В.Н.Тетёкин,
В.В.Трушков, Л.Н.Швец, В.С.Шевелуха,
П.Н.Щербаков.**

Содержание

Г.А.Зюганов. Великая Октябрьская социалистическая революция — поворотный пункт в развитии человечества. *Интервью агентству Синьхуа.* 5

ПЕСНЯ

Александр Харчиков (Ленинград).
В России Революция была! 22

КЛАССЫ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Л.И.Ольштынский. Социальная структура современного российского общества (историко-социологический анализ). 24

Г.К.Крючков (Киев). О так называемом «среднем классе» и его месте в современном украинском обществе. 36

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

В.С.Бушин. Раба Божья из секретариата ООН. 44

СРАЖЕНИЕ ЗА БУДУЩЕЕ

И.М.Братищев. Колонизация Западом российского образования: последствия и необходимость противоборства. 51

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЁЗЫ

В.М.Алпатов. Вот такая история! 80

«ИСТОРИЯ ДУШИ» ЗАМЕЧАТЕЛЬНОГО РУССКОГО ПОЭТА

В.Ф.Асмус. Круг идей Лермонтова. 98

ЧЕМУ УЧАТ НАС ПОЛОТНА ВАСИЛИЯ СУРИКОВА

*К.Дымов. Суриковский взгляд
на историю.* 137

ДОКУМЕНТ

**Постановление Начальника Управления
по надзору за исполнением законов
о государственной безопасности
Прокуратуры Союза ССР В.И.Илюхина
(от 4 ноября 1991 г).** 147

ПИСЬМО В ЖУРНАЛ

**Левые в Польше. Подборка материала
и перевод Е.Д.Аргина.** 149

**Юбилейные, знаменательные
и памятные даты
(июль — октябрь 2016 г.).** 152

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*В.Ф.Грызлов (главный редактор),
С.А.Елагин, И.В.Карпеев, А.Ю.Кожевников,
Е.С.Корешова, В.В.Корнеев, М.А.Ломакина, В.Г.Москалёв,
Д.А.Парфёнов, А.Ю.Плетников, В.Д.Пшеничный.*

Представители (общественные корреспонденты) журнала в регионах:

*А.Д.Бойков (Ивановская обл.),
д. э. н., проф. М.М.Гузев (Волгоградская обл.),
Д.Б.Евсеев (Чувашская Республика),
к. и. н., проф. В.А.Кислицын (Курган),
д. ф. н., проф. Н.С.Коноплёв (Иркутск),
к. ф. н., доц. Г.П.Куликов (Владивосток),
В.М.Первушкин (Улан-Удэ), к. и. н., доц. А.А.Перов (Нижний Новгород),
Е.М.Рекант (Екатеринбург), В.Л.Саликов (Московская обл.),
В.Г.Федоренко (Архангельская обл.),
д. ф. н., проф. Л.С.Филиппов (Якутск), В.Д.Хахичев (Орел),
к. ф. н., доц. В.А.Чебыкин (Краснодарский край).*

На 1-й странице обложки журнала — фото М.Сталь (Улан-Удэ),
на 4-й — фото прислал А.Бойков (Иваново).

АДРЕС РЕДКОЛЛЕГИИ:

129090 г. Москва, Олимпийский проспект, д. 10, корп. 3, кв. 238;
тел. (8-916)-117-70-18; (8-903)-544-55-80.

АДРЕС ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЫ:

vlad_gryzlov@mail.ru

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за точность цитат, статистических данных и иных сведений.

Для оформления подписки обращаться в редколлегию.

Электронная версия журнала «ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ»
в сети «Интернет» по адресу:
kprf.ru
politpros.com

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Коммунистическая партия Российской Федерации.

После прочтения и использования
просим передавать журнал в библиотеки.

Г.А.Зюганов

Великая Октябрьская социалистическая революция — поворотный пункт в развитии человечества

Интервью агентству Синьхуа

— Сегодня в России оценки роли и значения Великой Октябрьской социалистической революции варьируются от «верхушечного переворота» до «величайшего события XX века». Как вы оцениваете историческую роль революции и её значение для национально-освободительной борьбы народов многих стран мира, в том числе и Китая?

— Великая Октябрьская социалистическая революция — величайшее событие всей мировой истории. Напомню: в 2017 году коммунисты и все прогрессивные силы планеты будут отмечать её столетие. Это событие явилось поворотным пунктом в развитии человечества. Оно стало началом перехода от капитализма к более прогрессивной общественно-экономической формации.

Социалистическая революция была теоретически обоснована в работах Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Осуществить её на практике было суждено российским большевикам под руководством Владимира Ильича Ленина — гениального мыслителя, вождя международного революционного движения, создателя первого в мире государства рабочих и крестьян.

ЗЮГАНОВ ГЕННАДИЙ АНДРЕЕВИЧ, Председатель Центрального Совета СКП—КПСС, Председатель ЦК КПРФ, руководитель фракции КПРФ в Госдуме Федерального Собрания Российской Федерации.

Стоит помнить: неизбежность революционных потрясений в России предсказывали не только большевики. Убедённый монархист М.О.Меньшиков, будучи честным и умным человеком, предрекал крах романовской монархии. После Февральской буржуазной революции он написал, что не стоит жалеть прошлого, которому смертный приговор был вынесен ещё в начале Первой мировой войны.

Называть октябрьские события 1917 года верхушечным переворотом может только абсолютно безграмотный или очень предвзятый человек. Хотя попытки исказить значение первой социалистической революции, вероятно, будут продолжаться до тех пор, пока существует капитализм. Но нужно хорошо понимать: никакой верхушечный заговор, даже в случае успеха, не может изменить сами основы жизни страны, не может иметь последствий планетарного масштаба.

Вы совершенно правильно отметили, что оценки роли Великого Октября в нашей стране различаются. Есть те, кто справедливо полагает: без прихода к власти большевиков Россия перестала бы существовать. Она бы просто распалась на множество частей под британским, французским, американским, японским протекторатом. И это не просто «точка зрения». Это вывод, сделанный на основе исторических фактов. КПРФ твёрдо стоит на этой позиции.

Встречаются сегодня в России и те, кто с пеной у рта проклинает большевиков и Советскую власть. Однако это позиция одиночек. Российский народ в массе своей относится к событиям октября 1917 года положительно, прекрасно понимая, что они стали благом для страны. Это подтверждает множество социологических опросов последних двадцати лет.

Раскол в отношении к советскому прошлому в нашей стране прошёл по линии: народ — прозападная «элита». Именно эта «элита» как раз и пытается очернить, оболгать величайшие вехи нашего прошлого. В современной России немалые пропагандистские силы брошены на фальсификацию советской истории. К сожалению, либерально настроенные круги продолжают сохранять влиятельные позиции в политике, экономике, информационно-культурной сфере. Они иницируют оголтелые антисоветские кампании и мечтают сбросить с пьедестала истории выдающиеся фигуры Ленина и Сталина. Они покушаются даже на нашу Победу, на священную память о Великой Отечественной войне.

КПРФ активно отбивает эти злобные атаки, отстаивая правду и справедливость. Сейчас наша партия готовится к 100-летию Великого Октября. В прошлом году мы провели по этой теме два Пленума Центрального Комитета. Намечен целый ряд юбилейных мероприятий, включая международные.

Подчёркивая значение Великого Октября, КПРФ настаивает на тезисе о не стихийном, не случайном характере социалистической револю-

ции в России. Её неизбежность задолго до октября 1917 года обосновал В.И. Ленин. Творчески разрабатывая марксистскую теорию, он сделал вывод о переходе капитализма в высшую стадию — империализм. Важнейшими признаками этой новой стадии стали: появление монополий, формирование финансового капитала, завершение колониального раздела мира. При этом капиталистическая конкуренция сохранялась и породила неравномерность развития разных стран.

На этой основе Ленин делает ещё один вывод: о появлении слабых звеньев в капиталистической цепи. Именно в них цепь капитализма может быть прорвана. Социалистическая революция может первоначально победить лишь в нескольких странах или даже в одной стране.

Глубокий анализ убедил Ленина в том, что наиболее слабым звеном в цепи империализма являлась Российская империя. Наша страна представляла собой клубок острейших противоречий: между пролетариатом и буржуазией, между буржуазией и царской феодальной надстройкой, между помещиками и крестьянством. Углублялся раскол внутри самого крестьянства. Остро стояли земельный и национальный вопросы.

Первая мировая война до предела обострила нужду и бедствия угнетённых классов. В России сложилась революционная ситуация. Объективные условия для революции соединялись с массовыми действиями передового класса. Его лучшие представители были организованы в политическую партию — партию большевиков. Начавшись с ленинской «Искры», большевизм организационно оформился на II съезде РСДРП в 1903 году. Уже в ходе Первой русской революции он на практике подтвердил свою правоту.

К октябрю 1917 года партия Ленина получила энергичную поддержку всей трудовой России. Большевики сумели услышать, понять и выразить политическим языком глубинные чаяния народа. Вся страна услышала их лозунги: «Мир — народам!», «Землю — крестьянам!», «Заводы — рабочим!», «Хлеб — голодным!», «Власть — Советам!». Успех первой в мире социалистической революции был обеспечен.

Таким образом, одно из важнейших достижений В.И. Ленина состоит в том, что он точно определил исторический момент для свершения успешной социалистической революции в России. До этого главной ареной борьбы за социализм выступала Западная Европа. Но на основе выводов, сделанных в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», Ленин блестяще спрогнозировал перенос центра революционного движения в Россию. И оказался прав! Социалистическая революция в нашей стране победила.

Однако нужно было не только взять власть, но и удержать её. Против молодой Советской республики ополчились 14 стран. Опираясь на вну-

тренную контрреволюцию, они принялись рвать Россию на куски. Российская буржуазия и помещики налево и направо продавали национальные интересы. От уничтожения нашу страну уберегли стойкость и воля партии большевиков, их опора на широкие народные массы.

Когда интервенты и их пособники были изгнаны, встала другая, не менее сложная задача: обеспечить строительство новой жизни. К началу 1921 года Советская Россия оказалась в отчаянном положении. Страна была разрушена двумя войнами: Первой мировой и Гражданской. Промышленное производство упало почти в пять раз. Вдвое снизился объём сельхозпроизводства. Жертвами военных действий, голода, эпидемий стали не менее 25 миллионов человек.

Сегодня можно только поражаться мудрости большевиков, которые за считанные годы опробовали несколько вариантов политики — от военного коммунизма до нэпа и плана ГОЭЛРО. В 1922—1929 годах, к началу первой пятилетки, было построено более 2 тысяч крупных промышленных предприятий. В экономическом отношении страна вышла на уровень 1913 года.

Но назревала новая мировая война. В этих условиях предстояло совершить огромный рывок вперёд, создать целые отрасли народного хозяйства. Без этого выживание Советского Союза было невозможным. За 10 предвоенных лет мы сумели преодолеть путь, на который Европа потратила целое столетие. Было построено 9 тысяч новых предприятий. Полуграмотная прежде страна научилась читать и писать, стала передовой в науке. Не будь этого, не было бы Победы в Великой Отечественной войне. И потому нельзя отделять друг от друга две великие даты: год 1945-й и год 1917-й. Эти два события — крепко связанные вехи одного социалистического пути.

Выдающиеся достижения большевиков выразились не только в экономическом прорыве. Было уничтожено национальное угнетение и создана уникальная общность — советский народ. В строительстве социализма участвовали представители всех национальностей СССР.

Великая Октябрьская революция имела не только российское измерение. Она стала событием мирового масштаба. К десятилетию Октября И.В.Сталин писал: *«Октябрьскую революцию нельзя считать только революцией „в национальных рамках“»*. Она есть, прежде всего, революция интернационального, мирового порядка, ибо она означает коренной поворот во всемирной истории человечества от старого, капиталистического мира к новому, социалистическому миру».

Первая победа социализма на нашей планете оказала решающее влияние на всемирно-исторический процесс. Был подан пример, которому последовали во многих странах. Чрезвычайно мощный импульс

получило национально-освободительное движение угнетённых народов. Стало возможным их освобождение от колониального рабства.

Огромное значение идеи Октября имели для китайского народа. В 1918 году лидер китайского революционно-демократического движения Сунь Ятсен направил телеграмму В.И.Ленину и Советскому правительству, в которой он желал Советской России успехов и выражал надежду, что «революционные партии Китая и России объединятся для совместной борьбы».

Недавно мне попался на глаза очень любопытный исторический документ: Обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР к китайскому народу от 25 июля 1919 года. В нём подтверждался полный отказ Советской власти от особых прав и привилегий, полученных царизмом в Китае по неравноправным договорам. В китайской истории не было ещё случая, чтобы иностранцы добровольно отказались от всех своих преимуществ. В документе, в частности, говорилось: *«если китайский народ хочет стать, подобно русскому народу, свободным... — пусть он поймёт, что его единственный союзник и брат в борьбе за свободу есть русский рабочий и крестьянин и их Красная Армия».*

1 июля 1921 года в Шанхае была создана Коммунистическая партия Китая, впитавшая революционное наследие Великого Октября. Это была политическая партия китайского рабочего класса, основанная на принципах марксизма-ленинизма. КПК предстояло пройти чрезвычайно трудный путь. Но он был успешно преодолён. Партия смогла встать во главе прогрессивных сил страны. Она привела к победе антиимпериалистическую и антифеодальную революцию в Китае, заложив фундамент всех современных успехов и достижений КНР.

Хочу напомнить слова Мао Цзэдуна: *«Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм. Октябрьская революция помогла передовым людям всего мира, в том числе и Китая, пересмотреть свои проблемы, применяя пролетарское мировоззрение для определения судеб своих стран».* Китайские коммунисты сумели, как и российские большевики, сплотить страну и вывести её на путь поступательного движения вперёд.

Таким образом, Великая Октябрьская революция, идеи Ленина и Сталина являются далеко не только российским достоянием. Они принадлежат всему человечеству. Принадлежат они и Китаю, который под руководством Коммунистической партии показывает всему миру настоящие чудеса социально-экономического развития.

— Как, с позиций сегодняшнего дня, вы оцениваете роль таких исторических личностей, как В.И.Ленин, И.В.Сталин, М.С.Горбачёв?

— В общественно-политической жизни современной России чётко прослеживается столкновение двух идеологических начал — созида-

тельного и разрушительного. Каждое из них в сознании граждан страны связывается с деятельностью разных исторических личностей.

С именами Ленина и Сталина связаны все самые крупные успехи нашей страны в XX веке. Под знаменем Великого Октября было создано первое в мире социалистическое государство, преобразованы все сферы жизни советского общества, одержана Победа над германским фашизмом в самой страшной войне, разгромлен японский милитаризм, стремительно восстановлено народное хозяйство. Затем мы создали ракетно-ядерный паритет с США и первыми прорвались в космос. Всё это и многое другое стало прямым следствием Революции, свершённой в октябре 1917 года.

В.И. Ленин и И.В. Сталин были основателями нашей партии и Советского государства. Но их фигуры ни в коем случае нельзя воспринимать как музейные экспонаты из прошлой эпохи. Это личности, на которых мы должны равняться в своей нынешней работе и жизни. Их наследие должно изучаться, их идеи — использоваться и продвигаться.

В ответ тем, кто пытается опорочить имена этих великих людей, приведу две цитаты. Вот первая: *«Я уважаю в Ленине человека, который с полным самоотвержением отдал все свои силы осуществлению социальной справедливости... Люди, подобные ему, являются хранителями и обновителями совести человечества»*. Вторая цитата относится к Сталину: *«Я лично не могу чувствовать ничего иного, помимо величайшего восхищения по отношению к этому подлинно великому человеку, отцу своей страны...»*.

Кому принадлежат эти высказывания? — спросите вы. Автором первого является Альберт Эйнштейн — один из глубочайших умов в мировой истории. Второе принадлежит Уинстону Черчиллю, ненавидевшему социализм, но нашедшему в себе мужество признать величие сталинских достижений. Всем пигмеям, которые пытаются очернять имена гигантов — Ленина и Сталина, я советую хорошо запомнить приведённые выше строки.

Владимир Ленин является единственным в своём роде примером государственного деятеля. Ему удалось создать партию, которая справилась с задачей построения первого в мире социалистического государства. Он рос в благополучной семье, был окружён любовью и достатком, блестяще окончил школу. Казалось бы, можно спокойно устроиться в этой жизни. Но Ленин посвятил всего себя борьбе за справедливость и интересы трудового народа. Он создал государство, где главными ценностями являлись гуманизм, труд, справедливость, где представитель каждого народа, большого и малого, чувствовал уверенность в завтрашнем дне.

Сегодня Собрание сочинений Ленина находится в любой серьёзной библиотеке мира. Его труды переведены практически на все языки. Я часто обращаюсь к оппонентам: назовите мне второй пример такого гения, мыслителя, политика, государственного деятеля. Нет таких примеров!

Два самых острых кризиса капитализма закончились двумя мировыми войнами. В центре этих событий оказалась наша страна. Из первого кризиса её вытасил Великий Октябрь во главе с Лениным, из второго — Великая Победа во главе со Сталиным.

Под руководством И.В.Сталина СССР в считанные годы ворвался в тройку самых мощных держав мира. Была создана система, сделавшая возможной Победу над фашизмом. Частями этой системы были и развитая экономика, и боеспособная Красная Армия, и уникальная советская школа, готовившая самых храбрых, умных и мужественных бойцов. Гитлер подчинил себе всю континентальную Европу с её заводами, портами, аэродромами, но обломал зубы о героизм нашего народа, техническую и научную мощь Советского Союза.

Полководческий талант Сталина признавали все, кто работал рядом с ним в годы войны: Жуков, Рокоссовский, Конев, Василевский и многие другие. Как Главнокомандующий, он прекрасно знал оперативную обстановку и руководил отработкой всех крупных фронтовых операций.

Сталин понимал, что противостоять агрессии мирового капитала сможет только мощный блок социалистических государств. Главную роль в его создании после Второй мировой войны должны были играть СССР и Китай. Советский Союз стал первым государством мира, признавшим Китайскую Народную Республику. Это произошло 2 октября 1949 года — на следующий день после провозглашения КНР. А спустя несколько месяцев, в феврале 1950 года, был подписан Советско-китайский договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Сталинское руководство протянуло братскому китайскому народу руку помощи в строительстве государства, армии, обучении специалистов. Стратегический союз Москвы и Пекина стал реальной угрозой гегемонии Соединённых Штатов Америки.

Что касается Горбачёва, то он не достоин даже простого упоминания рядом с именами Ленина и Сталина. Горбачёв, Яковлев, Шеварднадзе, Ельцин и их поделнички совершили тяжелейшее преступление перед своим народом и перед всем человечеством — разрушили Советский Союз. Они нагло наплевали на результаты референдума, проведённого в марте 1991 года. А ведь абсолютное большинство его участников высказалось за сохранение Советского Союза.

Нужно помнить, что СССР был целой цивилизацией: 190 народов и народностей, 40 религий и религиозных конфессий, 10 часовых поясов, почти все климатические зоны. Более сложного государственно-

политического образования не существовало. Не понимая этого, Горбачёв своими бестолковыми действиями подрывал национальные устои и единство государства.

В итоге СССР был разрушен. Страна пришла к позору «лихих девяностых годов». Было уничтожено свыше 80 тысяч предприятий. Один за другим вспыхивали кровавые конфликты. Их жертвами стали сотни тысяч человек, а беженцами — 9 миллионов. Поэтому, когда сегодня Горбачёв говорит о бескровном характере реставрации капитализма в России, это вызывает только гнев и возмущение. Достаточно посмотреть на события, охватившие сейчас братскую нам Украину. Хаос, кровопролитие, обнищание масс — вот что происходит там в последние годы. И это — одно из прямых следствий горбачёвского предательства.

Имя Горбачёва стало в России нарицательным. Оно воспринимается как синоним национального предательства, как символ измены делу социализма и забвения интересов трудящихся. С этим именем прочно связаны такие явления в нашей новейшей истории, как пренебрежение к подвигу советского народа, унижительное преклонение перед США, готовность согласиться с неокOLONиальной политикой Запада. В народном сознании горбачёвская «перестройка» воспринимается как целая череда поражений и преступлений. В своих программных документах КПРФ дала объективную оценку разрушительной деятельности этого перевертыша.

— После распада СССР и запрета КПСС коммунистическое движение в России переживало тяжёлые времена. Каким образом вам и вашим соратникам удалось сохранить достоинство, верность идеалам, преодолеть все трудности и создать КПРФ?

— Время было действительно трудное. Буржуазная контрреволюция и разрушение СССР стали тяжелейшим испытанием и для нашей Родины, и для международного коммунистического движения.

Миллионы советских граждан и в страшном сне не могли представить, что руководство партии и страны может пойти по пути предательства, уничтожения государства. Всё это внесло некоторое смтение в ряды коммунистов и их сторонников. Но, несмотря на предательство части партийной верхушки, многие сохранили верность своим идеалам. Российские коммунисты не допустили похорон дела социализма в нашей стране. Воссоздав Коммунистическую партию, они храбро встали на путь борьбы за возрождение социалистического Отечества.

Напомню, что в период августа-ноября 1991 года новые «демократические» власти России сначала приостановили, а затем и запретили деятельность КПСС и её структурной части — Компартии РСФСР. Партийное имущество было конфисковано. В условиях, когда в одночасье, казалось бы, исчезли идейные и даже нравственные ориентиры, многие чле-

ны запрещённой партии были деморализованы. Нашлись даже те, кто сами приняли участие в «крестовом походе» против социализма. В стране развернулась ожесточённая кампания по дискредитации партии и коммунистических идей. России навязывали пресловутое «дело КПСС». Предпринималась попытка устроить судилище над той партией и той идеологией, что привели советский народ к Победе над фашизмом.

В это время «шоковая терапия» правительства Гайдара резко повысила градус социального напряжения в стране. В течение нескольких недель большинство наших граждан стали нищими. Справедливый народный протест выплеснулся на улицы. И тут новая власть, именовавшая себя «демократической», показала себя во всей красе. Ельцин и его поделщики не раз шли на применение грубой силы.

Так, 23 февраля 1992 года, в годовщину создания Советской Армии, демонстрация левопатриотических сил подверглась избиению в самом центре Москвы. Позже силовые акции против мирно протестовавших граждан повторялись регулярно. Итогом этого противостояния стала кровавая расправа над всенародно избранным Верховным Советом РСФСР и его сторонниками в сентябре-октябре 1993 года.

Для меня было очевидно, что запрос на социальную справедливость в российском обществе очень мощный. Но в ходе протестов 1992—1993 годов ему явно не хватало организующего ядра. Главной задачей в этих условиях было возродить Компартию — политическую силу широких масс трудящихся. Работа по её воссозданию не прекращалась, несмотря на сильнейшее политическое, психологическое и административное давление. В Конституционном суде нам удалось опротестовать указ Ельцина о запрете деятельности партии.

13—14 февраля 1993 года состоялся II Чрезвычайный съезд коммунистов России. После почти полторалетнего запрета он заявил о возобновлении деятельности партии, которая стала именоваться Коммунистической партией Российской Федерации. Уже в марте того же года КПРФ официально была зарегистрирована министерством юстиции России. После труднейших испытаний партия не только официально возродилась, но и превратилась в ведущую оппозиционную силу страны.

Разумеется, давалось нам это непросто. Работать приходилось в особых условиях. Мы в полной мере ощутили на себе произвол ельцинской репрессивной машины и вакханалию «демократических» СМИ. Наши активисты прошли через попытки подкупа и угрозы. Не раз оказывалось давление на их семьи. Но наша команда с честью выстояла. И в тех суровых условиях для нас был очень важен пример социалистического Китая — быстро растущего и набиравшего силу.

В декабре 1993 года едва воссозданная КПРФ набрала 12% на первых выборах в Государственную думу России. Это было всего

через два месяца после расстрела Советской власти в дни «чёрного октября». Многие тогда откровенно опасались репрессий со стороны ельцинского режима. Идти агитировать под флагом Компартии после стрельбы из танков в центре Москвы — это был поступок, требовавший мужества. И люди, пришедшие в КПРФ, проявили его в полной мере.

На следующих выборах в Госдуму через два года мы получили уже 22% голосов. А на президентских выборах в 1996 году дали Ельцину равный бой. Главная заслуга в этом рядовых членов КПРФ, которые были готовы действовать в крайне сложных условиях. Именно они возродили нашу партию в масштабах страны — от первичных отделений в самых дальних уголках России. Когда кто-то вспоминает о «золоте партии», я уверенно говорю, что такое золото действительно есть. Это уникальные люди — наши соратники.

— Каково сегодня влияние КПРФ в России? Какова численность партии? Какие цели ставите вы на предстоящих выборах в Государственную думу?

— Ведя свою родословную от основанной В.И. Лениным партии большевиков, КПРФ последовательно отстаивает права людей наёмного труда и национальные интересы России. На протяжении четверти века наша партия ведёт борьбу с капиталистической реставрацией, используя для этого и парламентскую трибуну, и работу в массах. Наша стратегическая цель — построение в России обновлённого социализма, социализма XXI века.

Вопреки административному давлению и постоянной антикоммунистической пропаганде, мы сохраняем статус главной оппозиционной партии. В отличие от других партий России КПРФ имеет разветвлённую структуру своих отделений по всей стране. В этом конкуренцию нам может составить только правящая «Единая Россия». КПРФ объединяет 81 региональную партийную организацию, свыше двух тысяч местных и почти 14 тысяч первичных отделений.

В рядах партии насчитывается более 160 тысяч членов. Хочу заметить для китайского читателя, что в канун Великой Октябрьской социалистической революции партия большевиков насчитывала примерно 40 тысяч членов.

Сегодня нас не может не радовать тот факт, что в ряды КПРФ вступает много молодёжи. Для повышения уровня грамотности молодых коммунистов создан Центр политической учёбы ЦК КПРФ. За три неполных года через него прошли уже более 600 наших молодых товарищей. Это те, из кого формируется кадровый резерв партии.

Этим потенциал КПРФ не исчерпывается. Компартия имеет миллионы сторонников в самых различных возрастных и профессиональных

группах. Рядом с коммунистами работают Ленинский комсомол, «Все-российский женский союз — „Надежда России”», целый ряд независимых профсоюзов и ветеранских организаций и многие левопатриотические организации. Все вместе они составляют весомый пропагандистский кулак.

Депутатские фракции КПРФ действуют в большинстве областных, районных, городских законодательных собраний. Представители партии — В.В.Потомский и С.Г.Левченко — возглавляют Орловскую и Иркутскую области. Первая из них находится в сердце российского Черноземья, а вторая является воротами России в Китай и Монголию, обладает развитой промышленностью и огромными природными ресурсами. Коммунист А.Е.Локоть избран мэром третьего по величине города России — Новосибирска. Даже в условиях экономического кризиса наши представители в органах государственной власти добиваются серьёзных успехов.

18 сентября пройдут выборы в нижнюю палату российского парламента — Государственную думу. На эти выборы мы идём с сильной командой профессионалов. У КПРФ разработана программа развития страны, которая гарантирует выход из социально-экономического кризиса. Эту программу мы постараемся донести до каждого избирателя, до самого отдалённого села.

КПРФ не только намерена сохранить статус ведущей оппозиционной силы России. Считаю, что предстоящие выборы — это возможность для всех народно-патриотических сил сплотиться вокруг программы масштабного возрождения нашей страны. Мы хотим получить такой результат, который позволит нам осуществить нашу Антикризисную программу. Для этого нужно добиться нового соотношения сил в Государственной думе — такого, которое позволит сформировать Правительство народного доверия.

В этом отношении хорошим примером в современной российской истории является правительство Примакова—Маслюкова, созданное по нашей инициативе. В рекордно короткие сроки оно сумело преодолеть губительные последствия дефолта 1998 года. Сегодня нам вновь остро нужно левоцентристское правительство, которое реализует на практике программу вывода страны из кризиса. Наша Антикризисная программа предполагает восстановление экономического суверенитета России, её выход из-под контроля крупного западного капитала. При этом мы нацелены активизировать внешнеэкономические связи на восточном направлении. По нашему мнению, это будет способствовать развитию отдалённых регионов России и послужит хорошей основой для сближения с Китаем — нашим стратегическим партнёром.

— КПРФ — оппозиционная партия. Вы резко критикуете целый ряд аспектов внутренней политики, хотя поддерживаете внешне-политический курс. Как при этом строятся ваши личные отношения с президентом РФ В.В.Путиным?

— Прежде всего хочу уточнить один момент. Мы критикуем не отдельные аспекты либерального социально-экономического курса правительства Дмитрия Медведева. Мы отвергаем этот курс целиком и полностью. Считаем, что он завёл страну в тупик и его продолжение грозит тяжелейшими последствиями для России. Экономический блок правительства фактически отстаивает не национальные интересы, а служит проводником разрушительного западного влияния.

Этот либеральный курс вошёл сегодня в серьёзное противоречие с активной внешней политикой России. Наша страна вынуждена защищать свои интересы, так как Запад во главе с США пытается изолировать Россию и провоцирует напряжённость у наших границ. Китаю это хорошо знакомо, например, по ситуации в Южно-Китайском море, куда бесцеремонно лезут корабли Седьмого флота США. В это же время их Шестой флот столь же нагло, нарушая Конвенцию Монрё, пытается обосноваться в Чёрном море у самых берегов России. Что же касается Восточной Европы, то здесь бронеколонны НАТО регулярно устраивают свои показательные марши.

КПРФ в целом одобряет усилия нашего дипломатического ведомства, которое пытается противодействовать авантюрной внешней политике США. Но вместе с тем наша партия понимает: эффективно противостоять агрессии империализма можно только тогда, когда у тебя есть крепкий тыл. Такой, какой был у СССР во времена борьбы с немецким фашизмом и японским милитаризмом. Без решительной смены социально-экономического курса сложно будет рассчитывать на успехи во внешней политике.

Российские коммунисты уверены, что либеральный курс действующего правительства не отражает чаяний широких народных масс: рабочих, крестьян, интеллигенции, мелких и средних предпринимателей, молодёжи и пенсионеров. Либеральная финансово-экономическая политика разрушает хозяйственный комплекс страны, закрепляет за олигархами право вершить судьбы России, ставит её в экономическую зависимость от Запада. Мы считаем: подобная линия находится в глубоком противоречии с той внешней политикой, что проводится президентом Путиным. Она предполагает защиту национально-государственных интересов России и противодействие американской гегемонии на мировой арене.

С самим В.В.Путиным у меня сложились ровные деловые отношения. Вместе с тем КПРФ постоянно указывает: деятельность высшей

государственной власти в России полна противоречий. Проводимый социально-экономический курс нас абсолютно не устраивает. Он находится в рамках всё той же ельцинско-гайдаровской политики 1990-х годов. Совершенно неприемлема для нас и продолжающаяся вакханалия антисоветизма.

Говоря иными словами, высшее руководство России не является однородным. Оно состоит из разнонаправленных сил. В условиях этого сложного баланса КПРФ добивается перевеса патриотической тенденции. Этому служат и мои личные встречи с Путиным и членами действующего правительства.

— Вы не раз бывали в Китае, встречались с Председателем КНР Си Цзиньпином. Как вы оцениваете характер отношений КПРФ и Компартии Китая?

— Вы совершенно верно отмечаете давний и прочный характер взаимоотношений КПРФ с Коммунистической партией Китая. С товарищем Си Цзиньпином мы познакомились ещё до того, как он занял пост Председателя КНР. Уже тогда я обратил внимание на его широкий кругозор, вдумчивый и трезвый подход к самым сложным проблемам политики, экономики, идеологической сферы.

Си Цзиньпин относится к числу исключительно авторитетных государственных деятелей современной эпохи. Такие люди способны не только всесторонне осмыслить содержание нынешнего этапа в развитии человечества, но и предугадать направления этого развития. Он стремится использовать исторические возможности во имя стабильности и процветания Китая, для реализации китайской мечты о гармоничном миропорядке.

Российские коммунисты имеют давние братские связи со своими китайскими товарищами. Нас объединяют годы борьбы с империализмом в условиях подполья, торжество Великого Октября, совместная деятельность в Коминтерне, защита свободы и независимости наших народов в ходе Второй мировой войны, послевоенное экономическое и культурное возрождение. Сегодня мы едины в категоричном неприятии доминирования США на планете. Стремясь к построению справедливого мироустройства, КПРФ и КПК активно укрепляют взаимные симпатии граждан двух стран, упрочивают дружбу народов Китая и России.

Связи КПРФ и КПК носят характер крепкого стратегического партнёрства. Ещё в 1990-е годы между нашими партиями был заключён договор о сотрудничестве. Он регулярно продлевается, а отношения между КПРФ и КПК охватывают всё новые сферы. В Китае регулярно проходят стажировку молодые лидеры нашей партии. Они знакомятся с уникальным опытом Поднебесной и применяют полученные знания у себя на родине. Наши партии постоянно обмениваются информаци-

ей, чтобы вырабатывать общий взгляд на важнейшие вопросы как двусторонней, так и международной повестки дня.

Сегодня отношения между нашими партиями вступили в новый этап. Подписан Меморандум о межпартийном сотрудничестве. Расширяется обмен делегациями. КПРФ внимательно изучает передовой опыт КПК в области экономики, в реализации социальных и гуманитарных программ, в сфере партийного строительства. Российские коммунисты широко пропагандируют успехи и достижения КНР среди граждан России. Газета «Правда», телеканал КПРФ «Красная линия», наши партийные сайты регулярно освещают жизнь Китайской Народной Республики.

КПРФ и КПК считают недопустимыми попытки фальсификации истории, особенно Второй мировой войны и её итогов. Символом близости наших стран стало 70-летие Победы над германским фашизмом и японским милитаризмом. Китайские военнослужащие приняли участие в параде 9 мая на Красной площади, а 3 сентября на грандиозном параде в Пекине присутствовало и руководство России.

Чуть позже, 26 сентября, в Хабаровске прошли праздничные мероприятия, организованные КПРФ и Компартией Китая. Совместными усилиями мы провели научно-практическую конференцию «70 лет общей Победы. Исторический вклад и великая роль Советского Союза и Китая во Второй мировой войне против фашизма». После её завершения китайские и российские артисты дали чудный концерт. Участие в торжествах принимала большая делегация ЦК КПК во главе с членом Политбюро, секретарём Центрального Комитета партии товарищем Лю Цибао.

Уверен, что подобные мероприятия необходимо проводить на регулярной основе. В целом, мы готовы и дальше развивать богатый потенциал межпартийного взаимодействия, который служит на пользу двусторонним отношениям между Россией и Китаем.

— Сегодня многие западные эксперты предрекают китайской экономике «жёсткую посадку». Как вы относитесь к такого рода прогнозам? Каковы, на ваш взгляд, перспективы построения в Китае «общества среднего достатка»?

— Вы знаете, остаётся только улыбаться, когда некоторые «диванные эксперты» радостно рассуждают о «кризисе в Китае». Нужно хорошо знать реальное положение дел. Рост экономики КНР в прошлом году составил 7%, в то время как в Евросоюзе — менее 2%, в США — чуть больше 2%, а Россия и вовсе ушла в минус. Так что трубить о грядущем крахе китайской экономики, мягко говоря, нелепо. Конечно, из-за мирового кризиса КНР испытывает определённые трудности, но я уверен, что это лишь временные «болезни роста».

Считаю, что для уверенности в лучшем будущем Китая есть все основания. Китайские коммунисты внимательно изучили опыт нашей страны, в том числе времена горбачёвской «перестройки» и разрушения СССР. КПК старается не повторять допущенных нами ошибок. К экономике в Китае относятся как к чрезвычайно сложной системе, не допускающей волюнтаризма и авантюризма. Любые шаги здесь предпринимают после тщательного анализа возможных последствий. Это позволило обеспечить и преемственность власти, и проведение реформ без шараханий в крайности.

Коммунисты Китая соединили марксизм-ленинизм и социализм с китайской спецификой, государственное регулирование и возможности рынка. В отличие от российских либералов, руководители КНР не уповают на всемогущество «невидимой руки рынка». Они нашли грамотное соотношение государственной, коллективно-долевой и частной форм собственности, не лишив государство контроля ни на одном из этих направлений.

Нужно подчеркнуть, что экономика Китая носит несырьевой характер. Здесь динамично растут станкостроение, авиастроение, автомобилестроение. Быстро развивается китайская система образования. Неудивительно, что буквально за два десятилетия Китай превратился из преимущественно аграрной страны в локомотив мировой экономики. Повышается жизненный уровень населения. Растут социальные гарантии. Развивается пенсионная система. Огромные достижения обеспечены в культурно-духовной сфере. Поднебесная прорвалась в космос, добивается крупных успехов в науке и спорте.

Я хорошо помню своё первое посещение Шанхая больше двадцати лет назад. Это был огромный, но бедный город, с лачугами и узкими улочками. Теперь это крупнейший мегаполис, со сказочными небоскрёбами и развитой городской инфраструктурой. Достаточно сказать, что количество станций метрополитена приближается здесь к 400!

И всё это — прямая заслуга Коммунистической партии и китайского правительства. Вот почему я уверен, что «жёсткая посадка» экономику КНР не ожидает. Мудрый и трудолюбивый китайский народ будет и дальше твёрдо идти по пути социально-экономического, культурного и научно-технического прогресса, всестороннего развития социализма с китайской спецификой, построения среднезажиточного общества.

На мой взгляд, разговоры о «жёсткой посадке» — это не прогноз. Это скорее цель вполне определённых кругов. Ведь Вашингтону очень трудно смириться с ослаблением своего доминирования в мировой экономике и политике. А Китай всё активнее теснит американцев. Разумеется, западный капитал будет бороться за сохранение своего господства. При этом он прибегает, как мы видим, к любым средствам,

включая военные. Однако в отношении КНР, как и в отношении России военное давление действует плохо. Поэтому против наших стран будет и дальше вестись экономическая и пропагандистская война. Ведь совершенно очевидна антикитайская и антироссийская сущность Транстихоокеанского партнёрства, которое создают США.

Весьма вероятно, что правящие круги Соединённых Штатов попытаются в ближайшее время активизировать свою в корне порочную антикитайскую политику. А эта политика хорошо известна. Она искусственно формирует неблагоприятные для КНР внешнеэкономические факторы. США создают закрытые экономические блоки и вводят высокие таможенные пошлины на импорт многих видов китайской продукции. Вашингтон препятствует свободной инвестиционной деятельности китайских компаний за рубежом и пытается изолировать Китай от зарубежных источников сырья. Такие откровенно недружественные шаги по отношению к китайскому народу составляют единую цепь политики американских глобалистов.

В условиях углубления мирового экономического кризиса надёжной основой для стабильного развития экономики Китая могут стать опора на собственные силы, удовлетворение внутреннего спроса, ускоренное развитие западных территорий страны. Важную роль способны сыграть реализация проекта Экономического пояса Великого шёлкового пути и ускоренное развитие двусторонних связей с дружественными государствами, включая Россию.

Китай и Россия являются стратегическими партнёрами. Отношения между двумя нашими странами развиваются как равноправные, учитывающие взаимные интересы и обязательства. Потенциал взаимовыгодного экономического сотрудничества между Россией и Китаем очень высок. Наши геополитические интересы имеют общий вектор. На фоне неуёмного американского гегемонизма мы просто обязаны проводить скоординированную внешнюю политику.

Экономики наших двух стран в значительной мере дополняют друг друга. Несмотря на временный спад в двустороннем товарообороте в прошлом году, в начале 2016-го эту негативную тенденцию удалось переломить. По итогам первого квартала рост товарооборота составил 3,6%. При этом китайский экспорт в Россию вырос на 6,2%, а российский экспорт в Китай — на 1,1%. Всестороннее углубление наших связей может стать важной вехой в формировании нового миропорядка, основанного на принципах взаимного уважения и учёта интересов всех его участников.

Конечно, нельзя сказать, что Китай свободен от проблем. Власти и народ КНР заняты разрешением проблем коррупции, противоречий между городом и деревней, загрязнения окружающей среды. Но заслу-

га китайского руководства в том, что оно не закрывает глаза на эти проблемы, а прилагает усилия для их разрешения. В связи с этим я уверен, что недавно принятый 13-й пятилетний план развития страны Китай успешно выполнит. Будет достигнута и главная цель этого плана — создание к 2020 году «общества среднего достатка».

Я считаю, что у Китая сегодня есть все основания с оптимизмом смотреть в будущее. Полагаю, что к столетию образования КПК ваша страна сумеет не только полностью воплотить в жизнь все решения по построению среднезажиточного общества, но и добьётся новых впечатляющих побед в развитии социализма с китайской спецификой.

Мы, коммунисты России, внимательно следим за развитием Китая и вместе с вами радуемся всем достижениям. Искренне желаю китайскому народу больших успехов в продвижении к намеченным целям!

В России Революция была!

Была ли Революция? — Была!
Апологеты рыночного зла,
Освоившие рэкет и грабёж,
Несут о прошлом клевету и ложь.
 Устроившие рыночный грабёж,
 Повсюду сеют клевету и ложь,
 Пытаясь рьяно не чего-нибудь —
 Историю страны перевернуть!

Была ли Революция ? — Была!
Или Россия хорошо жила,
И безлошадный неимущий класс
Не пробавлялся с хлеба да на квас?
 Нужду не мыкал пролетарский класс?
 Не пробавлялся с хлеба да на квас?
 Неужто с жиру лишь он с печки встал
 И на своих мучителей восстал?!

Была ли Революция? — Была!
Хватающие с барского стола
Лишь недалёких смогут убедить,
Что хорошо с помещиками жить.
 Лишь недалёких можно убедить,
 Что хорошо с помещиками жить,
 Что был тогда «простой(?)! переворот»,
 В котором только пешкой(?)! был народ.

Была ли Революция? — Была!
С Ней Новый Путь Россия обрела!

За русским старшим братом, как один,
Пошли узбек, татарин и грузин!
За русским старшим братом, как один,
Пошли и молдаванин, и мордвин
Сограждане Одной Шестой Земли
Все вместе в Революцию вошли!

Была ли Революция? — Была!
Безжалостна, кровава и светла
Она внутри народа родилась
И нашей Третьей Русской назвалась!
ОНА ВНУТРИ НАРОДА РОДИЛАСЬ
И НАШЕЙ ТРЕТЬЕЙ РУССКОЙ НАЗВАЛАСЬ —
В ГРЯДУЩЕМ НЕ ПОМЕРКНУТ НИКОГДА
ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ГОДА!

Была ли Революция? — Была!
Гремела, пламенела и цвела,
ЗА ЛУЧШИЙ МИР, ЗА ПРАВДУ ДЛЯ НАРОДА
ОНА ЛЮДЕЙ РАСТИЛА И ВЕЛА!
ЗА ЛУЧШИЙ МИР, ЗА ПРАВДУ ДЛЯ НАРОДА
ОНА ЛЮДЕЙ РАСТИЛА И ВЕЛА.
БЫЛА ЛИ РЕВОЛЮЦИЯ? — БЫЛА!
В РОССИИ! РЕВОЛЮЦИЯ!! БЫЛА!!!

Красный бард Александр Харчиков (г. Ленинград),
идея Леонида Бойкова (г. Барабинск Новосибирской обл.).

Л.И.Ольштынский

**Социальная структура
современного российского
общества
(историко-социологический анализ)**

Введение

Социальная структура российского общества, сложившаяся в 25-летний постсоветский период, представляет новое для нашей страны историческое социальное явление. Его изучение — область научной работы государственных институтов, различных научных обществ и индивидуальных исследований учёных — социологов, философов и политологов.

Историки также рассматривают изменения социальной структуры российского общества в ходе исторического процесса во взаимосвязи политических, экономических и социальных областей общественной жизни. При этом историко-социологические исследования опираются на научные работы социологов, обобщая и оценивая полученные ими данные и методы исследования.

Историко-социологический анализ даёт основание для решения следующих актуальных вопросов: какие классы составляют социальную систему, каковы интересы этих классов и какая формация сложилась в результате прошедших преобразований. Ответы на эти вопросы позволяют, опираясь на исторический опыт и знание общих закономерностей общественного развития, представить возможные траектории дальнейшего исторического процесса и социальные силы, их определяющие.

Надо подчеркнуть, что ответы на эти вопросы составляют главную часть идеологической борьбы, область активной пропаганды СМИ, направленной на психологическую обработку населения как со стороны

ОЛЬШТЫНСКИЙ ЛЕННОР ИВАНОВИЧ, доктор исторических наук, профессор.

Запада, так и со стороны внутренних социальных сил. В наиболее активной форме это выражается в оголтелом и изощрённом антисоветизме. Очернение и опошление советского прошлого — основное средство увода общественного сознания от трагических проблем современности и угрозы будущему России.

В данном историко-социологическом исследовании социальной структуры современного общества рассматриваются следующие вопросы:

1. Методология социологического исследования.
2. Общая характеристика социальной структуры и оценка сложившейся общественно-экономической формации.
3. Состав и характеристика основных классов и социальных слоёв.

1. Методология исследования социальной структуры общества

Социальная структура российского общества сложилась после политического переворота и разрушения СССР в 1991 году. Этот переворот был идеологически подготовлен отрицанием в ходе горбачёвской «перестройки» социально-классового подхода к развитию общества.

Пришедшие к власти антисоциалистические силы изгоняли из общественных наук советскую классовую методологию. В исторической науке «формационный подход» заменили «цивилизационным», исключив понятия: «общественно-экономическая формация», «капитализм», «буржуазия и буржуазное общество», «социализм» и «социалистическое общество».

В социологии соответственно подменили понятия: вместо «классы» — «страты», вместо «буржуазия» — «предприниматели», «работодатели». Буржуазное общество назвали «гражданским обществом», а советское — «тоталитарным», отбросив фактически существовавшую советскую социалистическую демократию. Классами стали называть слои общества, отличающиеся по доходам в капиталистическом производстве: «верхний класс», «средний класс» и «нижний класс».

В настоящее время в социологии используются два подхода рассмотрения социальной структуры. Первый — официальный, заимствованный у Запада, метод деления общества на слои — «страты», прежде всего по доходам. Страты объединяют в группы или классы: «бедные», «малообеспеченные», «средние» и «богатые».

Второй — сохранившийся с отдельными изменениями советский метод — деление общества на классы по производственному принципу и отношению к собственности на средства производства.

Официальная трактовка социальной структуры российского общества была представлена директором Института социологии РАН М.К.Горшковым на III Всероссийском социологическом конгрессе в Москве 3—5 октября 2006 года. В его докладе всё население страны разделе-

но, исходя из доходов и уровня жизни, на 10 страт, которые составляют четыре группы.

Первая группа «бедные» (38% населения) включает с первой по третью страты. Вторую группу «малообеспеченные» (24%) — четвёртую страту. Третья группа — «средний класс» (20—22%) включает с пятой по восьмую страты. Четвёртая группа «богатые» (5% населения с душевым доходом 2 000 у.е. и более) — девятую и десятую страты.

Вывод учёного — свыше 60% населения находятся «ниже черты бедности», «на грани бедности» и в состоянии «малообеспеченности». Такая ситуация оценивается как социальная напряжённость с возможными потрясениями. (См.: Материалы доклада чл.-корр. РАН М.К.Горшкова на III Всероссийском конгрессе. — Москва, 3—5 октября 2006 г.).

Второй метод применяет один из патриархов отечественной социологии М.Н.Руткевич. Он выделил в современном российском обществе классы по производственным признакам, в том числе классы «крупной и мелкой буржуазии». (См.: *Руткевич М.Н. Трансформация социальной структуры российского общества* // Социс. 2004. № 12. С. 41). Ряд других исследователей также стоят на этих позициях, но в целом современная отечественная социология идёт в фарватере западных концепций в угоду сложившемуся капиталистическому строю.

В данном историко-социологическом исследовании использованы фактические данные официальной статистики, но с применением «системного цивилизационно-формационного подхода» к изучению исторического процесса. Этот метод разработан и использован в учебнике для вузов — *Курс отечественной истории IX—XXI веков. Основные этапы и особенности развития российского общества в мировом историческом процессе* / Под ред. проф. *Л.И.Ольштынского*. / 3-е изд. — М., 2012. С. 9—12.

Суть его в следующем. Общество рассматривается как социальный организм, как сложная социо-культурная система, состоящая из совокупности классов и социальных слоёв, взаимосвязанных процессом производства средств жизнедеятельности. Основное понятие «классы» принимается в ленинской формулировке: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению (большей частью закреплённому и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определённом укладе общественного хозяйства» (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15*).

Общая характеристика социальной структуры и оценка сложившейся общественно-экономической формации

Социальная структура российского общества сформировалась под воздействием политической власти, которая социалистический экономический уклад заменила преимущественно капиталистическим укладом на основе частной собственности. Соответственно этому формировалась новая социально-классовая структура.

В обширном массиве официальной статистики и в правительственных сообщениях, социологических исследованиях тщательно обходятся социально-классовые характеристики, связанные с главными производственными отношениями — отношениями собственности и способами распределения доходов от общественного труда. Старательно избегается и оценка сложившегося социально-экономического типа общества. Пример этому отмеченный ранее доклад М.И.Горшкова.

Однако в социологических исследованиях этого типа ряд социологов выделили характеристики и по основным классовым признакам.

М.Н.Руткевич в исследовании буржуазии пришёл к выводу, что российская бюрократия представляет собой по основным классовым признакам самостоятельный класс. В отличие от капиталиста, «чиновник-бюрократ помимо награждения от государства (т. е. общества) вынуждает капиталиста „отстёгивать” ему определённую часть прибыли за разные услуги». (Социальная структура современного российского общества / Коллективная монография. — СПб., 2007. С. 20). А.В.Дмитриев выделил в современном российском обществе следующие классы: «новая буржуазия» — предприниматели и банкиры; административная элита — федеральные и региональные власти; интеллигенция — работники умственного труда; рабочий класс; крестьянство.

Академик РАН Т.Н.Заславская приводит свою структуру в рамках официальной методологии, но даёт конкретные цифры по ряду социальных слоёв, о которых официальная статистика умалчивает. «Верхний слой» — элитные и субэлитные группы в экономических и государственных структурах составляет 7%, из которых 0,5% — правящая верхушка, а 6,5% — крупные и средние предприниматели. «Средний слой» (в других исследованиях «средний класс») — 20%. «Базовый слой» — 60%, к которому она относит интеллигенцию (специалисты), полунинтеллигенцию (помощники специалистов), служащих из технического персонала («офисный планктон») и рабочих. Заславская выделяет «нижний слой» — малоквалифицированные и неквалифицированные работники — беженцы и др. — 8%. Последний слой «социальное дно» — преступные и полупреступные элементы и личности асоциального поведения (бомжи, наркоманы и т. п.) — 5%.

Обобщение материалов исследований различных социологов, по-

литологов, экономистов даёт основание представить общую социальную структуру современного российского общества в процентных соотношениях. Историко-социологический анализ показывает, что из классов и социальных групп советского общества к настоящему времени сложилась относительно устойчивая следующая социальная структура:

— Сохранившийся **рабочий класс** — наиболее многочисленный — 37% населения.

— **Трудовая интеллигенция и служащие** — второй по численности класс из сохранившейся советской интеллигенции — 20—25% населения.

— **Крестьяне** из советского колхозного крестьянства и работников совхозов — 12% населения.

Это **основные трудовые классы** — свыше 70% населения. Они представляют главную производительную силу общества, обеспечивают экономическое воспроизводство и воспроизводство человека. В численность этих классов входят и пенсионеры, вышедшие на пенсию из своего класса. К этим классам примыкает, как и в советском обществе, непродуцированный слой трудоспособного населения, резерв классов — студенчество:

— **Студенты** средних специальных и высших учебных заведений — 4% населения.

Итого: **трудовые классы и слои составляют 75—80% населения.**

В результате ликвидации общенародной государственной и кооперативно-колхозной собственности и передачи её в частную и акционерно-частную собственность сложились **новые классы и социальные слои**:

— **Буржуазия и высшая государственная бюрократия** — 7% населения.

Буржуазия понимается как класс, обладающий собственностью на средства производства, капиталом и существующий за счёт эксплуатации наёмного труда. Источник доходов буржуазии — прибавочная стоимость, создаваемая неоплаченным трудом и присваиваемая капиталистом. (См.: Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. С. 65).

— **Обслуга буржуазии** — социальный слой для выполнения личных услуг буржуазии — 13—15% населения. В этот слой входят: охранники личные и участков загородных вилл, домашние слуги и технические работники, обслуживающие дома; персонал для содержания земельных участков; домашние учителя и врачи, часть журналистов и работников культуры. Все они работники необщественного труда, которые пользуются долей прибыли капиталистов и одновременно общественными средствами из госбюджета (медицина, образование, пенсии).

— **Социальное дно** — 5% населения. Согласно исследованию Заславской, это — уголовные и полууголовные элементы, бомжи и бродяги, люди асоциального поведения — наркоманы, проститутки и т. п.

Опубликованные материалы социологических исследований позволяют оценить распределение доходов различных классов и социальных слоёв. По данным Госкомстата РФ, в 2010 году доходы основных трудовых классов и уровень жизни представлены следующими характеристиками:

В бедности — доход от 7 400 руб. до 17 000 руб. — 38%.

В нищете — доход от 3 500 руб. до 7 400 руб. — 28%.

В крайней нищете — доход ниже 3 422 руб. — 13,4%.

Таким образом, 80% населения — трудовые классы живут в бедности и нищете. Буржуазия — 5% населения — купается в роскоши, децильный коэффициент составляет десятки раз. «Средний класс», на который уповают либеральные политологи, составляет всего 15%. Такая структура доходов в обществе, считают ведущие политологи и социологи, «крайне неустойчива», протестный сектор существенно перевешивает союз «среднего класса» с буржуазией.

Глубокий социально-экономический анализ российского общества дал в январе 2006 года руководитель в то время Отделения экономики Российской Академии Наук академик РАН Д.С.Львов. Он отметил, что 100 валютных миллиардеров в России имеют состояние в 520 млрд. долл., что соответствует всем золотовалютным запасам Центробанка. Изучив динамику доходов населения, академик сделал вывод, что в России «без оглядки на настоящую экономическую науку» создан «механизм самопроизводства бедности». На долю 15—17% населения приходится доходов от собственности 92%, а на долю остальных 85—83% — всего 8%. В этой системе повышение доходов у 60% населения на 1 рубль даёт богатым прибавку в 8 рублей. Особенно показательно соотношение зарплаты в создании валового внутреннего продукта: «Сегодня российский работник за доллар зарплаты производит 4,5 доллара ВВП, а американский работник — 1,4 доллара. Такой невиданной эксплуатации наёмного труда и такого безразличия власти к самому ценному капиталу — своему народу не знает ни одна современная страна мира». (Советская Россия, 14 июня 2007 г.).

Проведённый анализ показывает, что социальная структура современного российского общества и сложившийся характер производственных отношений представляют тип общества периферийного капитализма в системе экономических центров Западной Европы и США в качестве их сырьевого придатка. Политический переворот 1991 года и последующие экономические преобразования отбросили российское советское общество на 100 лет назад. Произошла реставрация российского периферийного капитализма начала XX века с утратой геополитических, экономических и социальных достижений, достигнутых СССР в течение XX века. Это положение верно оценивают как «величайшую геополитическую катастрофу».

Состав и характеристика основных классов и социальных слоёв

Главным звеном, стержнем социально-экономических преобразований, определивших социальную структуру современного российского общества, стало создание класса буржуазии путём передачи в частную собственность государственных средств производства с одновременным разрушением государственного управления экономикой. Этот процесс сопровождался усиленной деиндустриализацией страны с переводом экономики преимущественно на производство сырья для экспорта.

«Новая русская буржуазия» («новые русские») существенно отличается от буржуазии в других странах по способам получения капитала. Если в Европе и других странах капиталы складывались поколениями предпринимательской деятельностью, то «новорусские» получили их путём раздела общенародной государственной собственности в одночасье. Организаторы расхищения — либеральная интеллигенция — критиковали диктатуру пролетариата, которая, как они считали, выполняла задачу «отнять и поделить» собственность помещиков и капиталистов, фактически отняла и поделила между своими представителями собственность, созданную трудами двух поколений советского народа. Как писал Д.Сакс — американский советник правительства Ельцина-Гайдара: «Российское руководство сочло, что дело государства — служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее». (Завтра. Февраль 2010. № 6).

Происхождение «новорусской» буржуазии определило и её характер. В процесс массовой приватизации активно вторгся иностранный, в первую очередь американский, капитал через многочисленных американских советников в окружении Б.Ельцина и Е.Гайдара.

По данным бывшего директора НИИ статистики Госкомстата России В.Симчеры, доля иностранного капитала в экономике России фактически составляет до 75%. (См.: Советская Россия, 12 ноября 2011 г.). Этим определился компрадорский характер российской буржуазии — её зависимость и подчинённость интересам в первую очередь иностранного капитала. Оценкой предприятий для приобретения их западными фирмами занимался созданный Гайдаром Институт экономики переходного периода.

Приватизацией государственных предприятий занялись деятели ранее подпольной теневой экономики («теневики») и представители криминального мира. В создание частных банков активно включились криминальные «общаки». Отсюда криминальный дух «новых русских». Этому способствовал принцип политического руководства: «Главное — создать класс собственников, и неважно, кто ими станет». С.С.Говорухин острым чутьём художника уловил эти особенности в книге «Великая криминальная революция». По оценкам доктора юридических наук А. Гурова, в 1994 году 85% коммерческих структур находились под контролем криминала.

В состав руководства образованных холдингов, акционерных компаний и других производственных объединений вошла часть представителей высших органов госаппарата и силовых структур. Это придало новой буржуазии «олигархо-бюрократический» характер. Значительную часть нового класса буржуазии составили бывшие директора государственных заводов, совхозов, колхозов, получившие большую долю акций своих предприятий.

За несколько лет сложились следующие отряды класса буржуазии по видам капитала: финансовая буржуазия, промышленная, аграрная, транспортная, торговая, тесно переплетающиеся между собой и с государственными структурами. По размерам капитала к середине второго десятилетия XXI века в этом классе образовалось три социальных слоя: крупная буржуазия, средняя и мелкая буржуазия («малый бизнес»). Каждый из них имеет свои особые интересы, специфику социальной психологии и образа жизни. Между ними имеются противоречия, но их объединяют общие интересы — увеличение капитала за счёт эксплуатации труда и защита капиталистической частной собственности. Госаппарат, государственные и частные СМИ, культурные и общественные организации, питаемые от частных компаний, служат этим интересам. Все слои буржуазии имеют коррупционные связи с государственными органами. По данным А.Гурова, после 2010 года коррупцией охвачены до 100% государственных структур.

Рассмотрим кратко некоторые черты каждого слоя буржуазии.

Крупная буржуазия («олигархи») имеют капитал в миллиарды и сотни миллионов долларов. По официальным данным, их тысячи семей. Это — владельцы крупных компаний добычи нефти и газа, предприятий металлургии, естественных монополий, крупных банков. К ним примыкает высшая бюрократия и церковная иерархия. Вместе они составляют олигархо-бюрократический слой, который определяет политику государства. Численность слоя — 0,05—0,1% населения.

В него вошли крупные политические деятели «демократических» сил периода горбачёвской «перестройки» и «ельцинских реформ лихих 90-х». Они ярые противники социалистической идеологии, злобные антисоветчики и тесно связаны с Западом по всем сферам своей жизни. Считают себя «элитой» человеческого общества и стремятся войти в высшие слои международной олигархии. Однако их капиталы находятся за рубежом под контролем спецслужб США и не гарантированы от «замораживания». Психологию этого слоя выразил делец С.Полонский: «Кто не имеет миллиарда, может идти в ж...», но и сам вскоре «прогорел».

Средняя буржуазия имеет капитал до десяти миллионов долларов. К этому слою относятся владельцы крупных промышленных и аграрных предприятий, крупных торговых, посреднических и туристических фирм, банкиры, главари криминального мира, руководители федеральных СМИ,

шоу-бизнеса, спорта. С ними смыкаются региональная бюрократия, церковные верхи, руководство официальных профсоюзов.

В этот слой вошли часть бывшего партийного, советского и профсоюзного аппарата, советской интеллигенции, директорского корпуса, а также легализовавшиеся «теневики» с местными главариами организованного криминала. Численность слоя — примерно 2% населения.

В этом слое, обладающем эксплуататорской хваткой и деловой энергией, основное стремление к росту своего капитала сочетается с тягой к роскошной жизни на родине, а преклонение перед Западом — с национализмом. Умеренный антисоветизм соседствует с либерализмом и даже с монархизмом, в основном же соблюдается официальная идеология и политическая линия центральной власти. Национализм не перерастает в сепаратизм, но ослабление центральной власти грозит оживить сепаратистские устремления.

Мелкая буржуазия. Самый многочисленный и разнородный слой класса — 3—4% населения. Сам термин «мелкая буржуазия» тоже имеет разное значение. В советской социологии к ней относили и крестьянство, и ремесленников. В современной социологии к этому слою буржуазии относят лиц, имеющих капитал до сотен тысяч долларов и использующих наёмный труд — «малый бизнес». К этому слою буржуазии относятся владельцы мелких фирм в различных областях производства и услуг, в торговле, а также фермеры, имеющие наёмных работников и недвижимость.

В состав слоя вошла часть госаппарата и бывшей советской интеллигенции, лишившаяся своей работы или сменившая профессию из-за низкой зарплаты, а также часть квалифицированного рабочего класса и колхозников. Это критически мыслящая и активная часть общества, принявшая условия капитализма для своей деятельности, но и порицающая его пороки. В их среде неустойчивые идеологические воззрения и политические настроения, однако, нет активного антисоветизма и сильны патриотические настроения.

Укрепление класса буржуазии вызвало и формирование слоя «обслуги буржуазии» — 13—15%, а также «социального дна» — 5%. Класс буржуазии и связанный с ним слой обслуги составляют около 20% населения, социальное дно ещё 5% — всего 25%. Они исключены из производства. Появился новый, определяющий их термин, — «паразитарные слои».

В последние годы среди социологов идут споры о составе трудовых классов. Доктор философских наук А.В.Воронцов, например, склонен считать всех работников наёмного труда новым формирующимся единым классом, который включает свыше 70% активного населения. (См.: Социальная структура современного российского общества. — СПб., 2007. С. 23). Безусловно, что у них общая социальная сущность — отсутствие собственности на средства производства и продажа своей рабочей силы на рынке труда. Однако их роль в общественной жизни и характер труда различны. Поэтому

необходимо изучать и учитывать трудовые классы раздельно. Традиционно такими классами считаются: рабочий класс, трудовая интеллигенция и крестьянство. В советской социологии и историографии интеллигенция считалась социальным слоем («прослойкой») между двумя дружественными и социально однородными классами — рабочими и колхозным крестьянством. В современном обществе всё больше утверждается положение, что работники умственного труда составляют самостоятельный класс, но есть и приверженцы взгляда, что часть интеллигенции входит в состав рабочего класса. В данном исследовании принято положение, что интеллигенция составляет самостоятельный класс в буржуазном российском обществе.

Рабочий класс. В советском обществе был официальным совокупным собственником государственных производительных сил, находящихся в общественной, общенародной собственности. В современном буржуазном российском обществе он превращён в пролетариат, как и в других капиталистических странах и в Российской империи до 1917 года. Пролетариат — это рабочая сила, продающая себя на рынке труда в различных сферах общественного производства при угрозе безработицы.

Основные отряды рабочего класса составляют: индустриальные рабочие, рабочие добывающих отраслей, рабочие электроэнергетической системы, транспортники, строители, работники торговли и сферы услуг, сферы ЖКХ. Общая численность составляет примерно 37%.

В ходе разрушительных «реформ», кризисов и ликвидации промышленных предприятий общая численность рабочего класса значительно сократилась, в первую очередь, индустриального пролетариата. Воспроизводство рабочих специальностей в государственном масштабе разрушено. По уровню профессионального образования и характеру труда рабочие всех отрядов делятся по квалификации: высокой квалификации, средней и низкой квалификации, что определяет и их уровень заработной платы. Сокращение численности пролетариата произошло в наибольшей степени за счёт лиц высокой квалификации, а оставшаяся часть стареет. В целом идёт деградация этого слоя.

Сохранили своё значение и повысили роль в общественной жизни транспортники, рабочие энергетических систем и ЖКХ, способные протестными акциями парализовать городскую жизнь. Им дают повышенную зарплату и социальные привилегии.

Угроза безработицы, высокая трудовая нагрузка снижают общественную активность, вызывают апатию к общественным событиям и проблемам, ослабляют классовое самосознание и самоорганизацию. Официальные профсоюзы обслуживают буржуазию. Буржуазная пропаганда внушает негативное отношение к советскому прошлому и социалистической идеологии. Однако память о советской жизни сохраняется, осуждение капиталистической системы нарастает, протестные настроения усиливаются.

Крестьянство. Ликвидация колхозов и совхозов нарушила сельскохозяйственное производство, особенно в средней полосе России и северных регионах страны. Сельское население продолжает уходить в города, сельскохозяйственные угодья сократились на одну треть, а государственная поддержка уменьшилась в 15 раз. Численность крестьянства — 12% населения.

Фермерство, на которое уповали либералы, не привилось в России. Работающим фермерам принадлежит 9,7% угодий, а их доля в общем объёме сельхозпродукции составляет всего 2%. (См.: Социальная структура современного российского общества. С. 25).

Крупные колхозы и совхозы преобразованы в акционерные сельхозпредприятия, бывшие руководители колхозов и совхозов в большей части стали сельской буржуазией. А остальные «акционеры» — фактически сельскими рабочими. Крепкие колхозы в ряде районов средней полосы и зернодобывающих регионов вписались в рыночную экономику и устойчиво продолжают вести коллективное хозяйство. Крестьянство в наибольшей степени осталось привержено советскому прошлому и устойчивости современных общественных отношений.

Интеллигенция и служащие составляют второй наиболее многочисленный и многослойный класс — 20—22% населения.

Научная и научно-техническая интеллигенция осуществляет с частью рабочего класса высокой квалификации научно-технический прогресс общества. Развитие науки управления и сложность и масштабы производственной деятельности резко повысили роль управленческого труда (менеджеров) в общественной жизни.

Научно-технический прогресс со сменой технологического уклада повысил требования к уровню образования и общего развития личности. Соответственно выросла роль гуманитарной, педагогической интеллигенции. Высокие требования к управлению и развитие техники в этой области во всех сферах жизни повысили производственную роль служащих, не говоря уже об офицерском составе армии, флота и силовых структур.

На основе этого следует, на наш взгляд, что интеллигенция и служащие сейчас имеют все классообразующие признаки и могут быть ведущим классом общества. Однако свою ведущую роль они способны выполнить только совместно с рабочим классом.

Особенность класса интеллигенции в том, что умственный труд выдаёт обществу интеллектуальный, духовный продукт, который востребован общественной жизнью. Однако реально его заказывает и оплачивает господствующий класс в государстве. В капиталистическом обществе — буржуазия.

Советская интеллигенция в наибольшей степени пострадала от реставрации капитализма, сократилась численно, девалифицировалась и обнищала. Она остро чувствует социальную несправедливость периферийного

капитализма, но организационно разобщена, атомизирована, идейно и психологически подавлена воздействием буржуазных СМИ.

Современная российская интеллигенция и служащие, вышедшие из советской интеллигенции, имеют следующие группы в соответствии с характером своей деятельности:

- научная интеллигенция;
- управленцы и научно-техническая интеллигенция;
- педагогическая интеллигенция всех уровней образования;
- медицинская интеллигенция;
- художественная интеллигенция и работники СМИ.

Среди слоя служащих можно выделить группы:

- кадровый состав армии и флота;
- кадровый состав МВД, МЧС, ФСБ;
- служащие госучреждений и госаппарата;
- служащие банков, частных предприятий и учреждений

Все служащие подчинены строгой субординации, дисциплине и, как правило, дорожат своим местом. Они в значительной мере составляют так называемый «средний класс». Буржуазное российское государство приспособливает этот класс к капиталистическим общественным отношениям и к ассимиляции западной цивилизацией. Для этого широко используется подготовка части интеллигенции за рубежом, воздействие западной массовой культуры. В этом же направлении работают и западные СМИ. Холодная война с советским обществом продолжается с упором на молодёжь, вырастающую в новых социально-политических условиях.

Заключение

Социальная структура современного российского общества подвижна и продолжает изменяться. В трудовых классах ещё сохраняются советские корни и традиции, но в целом общество деградирует. В процессе деиндустриализации и деидеологизации идёт дебилизация и деморализация основной массы населения. Кризис 1998 года повторился в 2008-м. После короткого периода стабилизации сейчас наступил новый кризис, связанный и с мировым экономическим кризисом.

Трудовое население России нищает и вымирает. Российский периферийный капитализм, как и в начале XX века, показал свою нежизнеспособность в мировой системе капитализма. Протестные движения нарастают, социальное напряжение усиливается. Правительственными мерами и психологической обработкой населения СМИ общество удерживается от социального взрыва, но кризис углубляется.

Г.К.Крючков

О так называемом «среднем классе» и его месте в современном украинском обществе*

Данная статья посвящена проблеме так называемого «среднего класса», его месту в социально-классовой структуре современного общества, той роли, которую он играет в общественно-политической жизни нашей страны, отношению к нему политических партий и организаций, выступающих против правящего в Украине национал-олигархического режима.

Говоря о «среднем классе», обычно имеют в виду довольно многочисленные, неоднородные слои (общественные группы), которые в классово-антагонистическом обществе занимают промежуточное положение по отношению к основным классам.

Считается, что впервые это понятие было использовано древнегреческим драматургом Еврипидом около 420 года до нашей эры. В трагедии «Умоляющие» он отмечал: «В государстве три класса есть: во-первых, богачи, для города от них нет пользы, им лишь для себя побольше. Но опасны и бедняки и чернь, когда своё с угрозою подымлет на имущих отравленное жало, подговорам послушная витий. Лишь средний класс для города опора; он законам покорствуется и власти». То есть уже тогда были подмечены две существеннейшие черты средних слоёв, названных «средним классом»: податливость демагогии («витиям») и законопослушность, ввиду чего они рассматриваются в качестве опоры правящих режимов.

В IV веке до нашей эры это понятие использовал древнегреческий философ Аристотель, который утверждал, что чем больше будет эта социальная прослойка, тем стабильнее будет само общество: «Государ-

КРЮЧКОВ ГЕОРГИЙ КОРНЕЕВИЧ, член Президиума ЦК Компартии Украины, член Центрального Совета СКП—КПСС.

* Статья подготовлена на основе тезисов к выступлению на заседании проведённого в г. Киеве 24 марта 2016 г. «круглого стола» о состоянии социально-классовой структуры украинского общества и социальной базе «Левой оппозиции».

ство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный слой. Они не стремятся к чужому добру, как бедняки, а прочие посягают на то, что этим принадлежит, подобно тому, как бедняки стремятся к имуществу богатых».

В рабовладельческом обществе к средним слоям относились мелкие собственники, в феодальном — бюргерство (мещанство), формирующаяся торгово-промышленная буржуазия и прочие. В условиях капитализма на первом этапе средние слои составляли торговцы, ремесленники и другие городские мелкие собственники, большая часть крестьянства, в частности фермерство, а также лица свободных профессий (врачи, адвокаты, учительство, журналисты и прочая интеллигенция, которую на Руси когда-то называли «разночинцами»). Их принято относить к «старому (традиционному) среднему классу». На монополистической стадии капитализма всё большую роль стал играть растущий слой привилегированных, хорошо оплачиваемых управленцев-менеджеров, а также квалифицированных работников наёмного труда, которых обычно называют «новым средним классом».

Само понятие «**средний класс**» в социологическую лексику **введено** в 20-х годах прошлого столетия, в значительной мере **как противовес марксистской классовой концепции** общественного развития и известному ленинскому определению классов.

«Классами, — указывал Владимир Ильич, — называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определённом укладе общественного хозяйства». (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15*).

Марксизм исходит из того, что в капиталистическом мире есть два противостоящих друг другу класса — буржуазия и пролетариат, а остальные существующие социальные слои и прослойки с развитием капитализма обречены на постепенное исчезновение.

Как известно, с победой социализма, ликвидацией эксплуататорских классов в СССР Советское государство стало государством трудящихся, в котором было два класса — рабочий класс и колхозное крестьянство, а также прослойка между ними — народная интеллигенция, которая на каком-то этапе, с ростом её численности и возрастанием роли в жизни общества, стала тоже называться классом, но не в том смысле, какое вкладывается в понятие «средний класс». Понятие «средний класс» у нас не употреблялось.

В дальнейшем, когда в советском обществе в силу известных причин (требующих особого рассмотрения) проявились и стали нарастать процессы капиталистической реставрации, возникли и всё больше набирали вес и влияние слои, которые после антисоциалистического переворота 1991 года составили основу и возродившихся крупной буржуазии, а также латифундистов, и так называемого «среднего класса».

По мере того, как частная собственность становилась господствующей, в стране формировались и росли отряды мелкого и среднего предпринимательства, многочисленная челядь, обслуживающая и охраняющая новоявленных богачей, акционеры и рантье, превосходящий в несколько раз, чем при Советской власти, бюрократический управленческий аппарат, хорошо оплачиваемые собственниками СМИ журналисты, а также другие слои, которые в буржуазном обществе принято относить к «среднему классу». Это явилось следствием радикальной трансформации социально-классовой структуры нашего общества. В ходе углубления капиталистической реставрации она размывалась, грани между различными её частями становились и остаются подвижными. Скажем, к какой категории отнести профессора, который после восьми часов работы на кафедре, вынужден, чтобы прокормить семью, заниматься, сколько хватит сил, извозом, а в выходные ремонтировать чью-то квартиру?

В то же время социально-классовая структура всё определённое становится соответствующей «классическому» капиталистическому обществу, основу которого составляют класс крупных собственников и наёмных работников. Логика политического процесса ведёт к поляризации общества, углублению в нём имущественного и социального неравенства, отношению и абсолютному обнищанию миллионов людей, пролетаризации рабочего класса, интеллигенции и других слоёв трудящихся, ко все большему осознанию различия классовых интересов, классовому противостоянию и в конечном итоге — к открытой классовой борьбе.

Бытующее понятие «средний класс» включает в себя различные слои и группы, даже целые классы, которые отличаются по своему общественному положению и социальной роли, специфическим интересам и тенденциям развития. Есть среди них мелкие эксплуататоры и эксплуатируемые, лица, имеющие весьма значительный доход, и получающие менее среднего рабочего, не говоря уже о различии сфер их деятельности. Называть их единым классом, по моему мнению, нет оснований.

Вместе с тем общим для средних слоёв является **«промежуточность» их положения** по отношению к основным классам, что позволяет рассматривать их как **относительно особое структурное подразделение капиталистического общества**. В социологической литера-

туре и политическом обиходе обычно выделяют такие его основные признаки:

владение небольшой собственностью, в том числе недвижимостью (современное — «европейское» — жильё, земельный, в частности дачный, участок), орудия труда, автомобиль или несколько их;

наличие душевого дохода, позволяющего иметь сравнительно высокие жизненные стандарты, уровень потребления, вести, как принято говорить, «приличный» образ жизни. Появились даже, как отмечалось недавно на презентации проведённого Институтом социологии Российской Академии наук исследования, так называемые маркетинговые концепции «среднего класса», принадлежность к которому определяет в основном по покупательной способности индивидов;

наличие образования и квалификации;

возможность получать платные услуги (лечение, обучение за границей детей), путешествовать по миру, отдыхать за границей.

В различных странах эти стандарты различны. Из некоторых материалов, которые публиковались, явствует, например, что в Соединённых Штатах Америки для отнесения к «среднему классу» в расчёт принимается наличие среднегодового душевого дохода в размере, как минимум, около 25 тыс. долларов, в России — около 6 тысяч. Понятно, что никакими законами это не определяется, просто «так принято считать».

Употребляется также такой критерий, как **субъективно-классовая идентификация**, то есть **самооценка**, отнесение индивидом себя к «среднему классу». Несостоятельность такого подхода была убедительно показана на упомянутой презентации: отнесли себя к «среднему классу» 73% опрошенных россиян, что в 1,7—1,75 раза больше, чем считают российские социологи (42—44% занятого населения).

В политическом плане важнейшее значение имеет **сходность идейных, социальных и политических установок** лиц, относимых к «среднему классу», а именно: удовлетворённость собственным положением, умеренный политический консерватизм, заинтересованность в поддержании социальной стабильности, аполитичность — вплоть до безразличия в отношении того, какая в государстве власть, абсентеизм (уклонение от участия в выборах), **мещанская, обывательская, потребительская — мелкобуржуазная по своему существу психология** — «моя хата с краю», «мне, моей семье хорошо, а до других мне дела нет». Это действительно делает средние слои **опорой буржуазной власти**.

Не случайно правящие в постсоветских республиках режимы особые расчёты делают на создание массового «среднего класса». В Российской Федерации, например, ставилась задача «довести прослойку среднего класса, как минимум, до 50 процентов». Жизнь показала неосуществимость этих планов. А жестокий кризис ударил и по средним

слоям, что формирует у них, как и у рабочего класса, антикапиталистические настроения. Хотя в условиях кризиса «средний класс», как отмечают социологи, и «устоял», численность его уменьшилась. Впрочем, иначе и быть не могло, если только за 2015 год, по официальным данным Роскомстата, число бедных в России увеличилось более чем на 3 млн. — с 16,1 млн. до 19,2 млн. человек. То есть бедным является каждый 7—8-й россиянин.

На состоянии и численности «среднего класса» ощутимо сказывается процесс так называемой **прекариатизации** (от английского слова *precarious* — неустойчивый, ненадёжный, угрожающий) — превращение гарантированных трудовых отношений в состояние негарантированности и незащищённости, когда трудовые отношения наёмного работника в любой момент могут быть расторгнуты работодателем и работник окажется пролетарием. Это угрожает прежде всего многим гражданам, которых относят к «среднему классу». Заместитель председателя правительства Российской Федерации Ольга Голодец в одном из публичных выступлений отмечала, что «38 миллионов (!) россиян непонятно где и чем заняты». Учитывая масштабы этого явления, некоторые исследователи говорят о прекариате, представители которого не имеют «нормальной» работы, характеризующейся постоянной занятостью, стабильным заработком и социальными гарантиями, обеспечиваемыми работодателем и государством, даже как об отдельном классе, который сегодня является «классом в себе».

В Украине тоже носятся со «средним классом», считая его панацеей от многих бед, сотрясающих страну. Особенно активно эксплуатировалась эта тема, когда президентом был Л.Кучма. В ежегодных президентских посланиях Верховной Раде ей уделялось особое внимание. Подчёркивалось, что «консолидированный с другими слоями населения средний класс должен стать социальной основой украинской политической нации». «Утверждение среднего класса как основы политической стабильности и демократизации общества» определялось «основной задачей сильной и целеустремленной государственной политики в социальной сфере». Перед правительством ставилась задача — «стимулировать создание условий для формирования среднего класса». Намечалось довести его численность в составе населения до 55—60% — «как в развитых государствах» — и, тем самым, «завершить формирование в Украине гражданского общества». Все это осталось благими пожеланиями.

К Посланию, представленному парламенту в мае 2002 года, был приложен специальный доклад «Политика становления среднего класса». В нём приведены обобщённые показатели стратификации населения, происшедшей в Украине к концу 2001 года. К тому времени в стране сформировались четыре группы населения:

бедные, которые составили 27,8% населения страны, в том числе в их составе нищие — 15,1 процента;

потенциально среднедоходные или протодоходные, чьи доходы превышают черту бедности, но являются недостаточными для отнесения их к среднему классу. Их насчитывалось около половины — 48,4 процента. Это — люди, балансировавшие между бедностью и благосостоянием, которые могли в будущем или перейти к «среднему классу», или пополнить армию бедных;

среднедоходные — 20,8%. Их и можно было рассматривать как социальную базу будущего «среднего класса»;

зажиточные — 3% населения.

Себя при опросах идентифицировали с средним классом 32—45%, хотя фактически, по мнению аналитиков, их было немногим более 12 процентов.

В дальнейшем положение только ухудшалось. По данным исследования, проведённого в апреле 2007 года Киевским институтом проблем управления имени Горшенина, к «среднему классу» отнесли себя 33,6% его участников, тогда как объективно его численность не превышала 9 процентов. Зарубежные исследовательские организации называли ещё меньшие цифры. А в ежегодном Послании президента В.Януковича Верховной Раде за 2011 год отмечалось «почти полное отсутствием в социальной модели современной Украины» среднего класса, «призванного быть главной движущей силой модернизационного процесса». Катастрофическое ухудшение ситуации в стране после февральского (2014 г.) государственного переворота привело к тому, что за чертой бедности оказались, по некоторым оценкам, не менее 80% населения.

О каком «мощном среднем классе» в Украине при такой колоссальной бедности можно говорить?

Промежуточное, двойственное положение представителей средних слоёв, многие из которых, с одной стороны, являются собственниками, а с другой — нередко подвергаются эксплуатации или давлению со стороны мафиозных кланов или буржуазного государства, приводит к тому, что **они постоянно колеблются, мечтают, легко поддаются иллюзиям и демагогии**, их голоса задёшево покупаются на выборах, их позицией манипулируют власти.

К слову, **на это обращали внимание ещё основоположники марксизма**. Ф.Энгельс, например, отмечал: «...Современная мелкая буржуазия является наиболее меняющимся классом общества; банкротство стало в её среде постоянным явлением. Благодаря обладанию небольшим капиталом, она по своим жизненным условиям примыкает к буржуазии, по неустойчивости же своего существования — к положению пролетариата. Её политическая позиция так же полна проти-

воречий, как и её общественное бытие...». (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 68). Об этом же говорил и В.И. Ленин: «Мелкий буржуа находится в таком экономическом положении, его жизненные условия таковы, что он не может не обманываться, он тяготеет невольно и неизбежно то к буржуазии, то к пролетариату. Самостоятельной „линии“ у него **экономически** быть **не** может». (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 40). И ещё: «Мелкий хозяйчик стоит на распутье в великой всемирной борьбе труда с капиталом: — стремиться ли к тому, чтобы „выйти в люди“ по-буржуазному, чтобы самому стать хозяином, или же стремиться к тому, чтобы помочь пролетариату свергнуть господство буржуазии». (Там же. Т. 14. С. 110).

Мы неоднократно имели возможность убедиться, что представителей «среднего класса» легче поднять на протестные выступления, когда речь идёт о нарушении или ущемлении их непосредственных имущественных прав и интересов. Примером тому могут служить выступления мелких и средних предпринимателей (к слову, завершившиеся их победой) против не устраивавших их положений принимавшегося Верховной Радой Налогового кодекса. При этом приходится отмечать, что повели мелких и средних предпринимателей на протестные акции не представители левых сил, а парламентарии-оппозиционеры, представляющие одну из борющихся между собой группировок крупного капитала. Можно сказать также о выступлениях в защиту своих прав работников фактически уничтожаемого в нашей стране профессионально-технического образования.

Работать с представителями средних слоёв надо, привлекая их к акциям протеста — пикетированию, участию в демонстрациях, митингах и др., **когда наши интересы совпадают. В борьбе за общедемократические преобразования** они могут выступать совместно с представителями рабочего класса, другими прогрессивными силами, по крайней мере, быть попутчиками в этой борьбе. Ещё К.Маркс предсказывал: «..Мелкая буржуазия явится составной частью всех грядущих социальных революций». (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 412).

Конечно, при этом **не следует питать иллюзий**, важно учитывать положение различных социальных групп, относящихся к «среднему классу». Ведь очевидна различная мотивация поведения и действий, скажем, профессора в вузе или НИИ и уборщицы в офисе крупного банкира или предпринимателя, которая получает такую же, как профессор, или даже более высокую зарплату.

При этом необходимо учитывать и решительно **противостоять опасности проникновения в рабочую среду мелкобуржуазного мировоззрения, частнособственнической психологии**. Именно

мелкобуржуазность, потребительство, как течение мысли и образ жизни, на последнем этапе существования Советской власти не только совершили, без преувеличения, прорыв в рабочий класс, во все слои общества, но и **пустили корни в КПСС и погубили её**. Сегодня мы можем наблюдать, как на возможности «подкормить» свою верхушку, из перебежавших предателей Компартии пытаются создать так называемый «Блок левых сил» его лидеры, поддерживаемые властью.

Важно отметить и такое обстоятельство. На амбиции и стремления представителей формирующегося на постсоветском пространстве «среднего класса», особенно из числа молодёжи, рассчитывают и **стратеги глобального противостояния**. Вот что говорил по этому поводу небезызвестный Збигнев Бжезинский: «...В крупных городах (России) растёт совершенно отличная от националистской общественная прослойка — средний класс. В большинстве эти люди космополитичны. Они рациональны, открыты для мира и контактируют с миром через интервью, многие получают образование за рубежом. У них есть вид для жителя в других странах, и многие из них хранят свои сбережения за рубежом».

Ф.Энгельс в знаменитой работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» относил «вульгарную жадность», «грязную скаредность», «корыстное стремление к грабежу общего достояния», наряду с «грязной страстью к наслаждениям», насилием, коварством, измышлениями, к «самым низменным побуждениям», которые проявились ещё в «старых бесклассовых родовых обществах», подтачивали их и привели к гибели. Жизнь показала, что требуется замена эксплуататорского строя, глубокие преобразования общественных отношений, колоссальная воспитательная работа, чтобы эти «побуждения» уступили место коллективистским началам, другим справедливым и благородным человеческим качествам.

Частнособственнические инстинкты, стремление к обогащению, как свидетельствует многовековой опыт, заложены в природе человека, и требуются глубокие преобразования общественных отношений, колоссальная воспитательная работа, чтобы они уступили место коллективистским началам, другим справедливым и благородным человеческим качествам. Это необходимо учитывать коммунистам в практической работе.

В.С.Бушин

Раба Божья из секретариата ООН

4 января вечером я смотрел правым глазом и слушал правым ухом телепередачу по каналу «Культура», которая именуется «Звезды о небе». Звезды! А левым глазом (я это с детства умею: один глаз — в Арзамас, а другой — на Кавказ) читал новогодний номер интересной провинциальной газеты «Хочу в СССР-2». Левое ухо отдыхало.

И вот в телевизоре на фоне Кремля, храма Христа Спасителя, «Ельцин-Центра» в Екатеринбурге, Елисейского дворца в Париже, Вестминстерского аббатства в Лондоне взошла звезда по имени Наталья Нарочницкая. Кто же её не знает! По известной классификации Гоголя, это дама не просто приятная, а приятная во всех отношениях. Во всех без малейшего исключения!

Она — единственная дочь прославленного историка А.Л.Нарочницкого (1907—1989). Он — орденоседец, лауреат Сталинской премии (1942), Заслуженный деятель науки (1953), профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС (с 1955), главный редактор журнала «Новая и новейшая история» (1962), действительный член АПН (1969), академик АН (1972), директор Института истории СССР АН СССР (с 1974)... Ну, и, конечно, с 1961 года член КПСС. Но обратите внимание, что иные свои ответственные посты, даже звание профессора Академии при ЦК, и высокие награды, даже Сталинскую премию, Алексей Леонтьевич получил, не будучи членом партии, во что едва ли поверят Н.Сванидзе и Л.Млечин.

Дочь, пожалуй, кое в чём даже превзошла родителя. Она окончила, конечно, МГИМО, где потом и преподавала, она доктор исторических

БУШИН ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ, участник Великой Отечественной войны, лауреат Международной премии имени М.А.Шолохова в области литературы и искусства.

наук, автор многих книг, неременная участница заграничных бдений о русской истории в Париже и в других замечательных городах мира, восемь лет в поте лица трудилась в секретариате ООН, была депутатом Госдумы... И даже президент так ей доверяет, что однажды, исходя из принципа славного пушкинского персонажа о поединках «Это была бы лишь времени трата — обгони-ка моего меньшого брата», поручил ей от своего имени принять вызов товарища Зюганова на предвыборный поединок. Мадам тогда вышла на бой с поднятым забралом... Впрочем, Наталья Алексеевна и сама президент — Фонда исторической перспективы, который она для себя и основала. Как многозначительно и красиво: историческая перспектива...

Дама-звезда много говорила моему правому уху о себе, о своей семье, о золотом советском детстве. Но, откровенно сказать, в этом меня кое-что озадачивало. Так, она уверяла, что семья жила в коммунальной квартире со всеми её прелестями вплоть до очереди в туалет и раскладушек. И это — семья двукратного академика? Семья многократного орденоносца и Сталинского лауреата? Да ведь такие академики были тогда почитаемы как полубоги. Но потом, говорит, папа построил четырехкомнатную кооперативную квартиру на троих: Гоголевский бульвар, дом 29, кв. 38. И на экране мой прищуренный правый глаз видит этот прекрасный многоэтажный дом. Пардон, мадам, но он же дореволюционной постройки. Я знаю этот дом, он недалеко от Литературного института, и в студенческую пору там жила моя возлюбленная. Какие в нём могли быть кооперативы? Вот я действительно живу в кооперативном доме, построенном в 1964 году. Тут что-то не так.

Или вот историческая дама рассказывает, как однажды на даче она лила из кувшина воду на руки умывавшемуся отцу. И я, говорит, вовсе не чувствовала, что прислуживаю ему, т. е. не видела в этом ничего рабского, унижительного. Помилуй Бог, откуда может взяться мысль о каком-то прислуживании родному тятю! Он-то тебе, как помянутый персонаж Пукина, «яичко испечёт да сам и облупит». Вот так же, говорит, я могла бы полить из кувшинчика и Господу Богу. Он — Творец, я — тварь... Кто бы сомневался. Но... э-те-те-те-те... А разве Творец умывается? Может, и зубы чистит по утрам?

Впрочем, эти мои недоумения — мелочь, гораздо важнее, что звезда Наталья несколько озадачивает и смущает меня как историк. Судите сами. Однажды она заявила, что «азиатская война началась в 1937 году» (Советская Россия, 26 марта 2010 г.). А кто ещё в 1931 году вторгся в Китай и захватил её северо-восточную часть — Маньчжурию? Или китаицы подарили её ко дню рождения микадо?

А вот она рисует нам «захват Албанией Италии» (там же). Да, что-то

захватническое там было, но, по-моему, совершенно обратного смысла: не Албания — Италию, а в апреле 1939 года Италия захватила Албанию, и вышибли её оттуда только в марте 1943-го.

Но тут же читаем строгое наставление уже и о нашей родине: «Не следует забывать, что до Великой Отечественной войны Советский Союз не был великой державой». Господи, где она нахваталась таких убеждений? Не иначе, как за восемь лет в ООН... Мадам, да ещё со времён Ивана Грозного, увеличившего просторы страны вдвое, Россия была великой державой, а уж после победы над Наполеоном, после Венского конгресса 1815 года, где вы, к сожалению, не были, тут и говорить не о чем. И ведь при этом заявляет: «Нам нужна Россия, гордая за свою историю». Хороша гордость, которая родину отбрасывает на несколько сот лет в кучу второразрядных стран. А ведь эта историчка была ещё и членом Комиссии при президенте по борьбе против фальсификации истории. Правда, Комиссия эта приказала долго жить, поскольку вскоре все поняли, что главные-то фальсификаторы сидят на Боровицком холме, но всё же, всё же, всё же...

И вот ещё: в Великой Отечественной войне «наших людей погибло более 30 миллионов». «Более» — это сколько — 3 миллиона или 5? Как же так можно, мадам? Вы же написали книгу «С кем мы воевали». А ей ничего не стоит накинуть ещё миллионов 8—10. Патриотка, понимаешь... Это во-первых. А во-вторых, ни слова о том, что это за потери. Ведь они же слагаются из боевых потерь, которые у нас не шибко превышают боевые потери немцев, и из миллионов мирных граждан, которых немцы просто уничтожали в порядке очищения территории от коренного населения в своей жажде получить Lebensraum.

Я обмер, когда услышал лютую чушь и об истории нашей культуры: «Русская классическая литература в тридцатые годы была реабилитирована...». Мадам, реабилитировать можно только то, что было осуждено. Русскую классику в советское время никто не осуждал, как ныне устами писателя ерофейской культуры бурлацкая «Литературная газета» пыталась осудить и похоронить советскую. Да, были вопли «Сбросим Пушкина и Толстого с парохода современности!». Но это же до революции, в России, которую потерял С.Говорухин. Так развлекались буйные футуристы, которые ещё и били графинами по головам тех, кто на их вечерах сидел в первых рядах. Однако в Советское время их глава пришёл с почтительным поклоном к памятнику на Страстной площади:

Александр Сергеевич,

разрешите представиться —

Маяковский...

Человек, восемь лет работавший в ООН, должен знать, кто такой Вильям Буллит. Американский президент Вильсон в 1919 году послал его в Россию посмотреть, что там творится. И вот дотошный посланец докладывал: «В России открыты тысячи новых школ. Советская власть, по-видимому, в полтора года сделала для просвещения народа больше, чем царизм за 50 лет... Достижения Комиссариата просвещения очень значительны. Все русские классики переизданы». И это — девятнадцатый год, бушует Гражданская война...

Огромными тиражами по копеечной цене издавались не только сами классики, ставились им памятники (хотя бы в 1918 году — Достоевскому на Цветном бульваре, а в 1928-м — Островскому у Малого театра), но продолжала расти и литература о них — о Пушкине, Гоголе, Толстом, Достоевском... Исследования, воспоминания... И ведь до чего добирались! Вот известный писатель В.Вересаев спорит с известным пушкинистом П.Щеголевым о «крепостном романе» Пушкина с Ольгой Калашниковой — был он или не был, если был, то оказал влияние на творчество поэта или имя «Ольга» всего лишь осталось в его «донжуанском списке»? И где они спорят? На страницах журнала «Революция и печать». И все это совершенно неведомо звезде Наталье! Она — о какой-то реабилитации...

Однако передача продолжалась, и вот что ещё услышало мое правое ухо и сперва радостно зашевелилось. Наталья Алексеевна как верная дочь своего отца, коммуниста и Сталинского лауреата, гневно обрушилась на немецкого историка Эрнста Нольте, который тоже считается звездой на европейском небе. За что? А за то, что он «предложил уравнять тоталитарные режимы, поставив на одну чашу весов гитлеризм и сталинизм, и развенчать славу Советского Союза». Я хотел было крикнуть: «Брава, звезда Наталья! Брава!»

Но тут в мою память вдруг ворвались другие её слова: «Я бы лично предпочла историю нашей страны без Ленина и без Сталина». (Советская Россия, 26 марта 2010 г.). Конечно, этому аплодировали бы многие в ООН, но, Боже мой, что сказал бы папа? Не выселил бы он любимую дочку из четырёхкомнатной квартиру обратно в коммуналку, на раскладушку, не отдал бы её дачу под детский сад? Мадам можно было бы понять, если она сказала бы, что предпочитает историю страны, допустим, без Ежова и Ягоды или без Радзинского и Пугачёвой, но без Ленина и Сталина?! Ведь они же не какие-нибудь неудачные наркомы или плохие цэковские заведомо. Это вожди народа, это имена-эпохи, они из племени победителей, за их спиной великие исторические свершения. Под руководством Ленина в 1917—1922 годы народ спас Родину от развала и оккупации; под руководством Сталина Россия спасла и

себя, и Европу, и весь мир от фашизма, совершила в прямом и переносном смысле космический взлёт. И она, дочь коммуниста, всего этого не хочет, вычёркивает или думает, как видно, что это можно было совершить под руководством Бухарина и Радека? Если так, то велика ли дистанция между ней и этим самым Нольте? И не оказались ли мы свидетелями сцены, о которой поэт давно сказал: «и звезда с звездой говорит»? Причём, говорит на одном языке.

И хотелось бы знать, какие отношения у дочери коммуниста с миллиардером Прохоровым. Подозреваю, что ныне они в близком родстве. Тот, когда вознамерился усестись в Кремле, однажды заявил: «Я счастлив, что выросло поколение, которое не знает, кто такой Ленин!». Это ж от какого неума! Толстосум может ненавидеть Ленина, как ненавидят почти все толстосумы, и все паразиты, все недоумки, но любой разумный гражданин России должен знать человека, оказавшего такое великое влияние на мировую историю. Кромвель или Марат сыграли гораздо меньшую роль, но попробовал бы Прошка-миллиардер поехать в Англию и Францию и ликовать: «Как я счастлив, что вы их забыли!». А там, не знаю, как Марату, но Кромвелю в Лондоне стоит памятник.

Но пошли дальше. Вот суждение Нарочницкой о родной стране уж самое окончательное: «Я очень реально мыслю и прекрасно понимаю, что ни на какое особое место в истории нам рассчитывать не стоит...». В истории? Да что ж вы, мадам, опять с чужого голоса верещите? Покойный академик Лихачев, тоже любимец президента, утверждал: «Никакой особой миссии у России не было и нет!». А известный В.Познер в поддержку Лихачеву даже самодельный стишок глумливо декламировал по телевидению:

*Умом Гаити не понять,
Аршином общим не измерить...*

Мадам, даже если согласно вашей голубой троцкистской мечте из русской истории изъять Ленина и Сталина, то и тогда за ней останется особое почётное место в мировой истории. Хотя бы по той причине, что, как сказал поэт,

*Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы...
А вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!..*

И «наставляли» — в 1018 году... в 1612-м... в 1812-м... в 1914... в 1918... в 1941-м... И каждый раз дело кончалось тем, что наш народ,

как сказал другой поэт, всем находил место «в полях России среди не чуждых им гробов». Каждый раз! А вам, записная патриотка, и этого мало...

Но вот в чём самое главное. Каждый свой афоризм и рассказец, каждый показ своей квартиры и дачи Наталья Алексеевна сопровождала чувствительным вздохом о Боге: «Он — Творец, я — тварь...». Кто бы, говорю, сомневался. «Всё от Бога... Всё от Бога... Всё...». «Творец — на небесах, а я, тварь, на этой даче»... Очень хорошо! А пьянчуга во главе страны? От Бога... А 23 миллиона голодающих в стране? По воле Божьей... 16 декабря ушедшего года в подмосковной Истре 15-летняя Виктория и её дружок Александр убили родителей девицы... А 25 декабря 47-летняя москвичка Фарида Фахреева выбросила с шестого этажа свою четырёхмесячную дочь и выпрыгнула сама... 27 декабря в поселке Лесное Тюменской области 30-летний Заур убил жену Дарью, её мать и четверых своих детей... 29 декабря в Белгороде врач в больнице избил до смерти больного... А Елена К. в Свердловской области, как обнаружилось перед Новым годом, отравила четырёх своих детей... В новогодняя ночь Александр Григорьев в порядке самообороны застрелил четырёх бандитов...

И это всё только за две недели, и по сведениям лишь одной газеты, а церкви — всюду в шаговой доступности. Как же понимать это, раба Божья Наталья? «Всё от Бога... Всё от Бога... Всё...». Ну, а фашистское нашествие, миллионы и миллионы погибших. «Это, как уже сказал предстоятель, Божье наказание за атеизм...». А победу отдал безбожникам! Что, бес попутал?..

В это время на экране появляется фотография: Медведев в статусе то ли премьера, то ли президента целует крест в руках, кажется, патриарха. А мадам рассказывает, что такую открытку она послала своему другу в Англию. Тот был растроган и написал ей, что ни один западный лидер так не сфотографируется. Вот она духовность! Вот лепота и благорастворение воздушных масс над Россией!..

А между тем, мой левый глаз читал в газете: «Как-то раз премьер-министр Медведев совершал на поезде путешествие по Сибири, и делился горько-сладкими, презрительно-гордыми впечатлениями с журналистами. В частности он сказал: — Раньше в СССР в поездах и самолётах туалетов не было. При коммунистах всегда так относились к людям: едешь десять часов, а туалета нет! Не то теперь! По всей стране туалеты — в шаговой доступности».

Вы думаете, это новогодняя шутка газеты? Ничего подобного! Я, не колеблясь, поверил в подлинность заявления премьера. Почему? Да просто потому, что за те годы, что он фигурирует перед нами, премьер сделал немало подобных заявлений. Да что премьер! И его непо-

средственный начальник — тоже. Вспомните: Советский Союз мог поставлять на экспорт только галоши; в Советское время в стране не было мясного животноводства; гитлеровский прихвостень Маннергейм заслужил, чтобы я от имени новой России возложил венок к его могиле; Геббельс был прав, обвинив СССР в трагедии Катыни и многое другое.

Автор статьи иронизирует: в Советское время из-за отсутствия туалетов негде было при нужде даже террориста замочить; да и террористов-то практически не было; зато теперь — и террористы и туалеты для них в полном ассортименте!

Всё верно, однако дело не только в этом. Из заявления премьера следует одно из двух: или он всю жизнь ездил только на дачу электричками, в которых туалетов действительно нет; либо в Кремль он свалился прямо с неба, где предположить наличие даже бесплатных туалетов, было бы просто кощунственно. Я склонен предположить второе. А набраться идей вроде той, что мы разбили гитлеровскую Европу и спасли мир от фашизма под руководством преступников, он мог уже и в сортире.

Впрочем, когда премьер, будучи президентом, однажды посетил факультет журналистики МГУ, и его в ходе беседы спросили, готов ли он за эти свои идеи и убеждения отдать жизнь, как Джордано Бруно, или хотя бы получить парочку пуль, как Ленин, он решительно ответил: «Конечно! Несомненно! Хоть сейчас!»... Всё в руце Божьей, Наталья Алексеевна. Всё по соизволению свыше... Ась?

И.М.Братищев

Колонизация Западом российского образования: последствия и необходимость противоборства

Осмысливая происходящий в Российской Федерации ход и исход «реформирования» образования, не можешь отделаться от мысли, что это его колонизация, то есть политическое и хозяйственное (точнее хозяйское) освоение Западом, позволяющее не только осуществлять «утечку» наших «мозгов» и конфиденциальной (секретной) научной информации, но и приспособить образование к их стандартам и задачам. Разве не этим объясняется продолжающаяся десоверенизация и «болонызация» российской (в том числе высшей) школы, навязывание ей чуждых целей, «компетенций», критериев оценки деятельности? К этому следует отнести и упорное орыночиванье нашего образования, объявление его «услугой». Последнюю же надо оплачивать, действуя по древнему принципу: «Do ut Des» («Даю, чтобы и ты дал»).

Геополитический контекст «реформирования»

«Реформирование» (читай колонизация) образования России осуществляется по лекалам её западных «партнёров» — европейских и заокеанских. Их интерес объясним. Настойчивое желание создать в нашем образовательном пространстве борьбу всех против всех, именуемую конкуренцией, вытолкнуть российские вузы в «глобальный рынок»,

БРАТИЩЕВ ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ, первый заместитель председателя Центрального совета РУСО, доктор экономических наук, профессор.

прикрываясь при этом рассуждениями об «интернационализации образовательной, научно-исследовательской и инновационной деятельности» — всё это диктуется запросами мирового финансового олигархата и транснациональных корпораций, господствующих на мировом рынке. Чтобы в российском образовании присутствовали «банкротства», «ликвидации», «сферы влияния», «свои люди» и многие другие инструменты колонизации.

Факты неопровержимо свидетельствуют, что Советский Союз был разрушен в точном соответствии с так называемым Гарвардским проектом. Можно сказать, что его составляющей является Хьюстонский проект, рекомендующий проводить особую политику США к территориальным и национальным субъектам Российской Федерации, нацеленную на её разложение и распад. Продолжением и заключением этих двух проектов является пока не столь известный, но ещё более зловещий Джорджтаунский проект, предусматривающий подключение к усилиям США всего внутреннего административного ресурса покоряемых стран. Яркий пример тому — силовое внедрение чиновничьим аппаратом «реформ» российского образования, разработанных по «чертежам» американских спецслужб. Их геополитический смысл — обеспечить расчленение нашей страны с минимальными издержками для США так, чтобы большинство населения, прежде всего подрастающие поколения, относилось к этим планам одобрительно или, по крайней мере, равнодушно. Тем самым исключается возможность возрождения российского государства когда-либо в будущем. Следовательно, отечественная система образования превращается в таран, которым определённые внешние и внутренние силы сокрушают российскую государственность.

Методы и приёмы, которые при этом используются, хорошо известны. Это — либерализм как общественно-политическое течение, провозглашающее приоритет прав и индивидуальных свобод человека и минимизацию вмешательства государств в жизнь людей; рыночный фундаментализм с активной мифологизацией регулирующей способности рынка и, наконец, буржуазность как важнейшее качество человеческой цивилизации, оправдывающая эксплуатацию человека человеком и выражающаяся также в том, что на первое место ставятся потребительские радости и удобства жизни.

Именно с их помощью стали осуществляться быстрые и целенаправленные изменения, которые, несмотря на вроде бы их сложность, свелись к следующему:

- усиливается эксплуатация трудящихся;
- в политике снижается роль суверенных государств;
- в экономике «первую скрипку» стали играть ТНК;

— национальные культуры подменяются универсальной масс-культурой;

— в отношении между людьми внедряются эгоизм, безнравственность, пренебрежение к традициям.

Под аккомпанемент разговоров о свободе, гуманизме и безопасности усиливается контроль над личностью, отношения между людьми обесчеловечиваются, возрастает преступность и терроризм.

Сейчас, прямо по Оруэллу*, в мире осуществляется всеобщая унификация, требующая, в частности, единых образовательных систем и стандартов, единых показателей оценки эффективности и качества образования. А коль скоро привлекательным образом «мировой цивилизации», её фетишем и скрытой тропой к процветанию объявлен рынок, главной целью образования заявлено формирование «грамотного потребителя», «конкурентной личности», способной бесконечно «расслабляться и получать удовольствие».

Для ускорения хозяйского освоения российского образования колонизаторам потребовалось снизить его общий уровень посредством дебилизации и культурно-психологической примитивизации сознания молодёжи. Этому призваны помочь: пресловутый «единый государственный экзамен», сокращение часов по математике, физике, русскому языку, фактическое изгнание из школьной программы астрономии и т. д. и т. п., сопровождающиеся деформацией исторической памяти подрастающего поколения.

Одновременно резко увеличивается бюрократизация образования, изменяется соотношение между формальной и содержательной (фундаментальной) его сторонами в пользу первой. Это не может не приводить к заметному снижению уровня профессионализма выпускников средней и высшей школы. То есть сами исполнители всех этих действий, именующие себя «реформаторами», создают непреодолимые барьеры на пути модернизации, объявленной ими чуть ли ни панацеей от всех наших бед. Не этим ли объясняется переход от модернизации к оптимизации, усилившей разрыв между различными социальными слоями и группами российского общества, хотя этот разрыв и без того приобрёл катастрофический характер.

«Точнее будет сказать так: социальный разрыв приобретает мощное культурно-информационное измерение, а поскольку, как нам говорят, мы вступили или вступаем в информационное общество, то именно это измерение становится решающим, главным, системообразующим

* *Оруэлл Джордж (1903—1950)* — английский писатель и публицист. В 1949 г. опубликовал роман-антиутопию, в котором изобразил будущее мировое общество, идущее на смену капитализму, как тоталитарный иерархический строй, антигуманный в своей сущности.

или даже классообразующим, — подчёркивает А.И.Фурсов, директор Центра русских исследований. — Если информация становится решающим фактором производства, то доступ к ней (обладание ею, распределение её как фактора, играющего системообразующую роль в совокупном процессе общественного производства) становится главным средством и способом формирования социальных групп, их места в общественной „пирамиде“. Доступ к этому решающему фактору, точнее степень доступа, обеспечивается образованием, его качеством и объёмом. Снижение качества образования при уменьшении его объёма (от введения базовых бесплатных и „дополнительных“ платных предметов до введения бакалавриата — абортивной формы высшего образования) превращает индивида и целые группы в информационно бедных, легко манипулируемых, короче — в низы информационного общества, практически лишая их перспектив улучшения своего положения, то есть выталкивая из социального времени». (Фурсов А.И. «Реформа» образования сквозь социальную и геополитическую призму // Наш современник. 2012. № 1. С. 234).

Нельзя не отметить, что широко используемые «реформаторами» схемы, методики, документы, а также действия следует рассматривать в их совокупности. Все они направлены на изменение содержания и форм обучения в России, его целеполагания. На создание удобной для колонизаторов информационно-культурной среды, позволяющей манипулировать сознанием человека. Надо ли доказывать, что в глобальной борьбе за власть, ресурсы и информацию это стало практически беспроигрышным ходом, подрывающим национальную безопасность любой страны. Поэтому сегодня битва за образование превратилась в главное поле сражения за будущее России. Проигрыш в этом сражении равносителен выпадению из Истории.

Считается, что современным миром управляют руководители менее десяти мировых банков, а главные акционеры Федерального резервного банка Нью-Йорка — Ротшильды и Рокфеллеры — образуют своего рода «малое Политбюро», принимающее судьбоносные решения в области мировой политики, экономики, финансов. По мнению других специалистов, в тупик мир завела «кучка глобальных ростовщиков», примерно 30—50 тыс. человек. Именно она устами своих сторонников предлагает «выход»: создать мировое правительство, которое будет полностью контролировать сокращённое на 90% человечество: все ресурсы, всю информацию и т. д.

В XXI веке геополитическое противостояние коллективного Запада с Россией приобрело явственный информационно-пропагандистский характер. В «ползучей» войне против нашей страны Соединённые Штаты и коалиция государств от Ла-Манша до Персидского залива исполь-

зует широкий набор методов информационно-культурного воздействия на сознание и подсознание групп и индивидов. Результаты такого рода воздействия во многом определяются качеством и уровнем образования объекта — так называемым ИРЧП (индексом развития человеческого потенциала). Чем выше ИРЧП, тем сложнее манипулировать человеком.

Не менее значимым является и уровень социальной поляризации, измеряемый такими показателями, как индекс Джини и децильный коэффициент. Понятно, если действующая в стране система образования углубляет поляризацию в обществе (в Великобритании в XIX в., а в России в начале XX в. результатом поляризации стал, по существу, раскол общества на «две нации»), то она приводит к обострению социальной напряжённости. Но ведь это резко снижает уровень не только внутренней (так называемой социосистемной), но и внешней, то есть геополитической, безопасности страны, подрывает её возможности занимать достойное место в международном разделении труда.

Не случайно наши геополитические «партнёры» стараются не афишировать своего участия в колонизации российского образования. Мало кто знает, что деньги на неё выделил Всемирный банк и помимо всевозможных западных структур и фондов с внешне благообразным статусом в освоении этих денег принимают участие именно те российские образовательные учреждения, которые выступают проводниками и пособниками колонизации отечественной культурно-образовательной сферы.

Интерес как самих колонизаторов, так и отечественных либерал-компрадоров очевиден. И те и другие стремятся к ослаблению геополитических позиций России. Участвуя в решении этой задачи, они стали бенефициарами (выгодоприобретателями) процесса уничтожения советского и варваризации российского образования. Главная цель этого процесса — превращение образования в систему, субъектами которой должны стать легко манипулируемые «сетевые человечки» — своеобразные «роботы». Именно на это направлен предложенный зарубежными советниками и экспертами комплекс «реформаторских» схем и документов — Болонская система, ЕГЭ, Федеральный образовательный стандарт (ФГОС), Программа «5-100» (повышения конкурентоспособности), Программа развития образования РФ в 2016—2020 годах и т. д. В основе всех этих документов лежат рекомендации и разработки западных советников и экспертов, минимально откорректированные узким кругом российских «грантопотребителей».

В завершение этого раздела приведу откровения одного из бывших замминистра минобра РФ А.Г.Асмолова, доктора психологических наук, похвалявшегося тем, что, «проработав на галере народного образо-

вания десять лет, взорвал всю совковую школу с её коммунистической педагогией... Теперь мы видим прекрасную, умную, всепобеждающую наглость родителей и наглость детей, которые начинают качать права и требовать от школы, чтобы она готовила дитя к жизни и карьере... И я, забыв о скромности, бью себя кулаком в грудь и горжусь тем, что был причастен к тому, что это произошло!».

До недавнего времени этот «духовный террорист» (так он характеризует себя сам) занимал пост директора созданного в 2005 году Федерального института развития образования, помогающего «реформаторам» окончательно разрушить исторически сложившуюся в нашей стране систему обучения.

С чего началось и чем заканчивается перекройка образования по западным стандартам

Итак, с геополитической точки зрения смысл либеральных «реформ» в сфере образования состоит в том, чтобы:

Во-первых, закрепить «успех», которого Запад добился в «холодном» противоборстве с Советским Союзом. Его результатом стало разрушение СССР, весьма неожиданного, по утверждениям многих наших геополитических противников.

Во-вторых, воспрепятствовать предпринимаемым в последние годы мерам по восстановлению суверенитета и укреплению национальной безопасности России. Ясно, что они противоречат интересам НАТОвских стратегов, стремящихся максимально ослабить нас, чтобы продолжить потребление российских природных и человеческих ресурсов.

Наконец, в-третьих, потребовалось создать систему формирования и внедрения в российские государственно-управленческие, финансово-экономические, научно-образовательные круги «своих людей».

Наиболее отчётливо последствия хозяйского освоения коллективным Западом российской образовательной системы можно пронаблюдать на примере «болонызации», осуществлённой «реформаторами» в последние годы.

Её продекларированная цель — приблизить образование к рынкам труда и подготовить молодое поколение к жизни в условиях новой Европы.

С учётом этой цели намечалось:

— внедрить более удобную систему уровней (ступеней) образования для ясности сравнения при трудоустройстве с гражданами Европы, имеющих сертификаты и квалификационные дипломы, а также для повышения конкурентоспособности европейской системы высшего образования в мире на базе сходных «зачётных единиц»;

— ввести общую правовую категорию «европейское пространство высшего образования»;

— разработать новые нормы правовых гарантий для преподавателей, научных работников и административного персонала вузов Европы.

Эти намерения были активно и весьма поспешно восприняты российскими либералами. По существу, начиная с середины 1990-х годов и по сегодняшний день на нашу систему образования с разной степенью интенсивности стали накатываться «реформаторские» волны.

Под прикрытием различного рода программ, концепций и заявлений о том, что «мы подошли к возможности эффективно решать проблему качества и доступности образования», власть поспешила быстро, радикально и окончательно «реформировать» всю образовательную систему страны. Однако, по мнению большинства специалистов, это как раз и привело к масштабному падению качества образования и жесточайшим ограничениям его доступности, что явно противоречит общемировым тенденциям, которые реально проявляются в условиях становления информационного общества и предполагают возрастание в экономике роли человеческого потенциала и его интеллектуальной составляющей. Везде в мире образование становится императивом экономического роста, а структурный сдвиг в пользу его информационной и гуманитарной основы представляет собой направление, определяющее устойчивое развитие общества и обеспечивающее решающее преимущество той или иной страны в обострившейся конкурентной борьбе на международной арене.

Отвечают ли этим тенденциям «приоритетные направления», призванные поменять «характер образовательной политики», сделать «модернизацию» образования актуальной для каждого из тех, кого она затрагивает, ускорить решение «повседневных проблем образования»? Едва ли.

Наиболее важные изменения состоят в следующем:

1) отдельные категории детей и граждан — сироты, инвалиды, уволенные с военной службы и т. д. — лишены права внеконкурсного поступления в вузы и средние специальные муниципальные государственные образовательные учреждения;

2) существенно ограничены имущественные права образовательных учреждений. Если раньше они были собственниками имущества, приобретённого за счёт внебюджетных источников, то теперь таким имуществом они могут только распоряжаться. В частности, доходы от использования имущества (в том числе и от сдачи его в аренду) должны зачисляться в общем порядке в соответствующий бюджет. Кроме того, исключена норма, освобождавшая государственные и муниципальные

образовательные учреждения от внесения арендной платы за пользование закреплёнными за ними объектами и обязывающая учредителя финансировать расходы на текущий и капитальный ремонт;

3) отменены следующие государственные гарантии в области образования: ежегодное выделение финансовых средств на нужды образования не менее 10% национального дохода, а также защищённость соответствующих расходных статей; ежеквартальная индексация размеров и нормативов финансирования в соответствии с темпами инфляции; освобождение образовательных учреждений независимо от их организационно-правовых форм в части непредпринимательской деятельности, предусмотренной Уставом, от уплаты всех налогов, в том числе платы за землю; льготы по налогообложению недвижимости; выплаты родителям (законным представителям) государственных пособий по уходу за ребёнком до определённого законодательством РФ возраста и др.;

4) фактически осуществлён отказ от финансирования за счёт средств федерального бюджета расходов на содержание общежитий и других объектов социально-культурной сферы и реализацию мер по социальной защите студентов;

5) ликвидирована специальная система кредитования в виде личного социального образовательного кредита;

6) на уровне федерального закона больше не устанавливается минимальный размер заработной платы работников образовательных учреждений, также исключены нормы, в соответствии с которыми на указанных работников распространялись все льготы, гарантии и компенсации, действующие в данной местности (например, в сельской) в отношении работников других отраслей;

7) существенно пересмотрен перечень государственных гарантий в области высшего и послевузовского профессионального образования (в частности, недопущение сокращения числа студентов, обучающихся за счёт средств федерального бюджета, предоставление в будущем налоговых льгот образовательным учреждениям соответствующего дополнительного образования, предоставление обучающимся студентам, аспирантам, докторантам и другим категориям обучающихся в государственной системе высшего и послевузовского профессионального образования пособий и льгот, в том числе на питание и проезд на транспорте);

8) пересмотрены или отменены многие меры социальной поддержки, предоставляемые студентам (право бесплатного пользования библиотеками, информационными фондами, услугами учебных, научных, лечебных и других подразделений муниципальных вузов), отменена оплата на питание из расчёта на одного человека на каждый календарный

день не менее 2 рублей, отменено право на бесплатный проезд железнодорожным транспортом один раз в год туда и обратно;

9) отменён закон, запрещающий приватизацию учреждений образования (тем самым фактически снят запрет на приватизацию не только образовательных учреждений, но и объектов их производственной и социальной инфраструктуры, в число которых включались: жилые помещения, располагающиеся в учебных корпусах, составляющих единый архитектурный ансамбль; жилые помещения в домах, находящихся в сельской местности; клинические базы медицинских образовательных учреждений; учебно-опытные, учебно-производственные хозяйства и другие научные, проектные производственные предприятия, ведущие научные исследования и обеспечивающие функционирование и развитие образования);

10) не обойдены «вниманием» аспиранты, докторанты и соискатели (отсрочка от призыва на военную службу теперь предоставляется обучающимся только в тех заведениях, которые имеют аккредитацию федеральных государственных вузов; ежегодное пособие в размере месячных стипендий для приобретения научной литературы будет предоставляться им только за счёт средств федерального бюджета, а не средств бюджетов всех уровней и т. д.).

Как видим, «болоньизация» российского образования в либеральном исполнении уже на первом своём этапе была направлена на то, чтобы окончательно увести государство из этой сферы, лишить образование всяческой поддержки, в том числе и налоговой, а также федеральных гарантий по оплате труда преподавателей, чётко сформулированных норм финансирования и многого другого. Об этом уже немало сказано и написано, но, несомненно, одно: все перечисленные «новшества» существенно отражаются практически на каждом из россиян.

Власть, получается, теперь никому и ничего не должна. Вот почему она так торопится уничтожить традиционный для России институт дипломированных специалистов, уменьшить диверсификацию вузовской подготовки, явочным порядком изъять из неё фундаментальную составляющую (понятие «фундаментальное» в «приоритетных направлениях» подменено другим — «непрерывное» образование), изменить характер, систему и содержание образования, направив его в русло разгосударствления и коммерциализации. «Передача готовых знаний перестает быть главной задачей учебного процесса», — говорится в «приоритетных направлениях». Похоже, это будет теперь главной мимобразовской фишкой взамен набивших оскомину чиновникам от образования качества, эффективности, бесплатности и доступности.

Пытаясь создать реальные предпосылки для включения России в Болонский процесс на основе, в частности, синхронизации высшего про-

фессионального образования, приближения его к западным рынкам труда и соответствующим стандартам, либералы игнорируют тот очевидный факт, что наша страна расположена не только в Европе, но и в Азии, и что, по Маастрихтскому (1992 г.) договору, за национальными системами образования признаётся неотъемлемое право на сохранение собственных традиций и специфики.

Общепризнано, к примеру, что до недавнего времени наши средние школы давали более лучшее образование, чем на Западе. Университеты и институты по многим специальностям — не хуже.

Чем всегда были сильны наши отечественные вузы? Ориентацией первых лет обучения на усвоение студентами фундаментальных основ знаний. Известная на весь мир русская и советская инженерная школа славилась включённостью в научно-производственный процесс. Это позволяло готовить блестящих инженеров, технологов и конструкторов, практиков и учёных, обладающих уникальными знаниями. Американцы заимствовали у нас этот опыт, а мы его намеренно утрачиваем. Напрашивается вывод, что те в правительстве, кто нагло и напористо продвигает в России «болонскую» систему, отлично понимают, какой удар они наносят не только по нашему образованию, но и по промышленности, оборонному комплексу, науке.

Осуществляемые либерал-реформаторами и предполагаемые к осуществлению инициативы прямо нарушают Конституцию Российской Федерации 1993 года. В ней гарантируется «общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования», право «на конкурсной основе получить высшее образование в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях, обязательность основного общего образования». (См. ст. 43 Конституции РФ). В Конституции особо подчёркивается, что «в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина». (См. ч. 2 ст. 55 Конституции РФ).

Этому императивному (т. е. властному и обязательному) требованию Конституции Российской Федерации прямо или косвенно противоречат:

— исключение из образовательного законодательства всей его социальной составляющей. (Ст. 7 Конституции РФ определяет Россию как социальное государство);

— переход на частичную оплату образования в средней школе (к этому неминуемо приводит декларируемая в «приоритетных направлениях» «индивидуализация занятий учащихся и расширение для них возможностей выбора образовательных программ», финансируемых из дополнительных источников, как бюджетных, так и внебюджетных

(читай — из родительского кармана); введение, по существу, платного полного высшего образования;

— создание новых организационно-правовых форм учебных заведений — автономных учреждений и государственных (муниципальных) автономных некоммерческих организаций (оно осуществляется якобы для расширения самостоятельности образовательных учреждений, а на самом деле для удобства их последующей приватизации);

— введение единого государственного (тестового) экзамена (ЕГЭ), увязанного с системой государственных именных финансовых обязательств (ГИФО), предполагающих резкое сокращение бесплатных мест в государственных вузах;

— внедрение по европейскому образцу «двухурвневой системы высшего образования», состоящей из бакалавриата (первый уровень) со сроком обучения 4 года и магистратуры (второй уровень) со сроком обучения 1—2 года, что направлено на ликвидацию, как подчёркивалось, традиционного для России института дипломированного специалиста.

Эта заморского звучания «инициатива» не содержит в себе ничего позитивного и представляет собой не что иное, как внедрение в российскую образовательную практику идей, игнорирующих мировоззренческие, просветительские, воспитательные аспекты русской школы, базирующихся на её национальных традициях и исторических достижениях.

Вот, например, какую главную задачу ставят «реформаторы» перед бакалавриатом: «Формирование базовых основ профессиональной культуры и основных деятельностных компетенций..., коммуникативных навыков, навыков поиска и анализа информации, самообразования, навыков коллективной работы». Все эти «навыки» (а не умения) надо формировать целых четыре года без гарантии получить когда-то высшее образование, то есть закончить магистратуру.

И дело не только в том, что, как справедливо заметил ректор МГУ В.А.Садовничий, на практике бакалавриат будет означать перевод наших вузов на подготовку лаборантов с незаконченным высшим образованием. По существу, сюда переносятся цели и задачи, свойственные ушедшей в небытие системе ПТУ, загубленной передачей её финансирования в регионы. Теперь уже само высшее образование будет окончательно загублено перемещением в него целей и задач ПТУ, формированием «деятельностных компетенций», достаточных для обслуживания колонизаторов.

В условиях третьей промышленной революции, переживаемой современным миром, производство обнаруживает всё большую зависимость от развития творческого потенциала человека, стержнем новых

социальных требований становится образование для всех и в течение всей жизни. Считается, что в конце XX века содержание базовых знаний обновлялось раз в пять лет. Как полагают специалисты, к нашим дням этот срок сократился до двух с половиной месяцев.

Возникает вопрос: на какой стадии необходимо давать обучающемуся хорошую теоретическую подготовку? Для нас ответ очевиден: на стадии первых трёх лет обучения в вузе. Но бакалавриат этого не предполагает, а двухлетняя магистратура, в которой фактически сосредоточено высшее образование, — тем более. Кстати сказать, попасть на ступень магистратуры суждено далеко не всем. Без конкурса в неё не пройти. Для выдержавших же этот конкурс в случае удачной сдачи дополнительных экзаменов обучение в той ли иной степени будет платным и, следовательно, доступным только состоятельным людям, а их в современной России не более 10 процентов.

Можно выделить, по крайней мере, три группы проблем в плане сохранения интеллектуальной конкурентоспособности нашей страны. Первая — люди: учителя, преподаватели высшей школы, профессура, от которых главным образом зависит уровень и качество образования (считается, что процентов на 90). Как сделать, чтобы они не чувствовали себя изгоями и не относились к низкооплачиваемым категориям граждан, как сделать их труд вновь престижным и направить в преподавательский корпус талантливую молодежь? Вторая — использование вузовских выпускников на благо своей, а не чужой страны. Третья — резкий спад и отставание в развитии фундаментальной и прикладной науки, продолжающийся всё последнее время.

Думается, что развитие реального сектора экономики несырьевой направленности, создание необходимых условий для работы квалифицированных кадров в самой России, 3—4-кратное повышение оплаты труда преподавателей, введение «возрастной платы» за обучение и исполнение налоговых обязательств российских граждан, работающих за рубежом, могут сделать эти потери менее чувствительными, а в перспективе и вовсе их исключить.

В контексте «болоньзации» российского образования возникают и другие проблемы. Как, например, быть с учёными степенями и званиями? Наша высшая школа и наука теряют такую учёную степень, как доктор наук. В Европе нет такого понятия. Там, те, кого у нас заслуженно считают докторами наук, это — уже руководители целых научных направлений, и они никак не связаны с вузами. В силу этого нам вряд ли стоит отказываться от исторически сложившейся национальной системы учёных степеней и званий.

В эпоху глобализации новые требования предъявляются к государственному и внутривузовскому управлению качеством образования.

Весь вопрос в том, можно ли этот не простой процесс свести к формализованному контролю, в основе которого лежит анонимно-тестовая проверка знаний студентов при отсутствии единых учебных планов и программ, чрезмерной вариативности учебной литературы и использовании при лицензировании и аккредитации учебных заведений сведений, весьма поверхностно отражающих их специфику?

Несколько слов и о такой актуальной и вечно острой проблеме: чему и как учить, как воспитывать студенческую молодёжь? С государственной точки зрения эти вопросы невозможно решить без хотя бы индикативного планирования развития образования в нашей стране. В «приоритетных направлениях» эта проблема даже не ставится, что вынуждает сомневаться в компетентности их разработчиков.

«Болоньизация» затронула до недавнего времени одну из лучших в мире систем образования, выхолащивая из неё всё национально традиционное. «Необразованные не видят всех выгод образования» — эти слова одного из западных авторов можно отнести не только к потребителям образовательных услуг в новой России, но и к самим «реформаторам». Они, по всей вероятности, не ведают, что творят, ибо только этим можно объяснить направленность и авантюренность уже проведённых и готовящихся к проведению реформаций.

Усилий много, а движения нет

Топтание на месте — характерная особенность упражнения на беговой дорожке в спортзале. Но в нём есть смысл: укрепляются мышцы, повышается тонус и улучшается общее физическое состояние человека. Никакого развития не наблюдается в результате бурной деятельности «реформаторов», действующих, кстати сказать, вопреки решительным протестам научно-педагогической общественности да и студентов. Страны Запада, которые для наших либералов всегда были «светом в окошке», решительно отказываются от своих «новаций». Скажем, в середине 60-х годов XX века правительством Франции отменена система проверки знаний, аналогичная нашему ЕГЭ. Не желая готовить «пустых болванчиков», от аналогичной системы отказались в США. Произошло это после того, как Национальный комитет по совершенствованию образования обнародовал свой доклад «Наши в опасности». В нём содержится недвусмысленный вывод: «Если бы посредственная образовательная система, существующая сегодня в Америке, была навязана враждебной иностранной державой, мы могли расценить это как ведение войны».

Тем не менее, именно эту образовательную систему, в своё время разработанную для слабо подготовленных детей эмигрантов из развивающихся стран, Соединённые Штаты, начиная с 1992 года стали упор-

но навязывать России. А чтобы экспорт образовательных «реформ» стал успешным, он стал получать солидную финансовую поддержку. Теперь понятно, почему отечественные либерал-реформаторы, прикрываясь словесами об «эффективности», «качестве», «конкурентоспособности», в конце «нулевых годов» обнародовали и стали решать следующую задачу: «Формирование университетов нового поколения путём трансформации кадровой политики, базовых видов деятельности (образовательной, исследовательской, инновационной), институциональной среды и опережающего обновления инфраструктуры». Так говорит-ся в Программе повышения конкурентоспособности.

Именно с этого и началась неокolonизация высшего образования в России. Вытекала эта задача из мало чем обоснованных заключений об «исторической инертности сложившихся в вузах коллективов, препятствующей организационным изменениям», о «нежелании большинства вузовских сотрудников менять уклад жизни и соответствовать вызовам времени» и т. п. Приведённые и многие другие заключения были сформулированы анонимными экспертами без какого бы то ни было обоснования в профессорско-преподавательских коллективах страны.

Тем не менее, пользуясь этой демагогией, «реформаторы» поставили вузы перед необходимостью:

- сокращения профессорско-преподавательского состава по возрастному, чаще всего, формальному признаку;
- создания условий для освобождения должностей сотрудниками, «имеющими низкие академические достижения»;
- перевода на «эффективный контракт»;
- создания «комфортных условий для зарубежных НПР (научно-педагогических работников)» и т. д.

Дальше — больше. В последние месяцы 2015 года внимание научно-педагогической общественности высших учебных заведений России было приковано к действиям минобра РФ по ускоренной реализации Федеральной целевой программы «Развитие образование в РФ в 2016—2020 годы».

Не могло не вызвать удивления, что под развитием образования чиновники минобрнауки понимают, в первую очередь, резкое сокращение количества вузов. Уже к концу 2016 года намечено уменьшить их число на 40%, а число филиалов — на 80%. Осуществляется это действие, разумеется, под предлогом повышения качества образовательного процесса.

Преследованию, иначе не скажешь, посредством внеплановых проверок подвергаются прежде всего негосударственные вузы, тогда как на их обеспечение и функционирование государство, как известно, практически никаких бюджетных затрат не несёт. Достаточно сказать,

что доля их бюджетного финансирования составляет лишь 0,1% от общего объёма расходов Минобрнауки России на высшее образование. Три года назад для негосударственных вузов стали выделяться контрольные цифры на бюджетные места. Но на практике они составляют лишь 0,5% мест, финансируемых из бюджета.

Возникает вполне правомерный вопрос: не является ли столь масштабное «обесстуденчивание» России, в ходе которого «под раздачу» попадают и виноватые и правые, прикрытием, дымовой завесой коррумпированности образовательной сферы российского общества? Не лучше было бы прекратить «кошмарить» вузы, разработав и внедрив вместо этого целевую программу их укрепления? Тем самым в непростые для страны времена в обществе была бы создана обстановка социального спокойствия, сотни тысяч преподавателей и сотрудников продолжали бы общественно-полезную деятельность, а молодёжь учёбу.

Примечательно, что в ходе депутатских расследований (только за 2015 г. их было проведено более 30) установлено, что в системе Минобрнауки количество расхищаемых бюджетных средств достигло нескольких миллиардов рублей. О необходимости вернуть их в бюджет вынужден говорить даже депутат проправительственной партии.

По подсчётам Счётной палаты России, в прошлом году фактические хищения из бюджета составили 857 млн. рублей. Помимо финансовых злоупотреблений в материалах проверки указывается на недостачу бланков строгой отчётности в количестве более 50 тыс. штук. Речь идёт о тысячах «дипломов докторов наук», «дипломов кандидатов наук», «аттестатов о присвоении звания профессора», «аттестатов о присвоении звания доцента», «аттестатов о присвоении звания доцента по специальности». По данным МВД, все эти бланки строгой отчётности были переданы Минобрнауки некоему лицу «без оформления расходных ордеров и отчётов об использовании, на основании обычных записок». В то же время, по данным Рособнадзора, то есть структуры, соподчинённой Минобрнауки, в стране ежегодно продаётся и покупается до 500 тыс. дипломов о высшем образовании.

Приведу и такой факт. В командной строке поисковой машины Yandex можно набрать три слова «заказать написание диссертации» — кандидатской или докторской, — и Вы получите, без преувеличения, миллионы предложений. Разве в Минобрнауке не известно о разгуле диссертационной «заказухи»? И не этому ли министерству следует озаботиться о внесении в Государственную думу Федерального закона, предусматривающего уголовную ответственность за эти деяния? Последняя должна возлагаться как на самого заказчика, так и на исполнителей подобных заказов.

В средствах массовой информации приводятся примеры того, как Минобрнауки «выводит» бюджетные деньги, используя подставные компании ООО «Лунный свет», ООО «Инновации, технологии и консалтинг» и другие. Анализ финансовой документации министерства образования и науки свидетельствует, что оно активно привлекает к своей работе непрофильные организации: универсамы, супермаркеты, магазины для взрослых, жилые дома, а также десятки компаний, выигравших конкурсы на выполнение научных исследований. По мнению ряда экспертов, образовательное ведомство начинает напоминать действия минобороны во времена руководства им небезызвестного А.Сердюкова.

Не свидетельствуют ли всё это о необходимости внеплановой проверки самого министерства со стороны компетентных органов?

Первый заместитель председателя Комитета Государственной думы профессор О.Н.Смолин 23—24 марта этого года организовал и провёл Международную научно-практическую конференцию: «Наука и образование в России: антикризисная стратегия». Обсуждение этой проблемы прошло на площадках Московского экономического форума — «МЭФ-16», игнорируемого властвующей либеральной «элитой». Как «не замечается» ею тяжёлая экономическая ситуация, сложившаяся в стране в результате «рыночных реформаций», сопровождаемых непрофессиональными действиями Правительства. Оно по определению не способно справиться с острейшим кризисом в российской экономике, который усугубляется в результате падения цен на нефть и санкционного давления на Российскую Федерацию со стороны Запада. Либералы, как всегда, ничего реально значимого и путного для выхода из кризиса предложить не могут. Они продолжают обычный трép и банальности типа: «слезть с нефтяной иглы», «развивать малый и средний бизнес», «создавать условия для привлечения инвестиций», «внедрять передовые технологии», «модернизировать», «оптимизировать», «наладить импортозамещение» и т. д. и т. п.

Что касается сферы образования, в частности высшего, то и здесь наблюдается углубление кризиса, который во многом носит рукотворный характер. Как назвать, к примеру, действия Рособнадзора, проверяющие которого вначале «наезжают» на негосударственные вузы с внеплановыми проверками, в ходе которых составляют «протоколы» с замечаниями о нарушениях? Их устранение, как правило, Рособнадзор мало интересует. Так, по официальным данным, с сентября 2013 года из реестра лицензий было исключено более 800 вузов и филиалов. За 2,5 года сеть вузов, имеющих государственную аккредитацию, то есть имеющих право выдавать дипломы государственного образца, сократилась почти на тысячу.

По сообщению самого Рособрнадзора, в 2016 году продолжают плановые и внеплановые проверки ещё 600 вузов и филиалов. По информации в Интернете, к ним будет применяться отработанная «протокольная техника». Её смысл состоит в том, чтобы с помощью суда (т. е. государственной власти) налагать на вузы многотысячные штрафы (от 100 до 400 тыс. руб. и более) и через аффилированные структуры аккумулировать средства на счетах Минобрнауки. Справедливости ради, надо отметить, что в этой отработанной схеме «финансового вымогательства» случаются осечки. Так, Арбитражный суд Москвы 23 декабря 2015 года пришёл к выводу, что проверка Рособрнадзором Московской академии экономики и права (МАЭП), чья аккредитация была приостановлена в октябре 2015 года, «осуществлена без предусмотренных законом оснований», «с грубым нарушением требований законодательства». Но это, скорее, исключение, нежели правило. «Бодание телёнка с дубом», как известно, всегда травмоопасно отнюдь не для дуба.

Совершенно очевидно, что закрыть любой вуз, а именно этим страстно занимаются чиновники из Рособрнадзора, проще всего. Но отрубить голову — не значит вылечить головную боль. При всех разговорах о качестве образования эту проблему мониторингами и реорганизациями не решить. Не секрет, что стараниями либералов из образовательного процесса напрочь исчезло понятие качества. Чиновники от образования оперируют преимущественно количественными индикаторами (деньги, время, баллы по ЕГЭ, процент остепенённости, площадь помещений и т. п.).

Думается, что укрупнение вузов, групп, сокращение преподавательского состава, обременение оставшихся рейтингами Хирша и необходимостью механически следовать дидактическим причудам Минобрнауки — всё это не ведёт к повышению качества образования и его эффективности. Борьба за них должна идти в противоположном направлении: через увеличение преподавательского состава и зарплат, сокращение учебной нагрузки, уменьшение числа студентов в академических группах, специализацию преподавателей внутри самих вузов, с делением их на практиков и теоретиков. В «реформированной» либералами высшей школе преподавателя понуждают быть «многостаночником». Стёрта грань между профессором и ассистентом, а требования Минобрнауки ставят под вопрос нормальное существование, развитие и плавную смену преподавательского состава. На кафедрах практически не осталось ассистентов, все — профессора, доценты, доктора с кандидатами.

При этом вузы давно перестали быть «храмами науки», поскольку с середины 90-х годов прошлого века они брошены на произвол судь-

бы, и с тех пор отбор в них идёт по критериям, далёким от показателей профессиональной пригодности. В результате главным условием обретения выпускниками рабочего места стало наличие неформальных дружеских связей, лояльность начальству и верность либеральной догматике. Поэтому сокращение вузов и ужатие бюджетного финансирования ничего не меняет. Последняя же инициатива Минобрнауки, направленная на регионализацию вузов, лишь оттеняет эту тенденцию. Ориентация их на местные потребности — это путь к сокращению и закрытию. Зачем городу или области 100 учителей математики, выпускаемых каждый год? Или 100 инженеров-металлургов?

Распределение, за которое ратует «Росмолодёжь», также работает на это. Трудоустроить большее количество выпускаемых специалистов государство не сможет, нет рабочих мест. А это означает только одно — сокращение приёма в вузы. Таким образом, бюджетное образование, в его нынешнем, даже неприглядном виде, рано или поздно будет свёрнуто.

Вот лишь несколько аргументов против сокращения числа вузов в стране, высказываемых О.Н.Смолиным:

1. Оптимальное соотношение в материальном производстве инженеров, техников и рабочих по формуле 1:2:4, справедливое для экономики второй трети XX века, явно устарело в веке XXI. Пятый и особенно формирующийся шестой технологические уклады требуют не только гораздо большей доли инженеров, но и специалистов с высшим образованием в профессиях, которые обычно считались рабочими. Политика свертывания высшего образования направлена против модернизации российской экономики.

2. Как показывают специальные исследования, люди с высшим образованием создают в среднем вдвое больше валового внутреннего продукта, чем люди, такого образования не имеющие.

3. Люди с высшим образованием, в среднем, больше зарабатывают.

4. Люди с высшим образованием (прежде всего, мужчины) живут существенно дольше по сравнению с теми, кто такого образования не имеет.

5. Выпускники вузов — более ответственные и более социально активные граждане, совершающие меньше преступлений против личности.

Разумеется, высшее образование не равно диплому. И всё же стремление искусственно ограничить доступ к нему граждан может рассматриваться как покушение на их благосостояние, а также качество их жизни. Иное дело, что диплом следует выдавать лишь тем, кто действительно высшее образование получил. Но это надо делать, не ломая систему и судьбы людей.

6. Политика сокращения вузов ведёт к росту числа безработных в стране за счёт потерявших работу преподавателей, отчисленных и несостоявшихся студентов и подрывает финансовую систему страны, поскольку сокращает налоговые поступления из сферы образования и от потерявших трудовые доходы преподавателей. В планах правительства РФ только в государственных вузах сократить число профессорско-преподавательского состава на 40 процентов.

7. По социологическим данным, увеличение в стране безработицы только на один процент приводит к увеличению числа самоубийств — на 4%, преступлений — на 6,5%, психических заболеваний — на 3,5%. Таким образом, политика свёртывания высшего образования прибавит работы правоохранительным органам, бюджет которых и без того давно превысил расходы на оборону!

8. С государственной точки зрения совершенно очевидно: в период кризиса, а тем более при напряжённой международной обстановке, молодёжь, особенно студенчество, нужно держать в аудиториях. Напротив, политика сокращения числа вузов и числа студентов неминуемо приведёт к росту социальной напряжённости и политической нестабильности в стране.

Становится всё более очевидным, что политика в сфере высшего образования должна стать государственной и суверенной. Она не может оставаться рыночной, ориентированной на далеко не лучшие западные образцы. Превращение образования в механизм формирования легко манипулируемых и слабосоображающих «потребителей-манкуртов» — это один из видов современного оружия, используемого Западом против России и других стран в битве за мировое господство.

«Чертёж» идеального развития российской высшей школы

Возникает вполне естественный вопрос: что делать для избавления российского образования от колониальной зависимости? Ответ на него был сформулирован на уже упоминаемой научно-практической конференции «Наука и образование в России: антикризисная стратегия». В выступлениях участников конференции звучала мысль, что наука и образование, должны стать локомотивом развития, а не инструментом упадка и деградации.

Что для этого необходимо предпринять? Первое — избавиться от платности обучения в любых его формах. Как известно, в советское время за счёт бюджета училось 100% студентов. В настоящее время таких насчитывается едва ли треть. Действующая Конституция РФ декларирует бесплатность образования, но в ней нет механизма обеспечения этой декларации. К тому же бесплатным чиновники объ-

являют некий «базовый уровень», который непонятно кем и как должен определяться.

Думается, чтобы «навести тень на плетень», в законе РФ «Об образовании в Российской Федерации» не раскрыто главное: чему учить наших детей, школьников и студентов? как финансируется образование? будут ли образовательные учреждения платить налоги? каково соотношение людей, получающих бюджетное и небюджетное образование? каков статус учителя, педагога в широком смысле этого слова? какой должна быть студенческая стипендия? То есть на абсолютное большинство жизненно важных вопросов образовательной политики закон ответов не даёт. Кроме того, он содержит огромное количество отсылочных норм.

Много в нём спорных позиций. Например, закон ввёл франчайзинг... Статья называется «Коммерческая концессия (франчайзинг) в сфере образования». Она касается экономической деятельности образовательных учреждений. Тем из них, чья деятельность не приносит дохода, предоставляется право «привлекать денежные средства (займы) путём эмиссии облигаций в порядке, установленном законодательством РФ». Почему-то авторы сомнительной инновации не учли, что этот путь может привести данные учреждения в долговую яму. При этом мелкая фирма обязана осуществлять своё дело только в форме, предписанной «родительской» фирмой, в течение определённого времени и в определённом месте.

С юридической точки зрения франчайзинг — это договор коммерческой концессии, то есть уступки. Здесь одной из сторон в правоотношении всегда выступает государство. Кроме того, английское понятие франчайзинг означает смешанную форму крупного и мелкого предпринимательства, при которой крупные корпорации, родительские компании (франчайзеры) заключают договор с мелкими «дочерними» фирмами на право, привилегию действовать от имени франчайзера. Всё бы ничего, если бы не закрывались по всей стране филиалы учебных заведений, в особенности вузов. А это ограничивает людей в возможности получать образование в небольших городах. А разве филиал не представляет собой законченное выражение франчайзинга в области образования? Вводить франчайзинг и одновременно закрывать филиалы многих вузов по меньшей мере нелепо.

В законе есть статьи, приносящие образованию России прямой вред. Так, он ухудшает положение сельского учителя, сокращая ему коммунальные льготы, ликвидирует как особый уровень начальное профессиональное образование.

Примечательно, что министерские чиновники откровенно перенимают иностранную терминологию, иностранный опыт. Только непонятно:

зачем? Кстати сказать, специалисты по европейским образовательным моделям свидетельствуют, что они неправильно истолковывают западные наработки. Там, чтобы увеличить доступность высшего образования, распространена система образовательного кредитования. Во многих странах более 80—90% студентов обучаются за счёт бюджета. Справедливости ради надо отметить, что рассматриваемый закон всё же предлагает кредитование, но в крайне расплывчатом виде.

Закон, по существу, ликвидировал льготное поступление в профессиональные учебные заведения для инвалидов. В результате количество инвалидов в вузах сократилось с одного процента до каких-то долей. В то же время Рособнадзор проверяет наличие в вузовских помещениях пандусов и специально оборудованных туалетов. Что это, как не откровенная показуха?

Закон, стимулируя реструктуризацию вузов, которая вынуждает многие учебные заведения искусственно понижать уровень даваемого студентам образования, приводит к уничтожению некоторых научных школ, потере уникального отечественного образовательно-воспитательного опыта.

Второе условие развития российской высшей школы: наши студенты должны получать глубокую фундаментальную (базовую) подготовку — основу полноценного образования по избранной специальности, а также иметь время для занятий и достаточные средства для нормальной жизни во время учёбы. Следует освободить молодых людей от, по крайней мере, двух проблем. Во-первых, попыток избежать службы в Российской армии. Не секрет, что стремление поступить в вуз нередко определяется нежеланием исполнить перед Родиной свой воинский долг. Поэтому воинская обязанность должна быть всеобщей. (В свое время я три года отслужил в Советской Армии, и это не помешало мне учиться в будущем). Во-вторых, ещё одна озабоченность имеет экономическую подоплёку. Открытые и завуалированные формы платного обучения вызывают необходимость у студентов-дневников затрачивать всё больше времени на поиски работы и саму работу.

К сожалению, власть предрежащие и слышать не желают, что право на высшее образование — это не просто время от времени посещать вуз и сдавать зачёты с экзаменами. Это право целиком и полностью сконцентрироваться на освоении специальности. В том числе грамотно вписаться в эпоху высоких технологий, работать в библиотеке, достойно питаться и восстанавливать силы, развиваться не только физически, но и духовно. Неспособность государства обеспечить необходимые для всего этого условия — прямое игнорирование этого права. Поэтому необходимо срочно менять подходы, избавляться от навязываемых рыночных пристрастий, ввести нормы стипендиального обеспече-

ния, которые должны быть эквиваленты прожиточному минимуму, либо приближаться к нему.

Платность, и об этом следует говорить открыто, породила пофигистское отношение к образованию. К сожалению, многие молодые люди и их родители считают, что они оплачивают не возможность получить знания, а легальную возможность получить диплом, так сказать, в рассрочку.

К чему всё это привело известно:

— ускоренными темпами продолжилась «монетизация» образования и окончательный уход государства из этой сферы. Качество образования (в том числе и в средней школе) начало дифференцироваться по критерию платности. Тем самым окончательно была демонтирована и без того не развитая в современной России система «социальных лифтов» и намертво заблокирована мобильность общества — основа нормальной жизни и развития социума;

— усилилась дегуманизация образования, которая стимулируется отсутствием реальной, а главное — эффективной воспитательной работы. Это, наряду с пренебрежительным отношением к особенностям юношеской психологии, порождает поистине трагические последствия главным образом в здоровье молодых людей. Исследования показывают, что уже сейчас около 70% московских студентов имеют те или иные отклонения в здоровье;

— бездумно «реформируемая» высшая школа стала бессильной противостоять нарастающим процессам деструкции психики молодёжи, что выражается в ослаблении способности к размышлению, анализу, синтезу, в притуплении интуиции, в разорванности восприятия окружающей действительности, усилении гипнабельности, внушаемости, в массовом «размягчении воли»;

— происходит целенаправленное разрушение личности молодых людей, их десоциализация, формирование космополитичности (через молодёжную субкультуру, формируемую СМИ, и гламурную печатную, видео- и аудиопродукцию), а также через разрушение семейных отношений, охватывающих несколько поколений, насаждение многоролевого стиля поведения, предусматривающего включение в глобальную поп-культуру;

— ускорился процесс заглушения творческих начал и трудовой основы жизни, замены их потребительством как идеалом существования и стремлением сделать карьеру.

Всё это стало результатом того, что в «модернизации» современного российского образования одной из главных целей было провозглашено формирование «конкурентной личности». Что такое «конкурентная личность» в современном мире, думается, понятно без разъясне-

ний. Люди начинают жить и действовать по принципу: «Человек человеку — волк». Уже сам по себе этот факт свидетельствует о том, что в рамках либеральной парадигмы создать современную образовательно-воспитательную систему как непрерывный процесс подготовки к жизни новых поколений, которым предстоит обеспечить преемственность ценностей, укладов поведения, идеалов и устремлений, то есть всего того, что и составляет суть любой цивилизации, невозможно.

Главное же последствие осуществляемого реформаторства — это снижение интеллектуального потенциала страны. Здесь уместно отметить, что возрождение антиинтеллектуализма — одно из прямых следствий глобализма по-американски. Но почему возрождение?

Дело в том, что антиинтеллектуализм имеет давнюю историю. Ещё в 1642 году пуританский священник Джон Коттон писал: «Чем более учён и многоумен человек, тем более подвержен он влиянию Сатаны». Это, так сказать, религиозное восприятие человеческого интеллекта. А вот его светская интерпретация: «Сила правительства основана на невежестве народа, — утверждал Л.Н.Толстой. — Правительство знает об этом и потому всегда будет бороться против просвещения». Получается, чем невежественнее, малообразованнее народ, тем сильнее правительство. Особенность современной России состоит в том, что пока ещё просвещённым народом пытаются управлять невежды, маниакально приверженные либеральным ценностям, от которых в реальной политике уже давно отказались на Западе, и не желающие учиться на чужих ошибках.

В одном из трудов об антиинтеллектуализме — книге Ричарда Харштадтера «Антиинтеллектуализм в американской жизни» (1963 г.) мы находим три постулата, лежащих в основе этого явления: евангелическую церковь, прагматический бизнес и популистскую политику. Анализ действительности свидетельствует, что все эти три постулата имеют место и в современной России.

Третье условие развития высшей школы — не сокращение, а рост численности студентов. Более того, с учётом общественной тенденции стимулирование прироста молодых, получающих высшее образование, как это делается в Японии, Южной Корее, Скандинавии да и в Соединённых Штатах, где высшее образование становится, по существу всеобщим и его получает от 80% до 90% молодёжи. Российская власть развернула процесс в обратном направлении. И если в «нулевые годы» в общей численности лиц, получающих профессиональное образование в Российской Федерации, студенты составляли примерно 70%, то ставится задача довести эту цифру до 50% и ниже.

В начале XXI века в России развернулось движение «Образование — для всех», инициатором которого явился О.Н.Смолин. Сторонники

этого движения не оспаривают необходимость реформирования отечественного образования. Но они выступают против его коренной ломки, предусматривающей разрушение всего созданного ранее и построение образовательной системы, базирующейся не на отечественных, а западных образцах. Для профессионального сообщества не секрет, что разработчиков концепции «реформирования» системы образования подвигло не столько желание улучшить положение дел в сфере образования, сколько стремление воплотить в жизнь установки, которые содержатся в «Концепции организационно-экономической реформы образования в России». В ней говорится, что главная цель реформ — «слом тоталитарной, административно-командной системы образования и старой (т. е. советской. — И.Б.) образовательной политики».

Исходя из этой цели, настойчиво проводится курс, губительность которого ежечасно подтверждает практика. За последние десятилетия Россия переместилась с 7 на 42 место по уровню образования. Индекс человеческого потенциала (ИЧП) составляет у нас 0,747, тогда как, скажем, в Канаде — 0,932. Между нами и этой страной находятся ещё 70 стран, у которых индекс развития человеческого потенциала выше, чем у России. Изменение статуса образовательных учреждений создало юридическую предпосылку для начала широкомасштабной приватизации в этой сфере, привело к изменению соотношения между государственными и негосударственными образовательными учреждениями, к ослаблению (а в перспективе и к утрате) государственного контроля над одной из важнейших сфер общественной жизни.

Реализация принципа «деньги за студентом» приводит к сокращению числа высших учебных заведений. И прежде всего тех, которые ведут подготовку специалистов по таким нужным обществу, но не пользующимся популярностью специальностям, как инженер, педагог, исследователь, библиотекарь, музейный работник и т. д. Ликвидация вузов, неспособных выжить в условиях резкого сокращения бюджетного финансирования, привела к возникновению безработицы среди преподавателей высшей и средней специальной школы, которые поставлены перед необходимостью смены профессии и рода занятий. Среди студенчества появились лица, не обладающие соответствующей общеобразовательной подготовкой и неспособные овладеть программой высшей школы со всеми вытекающими из этого последствиями. Обострилась проблема занятости вузовских выпускников. На повестку дня встал вопрос не «куда пойти учиться?», а «куда пойти работать?».

Сегодняшняя Российская Федерация мало что фактически реально производит, поэтому основные вакансии пока ещё имеют место в сфере торговли и услуг. Офисная же деятельность (по крайней мере, в крупных городах) состоит в основном в переключивании бумажек, на-

бивании документов в Word, в ответах на бесконечные телефонные звонки, в «работе с клиентами», продаже продукции, закупке комплектующих и пр. Это, однако, не требует высшего образования.

Поразительно, но всё, что здесь описано, происходит в то время, когда в других странах мира усиливается государственная поддержка науки и образования, а повышение образовательного уровня населения рассматривается как приоритетная государственная задача. К тому же международными организациями провозглашается в качестве базового принципа социальной жизни равенство возможностей граждан в получении образования независимо от расы, вероисповедания и социального положения.

Как не вспомнить, что в Советском государстве даже в самые трудные для него годы достаточное финансирование науки и образования считалось одним из обязательных требований. Так, за годы Великой Отечественной войны в стране было организовано 240 новых научных учреждений. В первые послевоенные годы в одной только системе Академии наук СССР возникло 30 новых институтов. В 1950 году в СССР на образование шло 10% национального дохода, а в США — только 4%. В начале 1950-х годов относительные расходы на высшую школу в полтора раза превышали американские. Как результат этого из всего фонда научных открытий СССР за 1950—1990 годы 80% было сделано в 50—60-е годы.

Инвестиции в образование всегда рассматривались у нас не только как важнейшее условие улучшения перспектив экономического роста страны, но и как фактор наращивания её человеческого потенциала. Образование расширяло кругозор молодых людей, обеспечивало им возможность самореализации, способствовало их материальному благополучию и здоровому образу жизни.

Данные о грамотности и уровне образования являются одним из важнейших показателей качества жизни. В условиях, когда образование и знания составляют основной ресурс человеческого потенциала, можно сказать, что сам человек формирует себя как носителя качеств, составляющих ядро его личности, то есть творческих способностей, интеллектуального уровня, восприимчивости инноваций, умения эффективно использовать информационные технологии и т. п. Всё это важнейшие черты любого современного специалиста.

В XXI веке явственно стало заявлять о себе бурное развитие информационных технологий, которые радикальным образом изменяют технический базис производства. Расширяющаяся экспансия «знаниеёмких» отраслей заставила многих исследователей при изучении экономических процессов выделять в качестве самостоятельного «информационный сектор», который включает в себя передовые отрасли матери-

ального производства высокотехнологичной продукции и сферу, предлагающую навыки коммуникации и связи, производство информационных технологий и программного обеспечения.

Перспективы развития образования многие исследователи связывают именно с процессом информатизации в его объективно обусловленной форме, в том числе с глобальной информатизацией. Директор Управления анализа и прогнозирования ЮНЕСКО Ж.Бэнде считает, что в условиях переживаемой современным миром промышленной революции обществу необходима новая образовательная парадигма, отвечающая современным императивам. Её стержнем должно стать образование для всех в течение всей жизни. Такое образование позволит гуманизировать (очеловечить) процесс постиндустриального развития и обеспечит демократическое развитие общества. Перед образовательными учреждениями оно ставит задачу формирования у молодых людей способности адаптироваться к быстро изменяющимся условиям и стремления к знаниям, они должны «учить молодёжь учиться». При этом следует остерегаться упрощённого подхода к обучению как к простой сумме начального и непрерывного просвещения (образования).

Речь, по существу, идёт о формировании «обучающегося общества», которое выйдёт за рамки разграничительной концепции «трёх периодов жизни» (обучение, трудовая деятельность и пребывание на пенсии). Разнообразие формы обучения не только молодёжи, но и взрослых людей становятся приоритетной задачей общества. Но в этом случае совершенно иную функцию должны нести на себе университеты. Им предстоит пересмотреть свою роль «фабрик» по производству дипломированных специалистов и стать одним из основных генераторов экономического и культурного развития страны.

Устоит ли Россия перед агрессией западно-американского антиинтеллектуализма, против надвигающегося на неё невежества? Сложный вопрос. Вместе с тем следует отметить, что российский многонациональный народ, держась русской культуры, не однажды останавливал западную экспансию против него. Но никогда не страдал западнофобией. Не в нашей традиции с порога отвергать всё иностранное только потому, что оно иностранное. Но не в нашей традиции и унижать русское, российское, падая ниц перед иностранным.

В современных условиях государства по-разному реагируют на необходимость преобразований в образовательно-научной сфере. Исторические, политические, культурные особенности оказывают влияние на то, каким образом новые тенденции отражаются на их реализации. Считается, к примеру, что существуют три основных модели отличающиеся друг от друга степенью государственного участия в системе образования и интеграции его с научно-исследовательской деятельностью.

Первая модель, когда роль государства в осуществлении этих процессов незначительна (такая модель характерна для Австралии, Великобритании, США, Японии). Учебные заведения здесь всё в большей степени начинают функционировать именно как своеобразные рыночные структуры, что привело образование к так называемому «академическому капитализму». Компании (главным образом, транснациональные) начинают активно создавать собственные учебные заведения, называемые корпоративными университетами, готовящими работников по единым требованиям и правилам. Сегодня только в США таких университетов 100, а в мире их число увеличилось за последние десятилетия с 400 до 4 000. Не в этом ли направлении действовал в своё время олигарх М.Ходорковский, пытаясь прибрать к рукам Московский социальный университет?

При второй модели государство планирует и осуществляет профессиональное образование и обучение и управляет им (этим путём идут Бельгия, Франция, Италия, Нидерланды).

Наконец, используя третью модель взаимодействия с образованием, государство определяет общие рамки деятельности частных компаний и организаций по осуществлению профессионального образования и обучения молодёжи (так дело обстоит в Австрии, Германии, Дании и Швейцарии). При этом учитывается, что если раньше образование ограничивалось довольно коротким отрезком времени (обычно периодом школьного обучения), то сейчас оно стало обязательным для всех и, по существу, непрерывным в течение всей жизни человека, поскольку в условиях быстрых технологических сдвигов точно спрогнозировать структуру спроса на специалистов даже в ближайшем будущем и предсказать появление новых профессий сложно.

Превращение образования в массовое и непрерывное, по мнению некоторых экспертов, стало одним из примечательных явлений прошлого века. За сорок лет (с 50-х по середину 90-х гг.) почти во всех западно-европейских странах численность студентов увеличилась более чем в 10 раз. Произошёл переход от элитарной к массовой системе высшего образования, охватывающей сегодня в разных странах Западной Европы от 1/3 до 2/3 выпускников средней школы. Наиболее существенный рост — 70% с 1985 года — отмечался в Греции, Франции и Великобритании. Этот процесс в совокупности с углубляющимися финансовыми трудностями и ростом конкуренции со стороны частного образовательного сектора вызывает необходимость усиливать внимание к оценке эффективности образовательной системы и её вклада в национальный экономический рост. Такая система в большей степени, чем это было раньше, должна адаптироваться к учёту потребностей общества.

К сожалению, Федеральная целевая программа «Развитие образования в РФ в 2016—2020 годы» не ориентирована ни на одну из рассмотренных нами моделей государственного управления развитием образовательной сферы. По всей вероятности, вместо многословного закона «Об образовании в Российской Федерации», имеющего множество отсылочных норм, целесообразно разработать «Образовательный кодекс России». В его общую часть следовало бы включить такие разделы:

- Функции образования и образовательные потребности;
- Направления стратегического развития образовательной сферы, его ресурсы и организационно-экономические механизмы;
- Система бюджетного финансирования образования;
- Организационные механизмы привлечения внебюджетных средств в образовательную систему;
- Оценка и классификация показателей эффективности использования ресурсов в образовательном учреждении;
- Распределение федерального и регионального трансфертов между образовательными учреждениями;
- Управление инвестиционными процессами в сфере образования;
- Формирование единого научно-образовательного пространства в рамках Союзного государства России и Беларуси, а также в ЕврАзЭС.

Думается, что особое внимание в этом документе следовало бы уделить интеграции образования и науки в высшей школе, выделив в нём, в частности, следующие разделы:

- Развитие научного и технического потенциала высшей школы;
- Кадры науки: основные направления совершенствования;
- Стимулирование научной деятельности учёных высшей школы;
- Государственное регулирование научных исследований в области развития наукоёмких отраслей, высоких технологий, инновационной деятельности, безопасности.

Система образования, как считают многие работники высшей школы, отдавшие ей большую часть своей жизни, может и должна играть главную роль в обеспечении идеологической и духовно-нравственной составляющей национальной безопасности России.

Однако пока ею управляют бенефициары западных вливаний, она в целом способствует разрушению этой составляющей. Следовательно, президент РФ обязан немедленно отправить экономический блок правительства Медведева в отставку. Даже находящиеся при правительстве и президенте РФ вузы ведут антироссийскую политику, насаждают ложные теоретические ориентиры и готовят кадры разрушителей своей страны. При формировании органов власти и системы

управления научно-образовательными учреждениями главным должен быть критерий патриотической позиции. При отсутствии таковой даже высшая профессиональная квалификация может иметь негативные последствия. Такой поход должен стать всеобщим принципом кадровой политики государства, которое хочет успешно противостоять разрушающим его силам.

И последнее. Государственная власть обязана по своей принадлежности в кратчайшие сроки обеспечить моральное перевооружение народа, решительно отбросив либеральные догмы «деидеологизации», «толерантности», «приоритета личного интереса над общественным, индивидуального над коллективным» и т. п., следование которым обрекает нацию на деградацию и вымирание.

Таким образом, нынешнее «реформирование» системы образования привело к крайне негативным последствиям. Мало надежды на то, что правительство выправит ситуацию, оно само породило нынешние проблемы и постоянно их усугубляет. Нужны самые решительные меры со стороны широкой общественности, чтобы вернуть нашу систему образования на путь позитивного развития.

В.М.Алпатов

Вот такая история!

Передо мной учебник, точнее, «Пособие для классов с углублённым изучением истории»: Л.А.Кацва. «История России. Советский период (1917—1991)». Мне прислал его один из моих коллег, у которого по этому пособию учится сын. Книга не новая: издана в 2003 году, но поскольку она и сейчас используется в нашем образовании, то имеет смысл рассмотреть, что там написано. Знакомство с ней показывает: мы имеем образец сочинения, основанного на «демократической» точке зрения, со всеми одиозными особенностями.

Автор вроде бы стремится избегать голословных утверждений, он старается каждую формулировку подкрепить примерами, фактического материала в учебнике много. Однако очень часто примеры отобраны односторонне, и значительно количество неточностей и противоречий, что сразу бросается в глаза.

В целом книга Л.А.Кацва — даже не самый крайний образец такого рода, автор в ряде случаев стремится сохранять объективность. Нет частой в наше время идеализации царского строя, показана закономерность его краха. События 1917 года до Октября включительно изложены более или менее объективно, нет стремления к особому подчёркиванию того, что большевики были хуже всех. В.И.Ленин в отличие от И.В.Сталина или Л.И.Брежнева дан неоднозначно, иногда признаётся прагматизм и разумность его позиции (например, по Брестскому миру). Неоднозначно показаны и полководцы Отечественной войны. Автор не поддерживает ряд частых в наше время антикоммунистичес-

АЛПАТОВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ, крупный советский и российский лингвист, член-корреспондент Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор. Директор Института языкознания РАН. Автор более 200 научных работ по лингвистике, прежде всего по японистике и истории языкознания, многочисленных работ по истории и политологии.

ких версий: например, о большевиках как «немецких шпионах», об «убийстве» М.Горького, о генерале-предателе Власове как «идейном борце». В других случаях желательная для автора версия признаётся недоказанной (например, ему хочется считать, что приказ об убийстве С.М.Кирова отдал Сталин, но он признаёт, что доказательств нет). Часто следуя за западными трактовками, он иногда от них отходит, например, в области изобразительных искусств, где он — явный сторонник немодного на Западе реализма, почитает Б.В.Иогансона и не считает самым крупным русским художником первой половины века К.С.Малевича, как это принято там. Осуждается поддержка властью «левого» искусства в первые годы после революции, а притеснявшиеся тогда художники и скульпторы — реалисты берутся под защиту.

Учебник заканчивается вроде бы объективно, «списком злодеяний» и «списком благодетелей» Советской власти, а читатели приглашаются самостоятельно в них разобраться. Однако во всём тексте мы видим слишком явный перекосяк в одну сторону.

Он виден уже в эпиграфах, предпосылаемых главам учебника. Кроме эпиграфов в главах об Отечественной войне, во всех этих стихах советский строй решительно осуждается, иногда в издевательской форме. Главные авторы — И.Губерман (три раза!) и А.Галич. Один раз, правда, В.Лебедев-Кумач («Если завтра война»), но характерно, что именно он цитируется неточно. Активно используется и жанр анекдота, естественно, только антисоветского.

В учебнике постоянны эмоциональные клише, обычно не придуманные автором, а им воспроизводимые, не сходящиеся даже с материалом, приводимым автором, и опять-таки односторонние. «XX век — самый трагический век в русской истории». «Фанатичные революционеры и полуграмотные рабочие и матросы». «Бедняк в деревне — пьяница». «Бесчеловечные действия Красной армии» в Гражданскую войну (о белых так не пишется). «Светлая цель обернулась миражом». «В СССР царил нищета». «Жданов обрёк Ленинград на голодную смерть» (а фашисты ни при чём?). «Поколение детей XX съезда». «Мужественный и неуступчивый Хрущёв» (речь, естественно, о разоблачении им Сталина). Все достойные люди, не подпавшие под репрессии, уцелели «чудом». Такие формулировки иногда проецируются и в более отдалённое прошлое, если оно было в советское время политически актуально: «Иван Грозный и Пётр Первый — самые жестокие цари» (иных характеристик Петра я в учебнике не обнаружил). Впрочем, встречаются и более традиционные клише: «солнечный день 22 июня 1941 г.» (а, например, в Москве день был дождливым и холодным). Иногда явные анекдоты (возможно, восходящие к не принимавшим советский строй современникам событий) даются не как анекдоты, а как реальные

факты: якобы в 20-е годы можно было стать студентом, не зная грамоты. Действительно тогда в студенты принимали рабочих и крестьян без среднего образования, но неграмотный студент всё-таки невероятен.

Через весь учебник проходит сопоставление СССР со странами Запада (речь сейчас, естественно, не идёт о фашистской Германии). Можно отметить, что западная внешняя политика иногда и критикуется; это, однако больше относится к 20—50-м годам, а чем ближе к современности, тем чаще просто пересказывается западная оценка тех или иных событий. Это относится не только к Афганистану (тот факт, что Горбачёв бросил там при выводе войск своих союзников, не упомянут), но и к арабо-израильскому конфликту или событиям в Чили (сказано, что С.Альенде вёл неправильную политику, и это привело к захвату власти А.Пиночетом, но Пиночет никак не осуждается). Но политическое устройство западной системы и капиталистическая экономика рассматриваются только как эталон. Коммунисты постоянно осуждаются за установление власти не по «волеизъявлению населения» (впрочем, этот же упрёк предъявлен и Временному правительству), за отказ от разделения властей и др. Возможно ли во время революций реальное «волеизъявление»? Говорится, что в стране «представление о частной собственности *еще* не успело укорениться» (курсив мой. — В.А.). То есть то, что есть в США и Европе — идеал, светлое настоящее или светлое будущее всех народов. А по данным Левада-центра, сейчас 37% высказываются за советскую политическую систему и лишь 13% за западную (остальные предпочитают то, что у нас есть сейчас, или не определились). (См.: Советская Россия, 18 февраля 2016 г.)

Далее рассмотрим оценки в учебном пособии конкретных ситуаций и событий.

Большевики обвиняются в недееспособности армии в 1917—1918 годах. Но не сказано, что, во-первых, солдаты тогда уже в массе не хотели воевать, во-вторых, приложили руку к этой недееспособности и все «демократические» партии, в-третьих, именно большевики смогли затем армию воссоздать.

«Антидемократизм» новой власти на первом этапе (до начала Гражданской войны) иллюстрируется лишь закрытием оппозиционных СМИ. Но это не единственная сфера демократизации, тут же говорится о рабочем самоуправлении и рабочем контроле, и скорее признаётся, что это было пусть неэффективное, но средство укрепления демократии.

Крестьянство (это проходит через весь учебник) оценивается целиком как враждебная большевикам сила. Дифференциация крестьянства мало показана. Говорится о семи уважаемых зажиточных крестьянах и о кулаках (различие между ними остаётся неясным), которым противопоставлены лишь поддержанные большевиками «пьяницы»,

что — сильное упрощение. Подчёркивается враждебность новой власти крестьянства в целом, преодолевавшаяся лишь террором, но потом, когда говорится о причинах победы красных, признаётся, что они смогли опереться на массовую поддержку. И только ли рабочие эту поддержку составляли? Вот пример. Упомянуто о вражде казаков и «иностранцев» на казачьих землях (при этом сказано, что последние будто бы земли не имели, получается, что они не могли вообще вести хозяйства, но на деле они землю арендовали у казаков, что, конечно, порождало противоречия). И «иностранцы» (а это крестьяне!) были всю войну на стороне коммунистов, красные командиры Б.М.Думенко и С.М.Будённый вышли оттуда. Далее говорится, что при военном коммунизме были уничтожены кулацкие хозяйства, и непонятно, откуда же к концу 20-х годов снова появились кулаки (или их большевики выдумали?). На деле они в основном разбогатели при НЭПе, среди них было много ранее воевавших на красной стороне, включая иностранцев. Далее колхозы и совхозы характеризуются только негативно, трудовой энтузиазм признан в городе и отрицается в деревне. Безусловно, сельское хозяйство было в СССР слабым местом, и учебник где-то опирается здесь на реальные факты, но были же и «колхозы-миллионеры», где жили иначе. А голода большую часть колхозного периода не было, что не могло быть достигнуто только за счёт торговли на рынках. И в конце учебника вывод: даже Горбачёв не понимал, что единственным выходом в деревне мог быть только роспуск колхозов и совхозов и создание единоличных хозяйств. Опять-таки западный тип как эталон. Автор учебника избегает упоминаний событий после августа 1991 года, но мы же знаем, что тогда в деревне происходило. И часть колхозов сохранилась по желанию самих крестьян, и жизнь там далеко не худшая, а часто лучшая сравнительно с другими. Кстати, на основе описываемой картины сельской жизни естественным было бы предположить, что крестьяне должны были принимать активное участие в борьбе с Советской властью с конца 80-х, чего в учебнике всё-таки нет, поскольку не было на самом деле.

При сравнении красных и белых автор иногда старается соблюдать паритет, но в целом это не получается. Например, подчёркивается дисциплина у белых и её отсутствие у красных. При этом не учитывается разная ситуация в разные периоды войны. Если во время Добровольческой армии и только создаваемой Красной армии преимущество в дисциплине могло быть у белых, то уже к концу 1919 года белая армия была в стадии разложения, а у красных крепла дисциплина, что не упомянуто. Не раз сказано о красном терроре, а белый террор признаётся один раз с подчёркиванием того, что и в нём виноваты красные, якобы они первые начали.

Вышеупомянутая критика иностранной внешней политики иногда оказывается «критикой справа»: державы недостаточно боролись с большевиками. Прямо сказано, что на Дальнем Востоке красные не победили бы, если бы не противоречия между США и Японией, хотя к 1921—1922 годам Красная армия уже была настолько боеспособна, что другие державы должны были с ней считаться.

И подчёркивается необразованность красных, где были одни «полу-грамотные рабочие» с добавлением кучки фанатиков (чуть ли единственный иной приводимый пример — М.Н.Покровский), хотя приводят-ся цифры о том, что примерно половина царских офицеров перешли на красную сторону. Но как быть с интеллигенцией? Безусловно, среди её старшего и среднего поколения, занимавшего определённое положение в прежнее время, большинство не любило новую власть (хотя достаточно многие с ней сотрудничали, примеры чего в учебнике приводятся). Но были две других категории интеллигентов. Во-первых, это получившие то или иное образование разночинцы: в Первую мировую войну офицерский корпус значительно расширился за их счёт, и именно такие офицеры, часто затем дослужившиеся до высоких званий, играли большую роль в Красной армии не только в Гражданскую, но и в Отечественную войну: А.М.Василевский, Л.А.Говоров и другие. Во-вторых, молодёжь любого происхождения, увлечённая революционными идеалами. В моей науке, в лингвистике были крупные учёные, «красные профессора» Е.Д.Поливанов и Н.Ф.Яковлев (оба — из дворян).

Отношение Ленина к интеллигенции, как это сейчас любят делать, сведено в пособиях к единственному резкому высказыванию в письме к М.Горькому. Раньше его действительно не цитировали, зато хорошо были известны его другие высказывания, здесь не упомянутые. Ленин не раз писал о привлечении учёных и других нужных стране интеллигентов, о пайках, об организации научных учреждений (эта организация упомянута в учебнике, но без подчёркивания действительно огромной роли Ленина). И в письме Горькому собственно о профессионализме интеллигенции не говорится, сказано лишь о политической её роли, действительно бывавшей не лучшей (в учебнике признано быстрое снижение в решительный момент роли интеллигентской партии кадетов).

Говоря о действительно очень тяжёлом положении церкви в 20-е годы, автор безоговорочно осуждает позицию патриарха Тихона и других иерархов, пошедших ради спасения на признание новой власти, считая, что она «тяжело отразилась» на дальнейшей судьбе церкви. Но мы видим, что таким образом эта часть православной церкви при огромных потерях выжила и в наши дни при помощи власти восстанавливает могущество. А что бы осталось от церкви, если бы там все исходили из принципа: «Умираем, но не сдаёмся»?

Карточки признаются «неотъемлемой сущностью» советского строя после того, как кончился НЭП. Но после упоминания того, что в 1947 году кое-где не могли сразу упразднить карточки (хотя, например, в Москве их после реформы уже не вводили), о них не случайно ничего не говорится в разделах о 50—70-х годах. Значительную часть советского времени без них обходились, пока не стали к концу 80-х спешно вводить элементы рыночной экономики.

И после Гражданской войны постоянно говорится о необразованности большевиков, которая, конечно, нередко была, но далеко не всегда. Первое поколение советских руководителей включало мало людей с законченным высшим образованием, хотя немало было недоучившихся из-за участия в революционной деятельности бывших студентов (Н.И.Бухарин, М.В.Фрунзе, В.М.Молотов и др.). Но многие занимались самообразованием. Например, И.П.Павлов при первой встрече с новым академиком Н.И.Бухариным кричал, что у того «ноги по колени в крови», но, познакомившись с ним ближе, очень его уважал за разносторонние знания. Потом уровень образованности одно время снизился (поколение Н.С.Хрущёва; кстати, сильнее всего пострадавшее от репрессий). А со второй половины 30-х годов он стал подниматься, о чём специально не написано, это можно видеть лишь по косвенным данным, сравни, например, имеющиеся в книге биографии Хрущёва и Брежнева. С 50-х годов попасть в номенклатуру без высшего образования было невозможно. И некультурность некоторых людей преувеличивается (опять это не личная черта автора, а то, что стало принято). Например, в биографии Брежнева опущен важный факт: он учился в гимназии, не закончив её из-за революции (всё это было описано в его «Воспоминаниях»). Одного из референтов он потряс тем, что помнил наизусть длинное стихотворение Д.Мережковского «Сакья-муни». Явно он это вынес из гимназии. Брежнев и Мережковский — немыслимое сочетание в нашей нынешней антикоммунистической мифологии. Конечно, к концу жизни у генсека стала проявляться болезнь, но и динамику уровня образованности надо учитывать.

Преувеличивается и некультурность И.В.Сталина, хотя семинария, которую он почти закончил, давала не так мало знаний. По воспоминаниям П.Н.Пospelова, Сталин иногда в компаниях говорил ему: «Вот только мы с Вами, Пётр Николаевич, здесь знаем латынь» (тот кончил гимназию). И самообразование, и отмечаемая всеми мемуаристами великолепная память. Если не только В.И.Ленин, но и Л.Д.Троцкий и даже Ф.Э.Дзержинский даны неоднозначно, то к Сталину автор абсолютно непримирим. Характерно, что Сталин обвиняется, кроме всего прочего, в организации на фронте заградительных отрядов, но не упомянуто, что первым их в Гражданскую войну создал Троцкий (он пишет

об этом в воспоминаниях и считает своей заслугой). И сколько можно повторять ещё один штамп о том, что победа в войне была достигнута вопреки Сталину? Фиксируются его ошибки и просчёты во время войны. Даже если предположить, что во всех таких случаях автор учебника прав, неужели за всю войну главнокомандующий не принял ни одного правильного решения? А это следует из текста Кацава. Особенно явно тенденция видна при описании заседания 6 ноября 1941 года и парада 7 ноября. Они оцениваются положительно, но даже сам факт, что на них присутствовал и говорил Сталин (что для их участников, безусловно, было самым главным), не упомянут. Лишь в другом месте и в ином контексте сказано о выступлении вождя 6 ноября (неизвестно, где).

Непримиримость к Сталину, а затем к Брежневу переносится и на их окружение. Если военачальники времён Отечественной войны представлены с сильной критикой (подчёркнута жестокость Г.К.Жукова), но их заслуги до конца не отрицаются, то гражданские руководители страны либо не упоминаются, либо разоблачаются. Из членов Политбюро 30—40-х годов А.А.Жданов присутствует лишь как убийца ленинградцев, Н.А.Вознесенский только в связи с приписками (и, разумеется, с ленинградским делом). Например, эвакуацию промышленности на восток в начале войны автор оценивает в целом положительно, но без имён. Нет ничего ни о Вознесенском, ни о как раз тогда впервые выдвинувшемся А.Н.Косыгине. Больше других сказано о Л.З.Мехлисе: хотя он далеко не был в числе виднейших руководителей страны, но есть возможность его осудить. И Политбюро времён Брежнева ещё в большей степени (кроме разве что М.А. Суслова) дано безлично.

Совершенно в духе принятых на Западе концепций говорится о 1939—1941 годах, прямо сказано, что СССР и Германия воевали тогда на одной стороне. Но, не говоря о формально-юридической стороне дела (СССР не вступал до нападения Германии в мировую войну), Германия в это время захватывала Европу, а СССР добивался, пусть в итоге неудачно, оттянуть войну всеми способами. И показательно, как эту политику оценивали люди, которых трудно заподозрить в пламенной любви к Сталину. Крупный лингвист В.Н.Сидоров, сам к тому времени переживший тюрьму и ссылку, далёкий от политики, по свидетельству его ученицы Н.А.Янко-Триницкой, «в первые дни войны... не сомневался в нашей победе, радовался дальновидности нашего правительства, которое своевременно пошло на присоединение Западной Украины и прибалтийских государств». (Отцы и дети Московской школы. Памяти Владимира Николаевича Сидорова. — М., 2004. С. 59). Картина событий 1940 года в Прибалтике дана целиком так, как сейчас принято в этих государствах, без какого-либо самостоятельного анализа. При этом любопытно, что более или менее подробно сказано о Прибал-

тике и совсем кратко и без пафоса об аналогичном присоединении Бессарабии: на Западе о Прибалтике написано очень много, а о Бессарабии куда меньше. Сравни также резкое осуждение СССР за неоказание помощи Варшавскому восстанию и нейтральный тон в отношении Словацкого восстания, где можно было бы говорить то же самое, но на Западе это восстание не пользуется популярностью, поскольку организовывалось коммунистами, а в Варшаве воевали «свои».

Говорится, что предвоенные репрессии в армии лишили оставшуюся часть военных «инициативы и ответственности». Но далее в учебнике приводятся многочисленные примеры инициативы и ответственности в Красной Армии начиная с первых дней войны. Откуда они взялись, согласно концепции учебника?

Один из самых существенных случаев искажения истины связан с вопросом о пленных в войне. Приводится приказ первых месяцев войны о том, чтобы считать всех попавших в плен предателями, а их семьи репрессировать. У читателя, не знающего ситуации (а школьники в массе её не знают), на протяжении значительного числа страниц создаётся впечатление о том, что все попавшие в плен были обречены на гибель. Но дальше всё-таки говорится о так называемых фильтрационных лагерях, куда попадали после плена, и откуда, если верить Л.А.Кацва, большинство направлялось в ГУЛАГ. Но цифры осуждённых не приведены. В фильтрационных лагерях проверяли, кто сотрудничал с немцами, кто нет, что было вполне естественно. И, как указывает на основе архивных данных историк В.Н.Земсков, в отношении репатриантов (военнопленные плюс угнанные в Германию гражданские лица), «по состоянию на 1 сентября 1947 г., проверка считалась завершённой в отношении 1 981 411 человек... На 1 627 590 человек из числа проверенных не было выявлено никаких компрометирующих материалов (82,1%), 21 617 арестовано (1,1%), 202 805 взято в агентурную разработку (10,2%) и ещё 129 399 (6,6%) значились как «выбывшие по другим причинам»... Требовалось завершить проверку в отношении ещё 56 761 репатрианта» (Политическое просвещение. 2016. №2(91). С. 82). В лагеря могла попадать и какая-то часть из «взятых в агентурную разработку», но всё равно их было меньшинство, остальные не подлежали аресту. Правда, судьба отпущенных часто бывала нелёгкой: особо бдительные граждане их подозревали в предательстве, но это не то же самое, что заключение. А в некоторых случаях пленных считали героями: не поддавшегося на призывы немцев и ими казнённого пленного генерала Д.М.Карбышева ещё в 1946 году (безусловно, с ведома Сталина) сделали Героем Советского Союза. В пособии упомянут роман С.Злобина «Степан Разин» как соответствовавший курсу Сталина, но Злобин был в плену, однако Сталин публично заявил,

что за хороший роман его надо простить. В отношении членов семьи наказания применялись выборочно, в основном в случае крупного предательства (пострадали, например, все жёны Власова) или в каких-то особых ситуациях (арестовали невестку Сталина, хотя её муж Я.Джугашвили предателем не объявлялся). Распространять неизбежность репрессий на всех нельзя. Но так считают на Западе, а у нас школьники усваивают такую информацию из учебников, подобных этому.

Нередко предвзятая гипотеза подаётся в виде безусловной, уже усвоенной истины. Считается доказанным то, что СССР не выиграл бы войну без поставок союзников, что в СССР были бы созданы наукоёмкие области промышленности (а они, пусть в недостаточном количестве, но были), только если бы СССР принял «План Маршалла» (но зачем было США усиливать противника?).

Повторяется расхожий тезис о том, что до Хрущёва отдельные квартиры в СССР имела только номенклатура. Но вот конкретный московский дом, где я когда-то в детстве жил: Конюшковская улица, дом 30. Заселён в 1936 году, стоит до сих пор. Никого из номенклатуры, самый именитый жилец — член-корреспондент Академии медицинских наук (стал им, уже живя там). Рабочие, врачи, архитекторы (в том числе семья архитектора, проектировавшего дом), конторские служащие вроде получившего квартиру моего деда. 28 двухкомнатных квартир, частично отдельных, частично коммунальных: одиночкам и супругам без детей давали комнату в коммунальной квартире, а семьям с детьми (маленькими или взрослыми) — отдельную (и нам в том числе). Кстати, 1937 год обошёл дом стороной. Правда, в одновременно построенном соседнем доме 28 одного жильца изъяли; как позже выяснилось, это был С.П.Королёв (пострадал жестоко, но и он, когда получал квартиру, ещё не принадлежал к номенклатуре).

Оценка состояния науки в СССР сравнительно благожелательна, когда речь идёт о естественных науках, и резко меняется в отношении гуманитарных. По крайней мере, до 50-х годов их ценность целиком отрицается. Сказано, что вся история подчинилась идеям Покровского, это сильное преувеличение; о филологических науках ничего (кроме Н.Я.Марра, и то лишь потому, что его задел Сталин; могу отметить, что антинаучность учения этого академика всё же оценена у Л.В. Каца более или менее верно). Но были у нас, в том числе и в сталинские времена, и хорошие историки, и хорошие лингвисты, и хорошие литературоведы. И роль лингвистов могла быть достаточно важной. В учебнике всё же положительно оценивается ликвидация неграмотности в СССР, а языковеды осуществляли её научное обеспечение, как и обеспечение того, чтобы «полуграмотные рабочие» овладевали литературным языком. Сколько для этого сделал один только Д.Н.Ушаков! Благодаря ему

и другим энтузиастам нормы русского языка после расшатывания в годы революции стали намного строже с 30-х годов.

Другой сферой деятельности советских лингвистов тогда было создание письменностей для языков народов СССР, научный уровень здесь был высоким (выше я уже упоминал Н.Ф.Яковлева и Е.Д.Поливанова). Об этом в учебнике сказано, но в одном случае фактически неточно, а в другом тенденциозно. Положительно оценивается создание алфавитов для ранее бесписьменных народов, которое, однако, сводится к появлению письменностей «на основе русского алфавита», хотя они в 20-е годы и в большую часть 30-х конструировались на латинской основе, а их перевод на кириллицу произошёл лишь перед войной. Осуждается создание алфавитов для мусульманских народов, ранее употреблявших арабское письмо, поскольку оно «разрушало традиционную культуру». Но арабское письмо там до того, во-первых, использовалось очень ограниченно, во-вторых, оно приспособлено к строю арабского языка и мало удобно для тюркских или иранских языков, в-третьих, под флагом советизации у данных народов объективно шла европеизация, овладение мировой культурой, а арабское письмо отделяло мусульманские народы СССР от всех остальных. Показательно, что одновременно с СССР отказ от арабского алфавита произошёл и в Турции. Сейчас о возвращении к арабскому алфавиту ни в одной бывшей республике СССР речи не идёт, выбор возможен лишь между кириллицей и латиницей.

В отношении более близкого к нам времени отмечу скопированное с западных публикаций о России (и в те времена, и сейчас) преувеличенные роли диссидентов. Перечисляются разные организации, насчитывавшие иногда всего несколько человек, разные оттенки, включая совсем незначительные. Подчёркивать их значимость, помимо их самих, было нужно Западу, для которого они были важны в «холодной войне». А к началу перестройки диссидентское движение внутри СССР почти не существовало. В учебнике обходится вопрос о развитии диссидентского движения после 1985 года, хотя ранее перечислявшиеся фамилии (кроме, естественно, А.Д.Сахарова) перестают упоминаться. Если многое, о чём диссиденты говорили, потом осуществилось, то без прямой преемственности и деятельностью других лиц, которых диссиденты могли и за людей не считать (кто бы из них до 1987 г. общался с Ельциным?).

А интеллигенция в целом от времён Хрущёва и позже постоянно сводится к одному её слою: «элитной» оппозиционной интеллигенции, которая отличалась от диссидентов не взглядами, столь же буржуазными, а лишь меньшей активностью. Но вся ли это интеллигенция? Откуда, например, взялась КПРФ? Прежнего высокого начальства (по крайней мере, среди активных членов) там не было, рабочих и крестьян было,

к сожалению, мало. Социальную базу составляли два социальных слоя, грань между которыми не всегда могла быть чёткой: руководители среднего и низшего звена и «неэлитная» интеллигенция. Размежевание среди интеллигенции, безусловно, было, хотя в годы «перестройки» именно «элита» была на виду. Степень оппозиционности у неё в разные эпохи тоже была разной. Не думаю, например, что вся авторская песня в 60-е годы, как это утверждает Л.А.Кацва, была выражением протеста. И многие в те годы ещё искали «третий путь».

Когда же речь заходит о брежневском руководстве, то, помимо упомянутой анонимности, бросается в глаза особое подчёркивание вопроса о «ползучей реабилитации Сталина», будто бы с каждым годом становившейся сильнее. Этот вопрос активно занимал «элитную» интеллигенцию, но для руководства тех лет времена Сталина уже были давним прошлым, мало их занимавшим, а его оценки, установившиеся к концу 60-х годов, почти не менялись до «перестройки».

В каких-то случаях в учебнике обсуждаются разные версии событий, в каких-то даётся «единственно правильная» их трактовка. При этом разные версии приводятся не только в связи с убийством Кирова. Скажем, в связи с покушением Каплан на Ленина выдвигаются ничем не подтверждённые слухи о том, что его мог организовать кто-то из руководства большевиков (называются даже конкретные фамилии). Такая альтернативная версия чаще приводится без указания на источники. Например, о том, что Сталин в октябре 1941 года собирался покинуть Москву, говорится со ссылкой на не названного его охранника. Иногда когда-то ранее спорный вопрос был затем разрешён в сторону не самой желательной для автора учебника версии, но и другая версия при этом сохраняется. Например, спорили о причинах гибели в 1948 году чехословацкого министра Я.Масарика: убийство советскими спецслужбами или самоубийство, а сейчас признано самоубийство. Иногда альтернатива, наоборот, не предусмотрена. Сейчас отвергнута существовавшая раньше версия о том, что Ким Ир Сен был до 1945 года советским гражданином и в Корею в годы партизанской войны не бывал (в Институте востоковедения АН СССР долго работал человек, отобразивший фигуру Ким Ир Сена среди партизанских деятелей), а в учебнике она просто дана как единственная. Существование личной санкции Ленина на расстрел царской семьи не доказано, но Л.А.Кацва подаёт её как исторический факт.

И вопрос об источниках. Например, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына — никак не исторический источник, а в учебнике он пересказывается и там, где сейчас всё можно проверить. Скажем, судьба А.В.Чаянова и Н.Д.Кондратьева описана в точности по Солженицыну, а сейчас известно, что она была иной, и даже более трагической. И мемуары Хрущё-

ва, как и его публичные высказывания, могут привлекаться для характеристики его самого, но вряд ли как исторический источник. А, например, дело М.Н.Тухачевского описывается так, как о нём рассказывал публично Хрущёв. Об этом деле историки спорят, но ни одна версия, кроме хрущёвской, не обсуждается. Кстати, не упомянуто, что до 1937 года в стране существовало троцкистское подполье. (См. троцкистскую по взглядам, но содержащую немало фактов об этом книгу: *Роговин В. Власть и оппозиции.* — М., 1993).

Где-то автор опирается на цифры, где-то нет, при этом часто видна предвзятость: в отношении цифр репрессий, военных потерь, помощи союзников. Например, в последнем случае цифры принимаются там, где они показывают большой процент поставок, например, по автомобилям, а данные о небольшом проценте, например, по танкам, подвергаются сомнению. В отношении потерь в одном ряду стоят более или менее достоверные данные и данные из публицистики, а самая большая цифра дана без подтверждения источника. Многие источники цитируются лишь там, где они соответствуют концепции учебника. Например, не раз использованы действительно интересные воспоминания К.Симонова, но только тогда, когда концепция ими подтверждается. Например, как раз Симонов пишет о том, как вождь простил Злобина, но это не упомянуто. Правда, в одном случае, когда Симонов осуждает Сталина, проскочили одновременно высказанные слова о его «уме и иронии», что, естественно, не прокомментировано. Иногда источники даются из вторых рук; например, эпизод о споре А.Фадеева и Л.Авербаха дан со ссылкой на В.Тендрякова, который просто пересказывал воспоминания критика К.Зелинского, присутствовавшего на встрече Сталина с писателями.

Постоянны противоречия, некоторые примеры которых (например, по поводу пленных) уже приводились. Об Отечественной войне сказано, что никакая цена не могла быть чрезмерной ради победы, но вся концепция войны в учебнике, где о чрезмерных потерях по вине Сталина и его окружения говорится больше, чем о зверствах фашистов, этому противоречит. Говорится о том, что продукция сельского хозяйства при колхозах всегда росла медленно, и тут же сказано, что в один из периодов рост составил 21%, что весьма велико. О лагерях во времена Хрущёва в одном месте сказано, что они были ликвидированы, в другом месте — что их число было сокращено (что точнее). Фильм «Кубанские казаки» в одном месте описан нейтрально, в другом резко критически. Повесть М.Булгакова «Роковые яйца» в разделе о 20-х годах названа в числе тогда опубликованных (что верно), но в разделе о «перестройке» попала в число изданного в СССР впервые. Тезис о мирном сосуществовании двух систем назван признаком отхода

Хрущёва от сталинской политики, но выше пересказываются слова Сталина, относящиеся к концу его жизни, где прямо говорится о мирном сосуществовании, что дано без комментариев.

Многое не пояснено и остаётся читателю непонятным. Что такое «удельное и кабинетское имущество», «линия Керзона», «член военного совета»? В чём суть «мингрельского дела» и почему его мог бояться Л.П.Берия? Не сказано, что Берия был мингрельцем (или, как принято писать у лингвистов, мегрельцем). Почему в дни Февральской революции царь оказался в Могилёве? Какую должность занимал Г.Киссинджер? Что случилось в доперестроечные годы с южнокорейским самолётом? Сказано о гражданской войне в Анголе, но остаётся неясным, кому там принадлежала центральная власть. Так и неясно, почему при столь большой враждебности и большом сопротивлении крестьянства сдача хлеба государству в 1920 году возросла. Академик И.И.Минц в одном месте предстаёт как жертва, в другом как пособник Сталина, при этом не разъяснено, что речь идёт об одном и том же человеке. Генерал А.В.Горбатов упомянут как заключённый в 1938 году и снова появляется в 1945-м в Берлине, а что было в промежутке? Таких вопросов можно задавать много.

Иногда что-то опущено, а затем возникает постфактум. О партмаксимуме упомянуто только в связи с его отменой, а о моральном кодексе строителя коммунизма — в связи с его исключением из Программы КПСС.

И о фактических неточностях, которые можно прямо выгребать из учебника. Сначала о более серьёзных.

Сказано, что церковь в начале XX века «превратилась» в государственную структуру (курсив мой. — В.А.). Но всем, по-моему, известно, что такой структурой она была с петровского времени, и в указанное время ничего принципиально не изменилось.

«Интеллигент мог попасть в вуз только через рабочий стаж» — не только через рабочий, работали и библиотекарями и пр.

«В конце 30-х гг. по политическим статьям не было оправдательных приговоров» — были, особенно в 1939 году, когда стали бороться с «перегибами» после снятия Ежова. Известный партизанский командир С.В.Руднев, историк, автор школьного учебника истории древнего мира С.И.Ковалёв были тогда оправданы по суду и освобождены. Ковалёв после этого подал в суд на соавтора своего учебника, присвоившего главы Ковалёва во время его заключения, и выиграл дело.

При Сталине из истории якобы были «выброшены имена создателей партии», но партия существовала с 1903 года, и из доживших до конца 1930-х революционеров, игравших видную роль в партии в 1900-е годы, были репрессированы и не упоминались лишь немногие. Это хоро-

шо видно из большого количества биографического материала в недавно изданной книге: *С.Кремлёв. Ленин*. — М., 2016.

«Власть обвинила униатов в сотрудничестве с гитлеровцами» — получается, что его не было. Сейчас на Украине могут его отрицать, но вряд ли это верно.

«Космополиты — то же самое, что евреи». Не совсем верно. В космополитизме тогда обвинили даже академика-филолога, сына священника В.В.Виноградова, что, по словам его вдовы, он из всех обвинений особенно сильно переживал.

«Врачей-вредителей» обвиняли в убийстве Калинина и Димитрова» — по крайней мере, в официальных публикациях эти фамилии не упоминались.

«Амнистия 1953 г. не могла коснуться политических, так как их к малым срокам не приговаривали». Но в моём детстве (я родился в 1945 г.) я столкнулся лишь с двумя арестами известных мне людей, и оба вышли по той амнистии (одна отбывала пятилетний срок, другой ещё находился под следствием, ему быстро дали пятилетний срок и амнистировали). Тогда же и таким же образом вышли на волю некоторые впоследствии известные диссиденты: Г.Померанц, Б.Хазанов.

«Пикассо до Хрущёва не выставляли» — этот художник никогда не был запрещён; сказывалось то, что был коммунистом (этот факт не упомянут).

Теперь о мелких, но часто существенных ошибках. Возможны здесь и случайные ошибки, а иногда и опечатки (Лагман вместо Лангман, Щикотан вместо Шикотан и пр.), но бывают и концепционные, иногда одно место противоречит другому. Кое-что похоже на оговорки, о которых писал Э.Фрейд.

Начну с дат. Вот такой пример: советские войска в 1941 году были введены в Иран. В примечаниях дана правильная дата, а в основном тексте — 1943 г. И это не опечатка: ввод войск связывается с Тегеранской конференцией, хотя тогда наши войска стояли в Иране уже два года.

Другие примеры с датами. Керенский прожил не 90 лет, а 89 (1881—1970). БДТ (Большой драматический театр) основан не в «20-е годы», а в 1919. Ататюрк в 1920 году ещё не имел такого имени. В момент «Письма к съезду» Сталин уже не был наркомом национальностей. Я.Блюмкин расстрелян не в «30-е годы» а в 1929-м. Я.Э.Рудзутак и Д.Б.Рязанов расстреляны не в 1937-м, а в 1938 году. Дата гибели Г.Сокольникова — то 1939 (верно), то 1937 (неверно). «Кульг Лысенко» связывается с началом 30-х годов, хотя всерьёз он начался с 1935 года, когда Сталин публично сказал: «Браво, товарищ Лысенко». Об И.Ильфе и Е.Петрове говорится в связи с 1941 годом, когда Ильф уже четыре года, как умер. В связи с тем же годом говорится о Брянской области, об-

разованной в 1944 году. Про 1945 год сказано, что тогда была Калининградская область, но это название появилось в 1946 году, после смерти М.И.Калинина. Получается, что Гимн Советского союза написан тогда же, когда введён: в 1944 году. Но стихи не могли быть написаны в этом году, раз он 1 января уже был исполнен, музыка же существовала с 1939 года с другими словами. В числе выселенных во время войны народов названы греки, которых выселяли несколькими годами позже. «Репрессии в Восточной Европе» приписаны НКВД, хотя данный орган перестал так называться в марте 1946 года, а о репрессиях можно говорить в основном применительно к более позднему времени. К тому же после войны политическими репрессиями занимался другой орган: МГБ, а в МВД входили милиция, таможенная служба, исполнение наказаний и пр. С.Г.Игнатьев — министр госбезопасности с 1951-го, а не 1952-го. Получается, что репрессии против сторонников СССР в Югославии начались после ноября 1949 года, но они шли тогда уже больше года. В.Гомулка арестован не в «конце 40-х», а в 1951-м. С.С.Бирюзов в послевоенные годы ещё не имел звание маршала (получил в 1955-м). Инсульт у Сталина отнесён к «ночи на 2 марта», как печаталось в официальных бюллетенях, но уже давно установлено, что это случилось 1 марта. Траур во время его болезни отнесён (правда, в цитате, но нет уточнения) к 3 марта, но он начался с 4 марта. Г.К.Жуков стал зам. министра обороны после смерти Сталина — ещё во время его болезни. Камерный театр закрыт (точнее, реорганизован: театр с большинством артистов остался, но лишился руководителя и названия) не в 1950 году, а в 1949-м. К.К.Рокоссовский стал министром обороны Польши не в 1945 году, а в 1949-м. Название ГУЛАГ упразднено в 1953-м, а в учебнике оно встречается и в отношении более поздних лет. Подписка на займы отменена не в 1958 году, а в 1957-м (апрель). Выставка Дрезденской галереи была не в «1957—1960» а в 1955-м. Ядерное оружие у Китая не с «70-х гг.», а с 1964-го. Свергнута монархия в Эфиопии была не в 1976 году, а в 1974-м (и Менгисту Хайле Мариам возглавил новую власть не сразу). Статья А.Н.Яковлева против «русифилов» опубликована не в 1973 году, а в 1972-м. В годы «перестройки» некоторых из ранее запрещённых авторов начали публиковать раньше 1987 года: Н.Гумилёва к столетию в 1986-м. Даже дата смерти любимого автором Галича дана неверно: 1978 вместо 1977.

Прочие неточности. К Эстонии отошёл Печорский, а не Печерский район. Бывший министр Временного правительства Д.Н.Вердеревский не служил советской власти, а ушёл в эмиграцию (правда, в 40-е гг. восстановился в советском гражданстве). «Глава прокоммунистического режима» в Северном Иране в начале 20-х гг. Мирза Кучек-Хан не был повешен: он сначала казнил сотрудничавших с ним коммунистов, а по-

том бежал в горы, где замёрз. В.Шкловский никогда не входил в литературное объединение «Серапионовы братья». Рабочий поэт В.Казин не писал в 20-е годы песню «Мы — кузнецы»: её написал Ф.Шкулёв задолго до революции. Среди нескольких названных пьес лишь «Дни Турбиных» имели неприятности с цензурой. Фильм «Поручик Киж» отнесён к 20-м годам и приписан С.Юткевичу, но поставил его А.Файнциммер в 1934-м. Дом Моссельпрома был построен ещё до революции. А.И.Рыков и Н.И.Бухарин к 1937 году были не членами, а кандидатами в члены ЦК. Судьбу Х.Раковского разделили ещё два осуждённых по их процессу: С.А.Бессонов и Д.И.Плетнёв. Я.Б.Гамарник застрелился в связи с неминуемым арестом, но не при «попытке ареста»: ему общали лишь о разжаловании и лишении орденов. С.С.Четвериков после недолгого ареста был сослан в Горький, где продолжал работать до 1948 года. Противопоставлены «имперские мотивы» и распродажа за границу музейных экспонатов в 30-е годы, но «имперские мотивы» начались с середины 30-х, когда распродажа периода первой пятилетки уже закончилась. Обозначение писателя в 20-е годы «попутчиком» означало скорее сочувствие к нему, и М. Булгакова никогда так не именовали: попутчики — Л.Леонов, К.Федин и пр., а Булгаков считался «буржуазным писателем». А.Фадеев возглавил Союз писателей не сразу после Горького: сначала был погибший потом на войне В.Ставский, потом Фадеев, уступавший должность на некоторое время Н.Тихонову. А.Платонов дважды упомянут как писатель, которого перед 1946 годом вообще не печатали, но (кроме, может быть, нескольких лет в начале 30-х) его издавали, хотя далеко не всё. А М.Зощенко до 1946 года вполне печатали, и даже после 1946-го какие-то публикации у него были, особенно в «Крокодиле». И С.Есенин полностью непечатаемым автором никогда не был. О.Мандельштама после первого ареста не возвращали в Москву. Демьяна Бедного в 1938 исключили из партии, но не из Союза писателей. В Испании воевали два Штерна — один наш (Г.М.), другой — австриец, они спутаны (Клебером звали второго). «Оккупирована вся Ленинградская область» — явно неверно; если бы это было так, то «Дорога жизни» была бы невозможна. Во время войны исполнялась 7-я симфония Шостаковича, а не 6-я, написанная до войны. Главный город Сицилии — не Мессина, а Палермо. Фронт в Италии к концу 1943 года шёл не к югу, а к северу от Неаполя, которой был отвоёван. Изруганный Сталиным фильм А.Довженко назывался не «Победа», а «Украина в огне», а имевшее сходную судьбу стихотворение В.Сосюры — не «Любите Украину», а «Люби Украину». Суды чести существовали недолго, есть версия о том, что это была инициатива репрессированного вскоре А.А.Кузнецова. Академика Д.Н.Прянишникова не травили (по крайней мере, открыто), его уже посмертно противопо-

ставил развенчанному им академику В.Р.Вильямсу Хрущёв. А.Н.Поскрёбышев не был арестован, его незадолго до смерти Сталина лишь отстранили от должности. Не был репрессирован и П.М.Керженцев, а из двух братьев Л.М.Кагановича один умер своей смертью, а второй покончил самоубийством, но был похоронен на Новодевичьем кладбище. Институт языка и мышления не был «ликвидирован»: его слили с Институтом русского языка и переименовали в Институт языкознания. Роман А.Бека называется «Волоколамское шоссе», а не «Волоколамское направление». Фильм «Падение Берлина» не был связан (в отличие от перечисленных рядом фильмов) с «десятью ударами»: десять ударов относились к 1944-му, а падение Берлина к 1945 году. Изруганный в 1946 режиссёр Л.Луков не был «отстранён»: в 1948 году он поставил фильм «Рядовой Александр Матросов», в 1951-м «Донецкие шахтёры». Из старого Политбюро в Президиум ЦК в 1953 году не попал не только А.А.Андреев, но и А.Н.Косыгин (вернулся лишь в 1960-м). В.М.Молотов не был вообще против нормализации отношений с Югославией, он был лишь против отношений по линии партии. АЭС в Обнинске Обнинской не называлась, первоначально её место было секретным. В Темиртау волновались не целинники, а рабочие-металлурги. Пенсионный возраст в 1956 году не менялся. Хрущёвские дома без лифтов — верно лишь в отношении пятиэтажных домов, но если дома были выше, то лифты полагались. Некоторые «уклонисты» всё же были и в 50-е годы посмертно реабилитированы: Н.Н.Крестинский, В.А.Антонов-Овсеенко, были среди них даже и возвращённые в 40-е годы к руководящей работе: С.И.Кавтарадзе. Среди погибших при Сталине писателей назван Ю.Домбровский, написавший большинство произведений уже после освобождения. Осуждение Б.Пастернака писателями не было единодушным: даже Н.Грибачёв был против исключения. О смерти Пастернака сообщала не «Вечерняя Москва», а «Литературная газета». А вот стихотворение Б.Слущкого «Бог» было напечатано не там, а в сборнике его стихов. Театр на Таганке, ранее называвшийся Театром драмы и комедии, существовал с 1946 года, Ю.Любимов пришёл уже в действовавший театр, но сильно его изменил и привёл своих учеников. Фильм «Весна на Заречной улице» поставил не один М.Хуциев, а совместно с Ф.Миронером. Коллекция музея имени Пушкина «перед войной» не была отправлена в запасники, её потом потеснила выставка подарков Сталину, но это было уже после 1949 года. В.Аксёнов не был автором «Нового мира». Кто в 1959 году запрещал В.Некрасова? Его конфликты начались позже. Б.Ахмадулина не была в числе запрещённых авторов. Даты смерти в энциклопедиях времён Брежнева не изымались, хотя часто вынуждено приходилось давать вымышленные в КГБ даты. А.Г.Дементьева убрали из «Нового мира» раньше, чем А.Твардов-

ского, непосредственной причиной снятия последнего его статья быть не могла. Е.Попова и В.Ерофеева формально не исключили из Союза: они ещё находились на стадии кандидатов в Союз и их не пустили дальше. Разве кого-то из деятелей «Солидарности» высылали из Польши? Фильм «Покаяние» был поставлен ещё в начале 80-х годов при поддержке Э.А.Шеварднадзе и показан по грузинскому телевидению в 1984-м. «Марксистская платформа» состояла не из «ортодоксальных коммунистов»: это было движение в ту же сторону, что «Демократическая платформа», но более умеренное, в духе еврокоммунизма.

Уф! Наверное, я что-то пропустил, но и всего перечисленного достаточно, чтобы считать, что сочинение Л.Кацва не годится в качестве учебника. Оно может только дезориентировать школьников, желающих получить «углублённое» знание истории.

«История души» замечательного русского поэта

В. Ф. Асмус

Круг идей Лермонтова

I

Лермонтов — один из самых трудных для изучения писателей. Ни простота и энергия выражения, ему присущие, ни афористическая чеканность его мысли, ни резкая определённая его характера не могут устранить препятствий, с которыми встречается всякий, кто ставит перед собой задачу очертить круг идей Лермонтова, характеризовать его мировоззрение. Лермонтов — поэт глубокий, напряжённой и страстной мысли, «Дума» — не только название одного из замечательнейших его стихотворений, но вместе с тем наименование одного из характернейших жанров лермонтовской лирики, насквозь медитативной. Но в то же время Лермонтов умер в возрасте, когда даже у людей, всё призвание которых — в философском мышлении, контуры самой мысли, состав определяющих лицо мыслителя идей ещё только начинают вырисовываться.

Но этого мало. Философская мысль выступает у Лермонтова не в чекане отвлечённых понятий, но как грань поэтического изображения мира, поэтического выражения чувств и поэтического действия на мысль, чувство и поведение. Своеобразие идейного развития Лермонтова есть в значительной мере своеобразии путей, по которым русские писатели первой половины прошлого века (XIX в. — *Ред.*) приходили к философским проблемам. Среди крупных русских писателей, выступивших в 20-х и 30-х годах XIX века, лишь очень немногие получили строгое и систематическое философское обра-

АСМУС ВАЛЕНТИН ФЕРДИНАНДОВИЧ (1894—1975), доктор философских наук, профессор Московского университета с 1939 г. Лауреат Сталинской премии 1-й степени (1943), в составе коллектива, за «Историю философии» (М., 1940). Заслуженный деятель науки РСФСР. Награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Редколлегия публикует работу В. Ф. Асмуса не только для того, чтобы читатели получили дополнительные знания, но и как один из примеров глубокого анализа творчества выдающихся мастеров русского художественного слова. Она впервые напечатана в «Литературном наследстве» (газетно-журнальное объединение), т. I, кн. 43—44 («М. Ю. Лермонтов») в 1941 г.

зование. Философская одарённость рано пробудилась в русском обществе, но не нашла поддержки в исторических условиях развития русской государственности. Правительство, министерство просвещения, университетское начальство боялись философской мысли и подавляли её ещё слабые ростки.

При таких обстоятельствах философское образование и просвещение, круг философских идей, доступных писателю, входили в его сознание и становились органической частью его духовного мира не столько путём прямого, обеспеченного организацией высшей школы глубокого и систематического изучения философии, сколько более косвенными путями — через журналистику (поскольку в ней находили отражение философские веяния) и в особенности через изучение поэтов, драматургов и прозаиков Запада, творчество которых оказалось насыщенным философскими, моральными, психологическими и эстетическими идеями. В этом направлении влияли Шиллер, Гёте, Байрон.

Результатом этого исторически сложившегося положения философии в России было крайнее своеобразие философского развития русских писателей. Редкая литература в кругу литератур мирового значения представляет пример такой тяги к философскому осознанию жизни, искусства, творческого труда, какой характеризуется именно русская литература. И в то же время редкая литература отмечена в такой мере, как русская, своеобразием, порой причудливостью путей философского развития крупнейших её талантов.

Лермонтов не составляет здесь исключения. Источники и корни его философской рефлексии перепутаны и глубоко погружены в тёмную почву, неисследованную, да и вряд ли доступную окончательно исследованию. Огромная потенциальная философичность Лермонтова, поразившая Белинского мощь его духа сочетаются в Лермонтове не только с неопределённостью далеко не установившейся мысли, но даже внушают порой впечатление какого-то горького недоверия к самому акту отвлечённой философской мысли.

В «Фаталисте», в одном из выразительнейших мест, перекликающемся с мыслями «Думы», Лермонтов осуждает отвлечённую мысль, отождествляет её с мечтательностью, парализующей силу и постоянство практической воли:

«И много других подобных дум проходило в уме моём; я их не удерживал, потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлечённой мысли; и к чему это ведёт?.. В первой молодости моей я был мечтателем; я любил ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мне беспокойное и жадное воображение. Но что от этого мне осталось? одна усталость, как после ночной битвы с привидением, и смутное воспоминание, исполненное сожалений. В этой напрасной борьбе я истощил и жар души и постоянство воли, необходимое для действительной жизни; я вступил в эту жизнь, пережив её уже мысленно, и мне стало скушно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге» (всюду разрядка моя. — В.А.). (Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч., изд. «Academia». — М.-Л., 1937. Т. V. С. 317).

Идея, мысль представляет в глазах Лермонтова ценность не сама по себе, но как форма и основание изменяющего человека и жизнь действительная. Положение это — краеугольное для Лермонтова. Тезис о первенстве воли и практического разума, обоснованный в немецком идеализме (особенно у Фихте-старшего) путём сложной и трудной диалектики, у Лермонтова выступает как органический устоявший его поэтического мировоззрения. Возможно,

что тезис этот вошёл в сознание Лермонтова не без посредства Гёте, который сам разделял положение Фихте о примате действования («вначале было де ло»).

Но каковы бы ни были пути, на которых оформилась и созрела мысль Лермонтова, при всех условиях поражает сила, с какой эта мысль властвует над сознанием поэта. Мысль эта — самый важный, наиболее чётко сформулированный и продуманный тезис его философских размышлений. Естественность, органичность, непринуждённость, с какими мысль эта выступает у Лермонтова, несколько скрадывают, стущёвывают её принципиальный характер. И всё же формулы, в какие отливается эта мысль, поражают своей силой, законченностью, сконцентрированной в ней потенциальной философской значительностью: «...идеи — создания органические... их рождение даёт уже им форму, и эта форма есть действие; тот в чьей голове родилось больше идей, тот больше других действует; от этого гений, прикованный к чиновническому столу, должен умереть или сойти с ума, точно так же, как человек с могучим телосложением, при сидячей жизни и скромном поведении, умирает от апоплексического удара». (Там же. С. 271).

Нелюбовь к отвлечённой мысли, которая остаётся только отвлечённой, не переходит в жизненное действие, — черта глубоко национальная, характерная для Лермонтова как мыслителя и писателя, именно русского.

В развитии этой мысли поэт заходил порою так далеко, что отвлечённое познание представлялось ему не столько как условие успешности и плодотворности действия, сколько в качестве отрицательной силы, парализующей уверенность, энергию, безотчётную безошибочность практического акта. В этом смысле изображается обеспложивающее воздействие чрезмерного отвлечённого познания в «Думе»:

Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно*.

.....
Мы не сушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей. (Там же. Т. II. С. 39).

Лермонтов отнюдь не был ненавистником разума и хулителем познания. В его волюнтаризме не сыскать и следа того алогизма, неверия в познавательную мощь ума и науки, которые так характерны для современных Лермонтову волюнтаристов Запада. «...Ум и душа, показываясь наружу, — писал Лермонтов, — придают чертам жизнь, игру и заставляют забыть их недостатки...». (Там же. Т. V. С. 117). Он сетовал, что в современной ему России слишком мало обществ, где ценят ум: «...таких обществ у нас в России мало, в Петербурге ещё меньше, вопреки тому, что его называют совершенно европейским городом и владыкой хорошего тона». (Там же. С. 117). «Надо полагать, — жаловался он М.А.Лопухиной, — что люди вовсе не созданы мыслить, потому что мысль сильная и свободная — такая для них редкость». (Там же. С. 512).

Натура страстная и волевая, Лермонтов в то же время был того убеждения, что с т р а с т и, при всём их значении, суть лишь подготовительная ступень

* Современное поэту поколение.

к развитию идей, мысли, познания, самосознания. «Страсти, — писал он, — не что иное, как идеи при первом своём развитии: они принадлежность юности сердца, и глупец тот, кто думает целую жизнь ими волноваться: многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря. Но это спокойствие часто признак великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувств и мыслей не допускает бешеных порывов: душа, страдая и наслаждаясь, даёт во всё себе строгий отчёт и убеждается в том, что так должно; она знает, что без гроз постоянный зной сердца её иссушит; она проникается своей собственной жизнью, — лелеет и наказывает себя, как любимого ребёнка. Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие божие». (Там же. С. 271).

Лермонтов знал по собственному опыту и ценил раздвигающую обычные рамки познания до безмерности пространства и времени силу мысли:

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизньнюю иной,
И о земле позабывал... (Там же. Т. I. С. 173).

Так, мысль о вечности разрешает, по свидетельству Лермонтова, противоречия и загадки, которые для непосредственного опыта — чувства и страсти — остаются неразрешимыми:

И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый звук
Гармонии вселенной, каждый час
Странья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчёт мы можем дать в своей судьбе. (Там же. С. 177).

Не мысль, не познание, не разум отвергает Лермонтов, но мысль, оторванную от действия, познание, не оплодотворяющее жизнь, разум, разобщённый с волей, холодный, бездейственный. Только в этом смысле следует толковать частые у Лермонтова сентенции вроде известных строк:

И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет. (Там же. Т. II. С. 90).

Или самопризнания вроде печоринского:

«Из жизненной бури я вынес только несколько идей — и ни одного чувства. Я давно уж живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия. Во мне два человека: один живёт в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его...». (Там же. Т. V. С. 298—299).

Только о существенная мысль, только идея, претворившаяся в дело, представляют значение в глазах Лермонтова. С этим взглядом тесно связывается понятие Лермонтова о совершенстве. Ему был вполне чужд

отвлечённо-трансцендентный взгляд на совершенство как на идеал, к которому следует стремиться, но который в то же время заведомо никогда не может быть осуществлён. Только идея, с п о с о б н а я стать действительностью, — такова мысль Лермонтова, — заслуживает права быть образцом или нормой совершенства.

Взгляд этот не только глубок и истинен философски*, но в то же время по существу оптимистичен, дышит верой в человека, в его силы, а его реальные способности к совершенствованию:

Когда б в покорности незнания
Нас жить создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать. (Там же. Т. I. С. 220).

Самое стремление к славе, честолюбие может быть оправдано, по Лермонтову, если в основе его лежит стремление к действительному совершенству:

К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет всё душа моя
Во всём дойти до совершенства,
Пронзая будущего мрак,
Она бессильная страдает
И в настоящем всё не так,
Как бы хотелось ей, встречает. (Там же. С. 302).

Той же высокой оценкой направленного к совершенствованию действия оправдывается в глазах Лермонтова г о р д о с т ь, в которой Лермонтова привлекает не надменная кичливость, не превознесение своих заслуг, но великая практическая и плодотворная сила, способность гордого существа долгие и энергичнее противостоять всему, что мешает его действию, осуществлению его планов и задач:

Под ношей бытия не устаёт
И не хладеет гордая душа;
Судьба её так скоро не убьёт,
А лишь взбунтует; мщением дыша
Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
С такой душой ты бог или злодей... (Там же. С. 177).

* Общеизвестная энергия, с какой диалектической мыслитель Гегель критиковал метафизическое понятие кантианцев об идеале как принципиально неосуществимом и трансцендентном по отношению к реальности образце. В этом вопросе Лермонтов — с Гегелем против Канта.

В художественной объективации деятельное и потому потенциально плодотворное качество гордости раскрыто в характере Печорина. «Любивший раз тебя, — пишет Печорину Вера, — не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин, не потому, чтоб ты был лучше их, о нет! но в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоём голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая... никто не умеет лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто столько не старается уверить себя в противном». (Там же. Т. V. С. 306—307).

Отношением к действию определяется значение, какое для Лермонтова имеет воля. Волюнтаризм Лермонтова далёк от какой бы то ни было мифологической метафизики и мистики в духе Шопенгауэра, — это лишь утверждение в том, что именно воля есть источник и условие деятельности, творчества, начала положительной, равно как и разрушительной активности.

«И в самом деле, что может противустоять твёрдой воле человека? — воля — заключает в себе всю душу, хотеть — значит ненавидеть, любить, сожалеть, радоваться, — жить, одним словом; воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созданию или разрушению чего-нибудь, отпечаток божества, творческая власть, которая из ничего созидает чудеса... о если б волю можно было разложить на цифры и выразить в углах и градусах, как всемогущи и всезнающи были бы мы!...». (Там же. С. 83).

Твёрдое намерение, по Лермонтову, «повелевает природе и случаю» (там же. С. 25), является условием не только реальных перемен, производимых деятельностью человека, но, в случае успеха, и самой оценки его действий. Задолго до Достоевского Лермонтов наметил одну из идей, разработанных автором «Преступления и наказания». Моральная и историческая оценка совершаемых человеком действий, — такова мысль Лермонтова, — определяется не столько согласованностью этих действий с отвлечёнными понятиями и нормами добра и зла, сколько способностью человека реально свершить задуманное, перешагнуть через черту, отделяющую в обычном представлении добро от зла. Только волевая сила, обеспечивающая действительный — победоносный — переход через эту черту, только действительный успех содеянного дают право на изменение моральной оценки, на провозглашение великим того, что обычно расценивается — и должно расцениваться — как злодейство людьми слабыми, неспособными нарушить запрет, одержать победу над тормозящими действие, размагничивающими волю принципами и заповедями:

Поверь: великое-земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое —
— Велик; не удалось — злодей;
Среди дружин необозримых
Был чуть не бог Наполеон;
Разбитый же в снегах родимых
Безумцем порицаем он... (Там же. Т. I. С. 67).

В кругу представлений и понятий, определяющих мировоззрение, Лермонтов ничто не ценит так высоко, как представления, усиливающие в человеке волю. Даже заведомо ложное о действующих в мире законах может быть оп-

равдано, — так думал Лермонтов, — если только понятие это способствует росту в о л е, способности д е й с т в и я.

В «Фаталисте» под углом этого взгляда Печорин рассматривает астрологию:

«...Звёзды спокойно сияли на тёмно-голубом своде, и мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права. И что ж? эти лампы, зажжённые, по их мнению, только для того, чтобы освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ними, как огонёк, зажжённый на краю леса беспечным странником!». (Там же. Т. V. С. 316—317).

До сих пор рассуждение Печорина — обычное рассуждение материалистически, в духе научных понятий мыслящего, образованного человека нашего времени. Но тотчас же за этим рассуждением следует неожиданное, уже чисто лермонтовское заключение: «Н о з а т о, — продолжает размышлять Печорин, — какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо, с своими бесчисленными жителями, на них смотрит с участием, хотя немым, но неизменным!.. А мы, их жалкие потомки, скитаемся по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы неспособны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья, потому что знаем его невозможность и равнодушно переходим к сомнению, как наши предки бросались от одного заблуждения к другому, не имея, как они, ни надежды, ни даже того неопределённого, хотя и сильного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми, или с судьбою...». (Там же. С. 316—317).

С таким взглядом на волю Лермонтов должен был отвергнуть как несовместимое с достоинством человека всякое пассивно-созерцательное отношение к жизни. Даже основанная на познании н а д е ж д а представляется ему недостойной активного, стремящегося, действующего человека. «Зачем же подавать надежды?» — жалуется Грушницкий на княжну Мери Печорину. «Зачем же ты надеялся? — отвечает ему Печорин. — Желать и понимать чего-нибудь — понимаю, а кто ж надеется?». (Там же. С. 279).

Мысли Лермонтова о центральном значении воли — не столько теория или психологическая гипотеза, сколько попытка самознания или самопознания. Лермонтов действовал так, как он действовал, не потому, что у него была известная «теория» воли, но наоборот: «теория» эта появилась у Лермонтова потому, что ему свойственно было жить и действовать, подчиняя чувства и мысли волевому началу. «Воспитание воли» для Лермонтова — не тезис отвлечённой педагогики или психологии, но поглощающее большую часть сил и времени реальное содержание его жизни и деятельности. Человек должен быть готов к действию. Средством этой подготовки могут быть только воспитание и упражнение воли. Твёрдость намерения и решительность действия приходят не как дар судьбы. Они добываются тренировкой, предполагают длительную работу, своего рода экспериментирование над собственной волей.

У Лермонтова экспериментирующая работа над воспитанием воли настолько берёт верх над прочими видами самовоспитания, что зачастую приводит к игнорированию ц е л е й действия, довольствуется выбором целей

ничтожных и малодостойных. Обычно это — испытание и закаление воли в узкой сфере отношений любви.

Мотивировка этих, зачастую сомнительных и малоценных, упражнений — чисто волюнтаристическая. Искусство возбуждать к себе любовь есть, в глазах Лермонтова, высшая форма волевой победы, торжество человека над человеком. «...Возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха — не есть ли первый признак и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиной страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, — не самая ли это сладкая пища нашей гордости?.. Если б я почитал себя лучше, могущественнее всех на свете, я был бы счастлив; если б все меня любили, я в себе нашёл бы бесконечные источники любви». (Там же. С. 270—271). Самое зло, рассматриваемое с этой точки зрения, определяется и даже оправдывается как условие и форма действия и торжества именно воли:

«Зло порождает зло; первое страдание даёт понятие о удовольствии мучить другого; идея зла не может войти в голову человека без того, чтоб он не захотел приложить её к действительности...» (там же), «...есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет». (Там же).

Человек, сознавший важность в первенстве волевого начала, неизбежно будет стремиться к его приумножению и выращиванию. Его образ действий — отнюдь не поиски наслаждений. Высшее из признанных им наслаждений — наслаждение силой власти — не может быть куплено иначе, как ценой борьбы с трудностями, препятствиями и прямыми опасностями. Жизнь, непрерывно обтачиваемая на оселке волевого искусства и испытания, есть жизнь затруднённая, исполненная борьбы и противоречий.

Только для поверхностного взгляда существование людей, подобных Печорину, может представляться как непрерывная цепь эгоцентрически мотивированных удовольствий. Разумеется, есть в Печорине и эта черта — своеволие и нетерпение никакими нормами не сдерживаемого, никаких запретов не признающего желания. «Таков уж был человек: что задумает, подавай; видно в детстве был мамёнкой избалован», — так отзывается о Печорине Максим Максимыч. (Там же. С. 214). На упрёки Максим Максимовича, узнавшего о похищении Бэлы, Печорин отвечает просто: «Да когда она мне нравится?..». (Там же. С. 201). Более того. Дело не в ответе, не в словах, а в том выражении непреклонной, победоносной, не поддающейся на убеждения воли, с каким эти слова произносятся. «Что прикажете делать? — поясняет Максим Максимыч. — Есть люди, с которыми непременно должно соглашаться». (Там же. С. 202). И всё же нравственный характер людей, подобных Печорину, разумеется, не исчерпывается мелким и пошлым эгоизмом ищущей одних лишь наслаждений автономной воли.

Тот же волюнтаризм обрекает Печорина на одиночество, лишает его друзей, противопоставляет его «свету», т. е. его обществу. «Я к дружбе неспособен: из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признаётся; рабом я быть не могу, а повелевать в этом случае — труд утомительный, потому что надо вместе с этим и обманывать...». (Там же. С. 211). Ещё более тяжким для людей печоринского склада оказывается неизбежная противопоставленность их обществу, — если общество, как это было в эпоху

Лермонтова, состоит из людей с ничтожной и притом подавленной, подчинённой и неразвитой волей.

Мысль эта отчётливо выражена в «Княгине Лиговской». «...Свет, — читаем мы здесь, — не терпит в кругу своём ничего сильного, потрясающего, ничего, что бы могло обличить характер и волю: — свету нужны французские водевили и русская покорность чуждому мнению». (Там же. С. 111).

Но главный источник трудностей и противоречий, с какими должна встретиться направленная к самосовершенствованию, к стяжанию власти воля, — в н у т р е н н и й. Бесперывное упражнение, экспериментирование воли над собой и над другими ведёт неизбежно к ряду самоограничений, лишений и страданий, почти наверняка исключающих покой и счастье. Таков Лермонтов, таковы его герои. Их рост, т. е. совершенствование их воли, власти над людьми, основан не только на бесперывном моральном и психологическом экспериментировании, образуемого Лермонтовым, — следует ли их видеть в творчестве Бенжамена Констан (см.: «Литературное наследство», тт. 43—44. «М.Ю.Лермонтов». — М., Изд-во АН СССР, 1941) или, что гораздо менее вероятно, в изображении морально-психологического эксперимента у Стендаля, или в каких-либо иных, до сих пор не выясненных образцах, — смысл самого явления, каким рисует его Лермонтов, совершенно ясен. Действование Печорина, поступок, совершаемый им относительно других людей, его окружающих, обычно продиктован не непосредственным интересом к этому лицу или его судьбе, но в первую очередь соображением о том значении, какое этот поступок может получить в деле испытания либо силы своей власти над чужой душой (Печорин — Бела, Печорин — Мери), либо совершенства своего познания сил, управляющих чувствами других людей (Печорин — Мери, Печорин — Грушницкий), либо, наконец, в деле испытания собственной воли и судьбы (поступок Печорина в «Фаталисте»).

Постижение жизни как деятельности, а воли как источника действия рано связывалось у Лермонтова с другой важной мыслью — с мыслью о неразрывном сплетении жизни и действия с б о р ь б о й. Ещё в семнадцатилетнем возрасте Лермонтов с удивительной силой выразил мысль о ничтожестве жизни, не оправданной б о р ь б о й, запечатлел страстную жажду увековечить каждый прожитый день достойным бессмертия действием:

Так жизнь скучна, когда боренья нет.
В минувшее проникнув, различить
В ней мало дел мы можем, в цвете лет
Она души не будет веселить.
Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.
Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моём уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.

Но что ж? Мне жизнь всё как-то коротка
И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то!...). (Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.,
изд. «Academia». — М.-Л., 1937. Т. I. С. 178—179).

Тема борьбы как животворящего источника действия — одна из центральных у Лермонтова. Так велико, по Лермонтову, возвышающее, расширяющее пределы жизни и познания значение борьбы, что самые враги для Лермонтова — не только ненавистные противники, но вместе с тем и в каком-то смысле любимые существа. Во врагах Лермонтов любит повод и побудительную причину высшего напряжения деятельных сил борьбы: «...я люблю врагов, хотя и не похристиански. Они меня забавляют, волнуют мне кровь. Быть всегда на страже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерение, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть всё огромное и многотрудное здание их хитростей и замыслов, — вот что я называю жизнью». (Там же. Т. V. С. 280).

Из всех возможных жизненных позиций самой неприемлемой, самой горестной, не достойной человека для Лермонтова была, разумеется, позиция равнодушия, охладевшего ко всему безучастия, спячка воли и действия. Одним из величайших пороков современного поколения Лермонтов признал именно его безучастность, безразличие к происходящему, к царившему в ту пору в обществе злу и застою:

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властью — презренные рабы.
.....
Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережём в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови. (Там же. Т. II. С. 39—40).

Печорин, осознающий в себе как порок «неспособность к благородным порывам» (там же. Т. V. С. 288), в самом своём скепсисе и охлаждении остаётся всё же деятельным и в этом смысле, несмотря на негативный, разрушительный характер деятельности, возвышается над своими, даже к т а к о м у действию не способными современниками: «С тех пор, как я живу и действую, судьба как-то всегда приводила меня к развязке чужих драм, как будто без меня никто не мог бы ни умереть, ни прийти в отчаяние! Я был необходимое лицо пятого акта; неволью я разыгрывал жалкую роль палача или предателя. Какую цель имела на это судьба?». Там же. С. 277).

Две проблемы неизбежно должны встать перед исповедующим мировоззрение, подобное лермонтовскому: проблема с м е р т и и проблема д е т е р м и н и з м а, т. е. предопределённости человеческих действий общим строем и механизмом мира и человеческой жизни. Кто полагает всё значение

существования в действовании, в утверждении и укреплении воли, в борьбе, для того, естественно, вопросом большой важности оказывается вопрос, в какой мере может быть примирено это значение жизни с фактом всепоглощающей смерти, неумолимо пресекающей всякое действие, всякое движение воли, всякое напряжение борьбы. Не менее неизбежной и серьёзной оказывается также проблема детерминизма. Кто усвоил взгляд на жизнь как на воспитание, рост и совершенствование личной воли, тому не уклониться от вопроса о том, в какой мере самобытность, спонтанность воли и действия, может быть согласована с предопределённостью всех событий и поступков — с точки зрения объективной причинности, которой подчинены все, в том числе и субъективные, явления.

Что в подобной постановке вопроса кроется метафизически неправомерное «или—или» — об этом не мог догадываться Лермонтов в тех условиях философского образования и развития, какие выпали на его долю. Тем интереснее способ, посредством которого Лермонтов разрешает осознанное им противоречие.

В самой постановке вопроса сказывается первенствующая в системе идей Лермонтова мысль о ценности действия. Отношение Лермонтова к смерти принципиально выше, зреее, глубже отношения к ней Льва Толстого, хотя Лермонтов размышлял о смерти в юности, а Толстой в пору зрелости и мужества мысли. Вопрос о смерти вовсе не сводится у Лермонтова к одному лишь страху перед уходом из жизни в тёмную пустоту небытия. Ещё меньше это боязнь физического уничтожения. В минуты отвращения к ненавидимой им неправде социального строя, к пошлости и ничтожеству окружавшего его светского общества Лермонтов знал приливы тоски, для которой смерть представлялась желанным освобождением. «Что ж? — размышляет накануне дуэли Печорин. — Умереть, так умереть! потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж скучно. Я — как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что ещё нет его кареты. Но карета готова... прощайте!..». (Там же. С. 296). Тот же Печорин после дуэли с Грушницким едва ли не ищет смерти в путешествии по диким и глухим странам Востока: «...мне осталось одно средство: путешествовать. Как только будет можно, отправлюсь, — только не в Европу, избави боже! — поеду в Америку, в Аравию, в Индию, — авось где-нибудь умру по дороге! По крайней мере, я уверен, что это последнее утешение не скоро истощится, с помощью бурь и дурных дорог». (Там же. С. 213).

Лермонтов мужественно принимает как неотвратимый закон существования гибель всего живущего и родившегося:

Ужель единый гроб для всех
Уничтожением грозит?

.....

Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворён.

Мы сгинем, наш сотрётся след,

Таков наш рок, таков закон;

Наш дух вселенной вихрь умчит

К безбрежным, мрачным сторонам.

Наш прах лишь землю умягчит

Другим, чистейшим существам. (Там же. Т. I. С. 105—106).

И ты умрёшь, и в вечности погибнешь —
— И их нигде, нигде вторично не увидишь —
Знай, как исчезнет время, так и люди,
Его рожденье — только бог лишь вечен... (Там же. С. 77).

Ему ведомы и подобная сну быстротечность существования и оскорбительное безобразие процесса физического уничтожения:

Один я здесь, как царь воздушный,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят будто сны;
И вновь приходят, с позлащённой,
Но той же старою мечтой,
И вижу гроб уединённый,
Он ждёт... (Там же. С. 84).

В стихотворении «Смерть» с поразительной силой фантазии запечатлена картина разрушения тела. Сновидцу, от лица которого ведётся рассказ о загробном видении, смерть представляется как горькое и обидное для души уничтожение единственного друга бессмертной, но одинокой души — её тела:

И я сошёл в темницу, длинный гроб,
Где гнил мой труп, и там остался я.
Здесь кость была уже видна, здесь мясо
Кусками синее висело, жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью.
С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И жадно поедали пищу смерти.
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп.
И что же? каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга.
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего её печаль и радость,
И я помочь желал, но тщетно, тщетно.

.....
О сколько б отдал я тогда земных
Блаженств, чтоб хоть одну, одну минуту
Почувствовать в них теплоту. Напрасно,
Закону лишь послушные они
Остались хладны, хладны как презренья. (Там же. С. 289—290).

Но как бы то ни были безобразны обличья смерти, в ней Лермонтова страшит не самый факт прекращения существования, но до конца не решённый им вопрос о том, в какой мере физическая смерть человека есть предвестница гибели его деяний. Иными словами, Лермонтов страшится не самой смерти, а возможного полного уничтожения не только человека, но и всего им совершённого:

Боюсь не смерти я. О, нет!
Боюсь исчезнуть совершенно. (Там же. С. 121).

То, что можно было бы назвать страхом смерти у Лермонтова, точнее должно быть охарактеризовано как боязнь не оказаться бессмертным, т. е. плодотворным и живым в результатах своего творческого труда. Это боязнь забвения, т. е. высшая форма требовательности, предъявляемой к собственной жизни, к собственному труду. Думая о смерти, Лермонтов думает не столько о ней самой, сколько о жизни; он оценивает сделанное им до сих пор с точки зрения его способности вести длительное существование в потомстве, в памяти людей, в деятельности их ума и мысли.

Страшной, по Лермонтову, смерть оказывается лишь для того, кто, умирая, не может надеяться, что плоды его жизни останутся нужными для жизни и труда тех, кому суждено его пережить или родиться после его смерти.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
На миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда. (Там же. Т. II. С. 40).
И близок час... и жизнь его потонет
В забвенье, без следа, как звук пустой;
Никто слезы прощальной не уронит,
Чтоб смыть упрёк, оправданный толпой... (Там же. Т. I. С. 170).

В минуты неизбежных для мыслящего существа сомнений и колебаний возмущение против смерти сознаётся Лермонтовым отнюдь не как принципиальный протест против необходимого конца:

...есть всему конец;
Немного долголетней человек
Цветка; в сравненьи с вечностью их век
Равно ничтожен. (Там же. С. 174).

Смерть Лермонтов отрицает не как общий закон человеческой жизни; неприемлемой в принципе она представляется ему лишь для тех, чья жизнь полна деятельности, деятельных чувств любви, активного отношения к природе и человеку.

Смерти не может быть, не должно быть для тех, кто наделён полнотой прекрасного, деятельного существования. Есть, — такова мысль Лермонтова, — степень красоты, интенсивности, плодотворности, с которыми несовместима мысль о смерти:

Нет смерти здесь; и сердце вторит нет;
Для смерти слишком весел этот свет.
И не твоим глазам творец судил
Гореть, играть для тленья и могил...
Хоть всё возьмёт могильная доска,
Их пожалеет смерти злой рука; —
Их луч с небес, и, как в родных краях,
Они блеснут звездами в небесах! (Там же. С. 95).

Реализму мысли о смерти Лермонтов противопоставляет не меньший реализм мысли о продолжении существования в живых произведениях творческо-

го труда. Бессмертие открывается ему не как мистическое представление о загробном мире, а как связь жизни потомков с творческой жизнью предшествующих поколений. Бессмертие, таким образом понятное, есть не общий безразличный удел, но творческая заслуга лишь некоторых — именно деятельных, продуктивных, — заслуга, допускающая, вообще говоря, различные степени.

Поиском т а к о г о бессмертия оправдывается в глазах Лермонтова жажда славы:

Известность, слава, что они? — а есть
У них над мною власть...
.....
Но верю им! — неведомый пророк
Мне обещал бессмертье, и живой
Я смерти отдал всё, что дар земной. (Там же. С. 174).

Общеизвестно стихотворение, в котором Лермонтов поэтически раскрыл желанный для него облик смерти и посмертного состояния. Напомним лишь одно: смертный сон грезится Лермонтову как д е я т е л ь н ы й покой, как н е п р е к р а щ а ю щ и й с я ритм жизненных сил, как общение с т а к о й же д е я т е л ь н о й, исполненной жизни природой.

Чем интенсивнее ощущал Лермонтов жизнь как д е я т е л ь н о с т ь, как б о р ь б у деятельной воли с препятствиями, выдвигаемыми людьми и жизнью, как задачу стать достойным единственно возможного и доступного вида бессмертия, — тем повелительнее и необоримее должно было возвышаться голос желание з а г л я н у т ь в б у д у щ е е, предвидеть и с х о д борьбы, удостоверить в том, что ему действительно суждено искомое им бессмертие.

Поэтическое вопрошание будущего, стремление ещё до исхода жизни понять смысл своего назначения, своего явления в жизнь становится постоянным предметом дум Лермонтова. Стремление это, естественно определённое мировоззрением Лермонтова, ещё более усиливалось вследствие рано осознанного поэтом одиночества, непримиримой противопоставленности окружающему обществу, враждебности его поэту:

Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком краю
Любезные предметы встречу я? (Там же. С. 176).

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И как преступник перед казнью
Ищу кругом души родной;
Придёт ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать — что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей. (Там же. Т. II. С. 28).

На буйном пиршестве задумчиво он сидел
.....

И в даль грядущую, закрытую пред нами,
Духовный взор его смотрел. (Там же. С. 56).

Источники, питающие это волнение, эту неотступную тревогу за будущее, достаточно прозрачны. Кто, как Лермонтов, держится той веры, что человек есть то, чем он сам себя делает, что бессмертие есть не прирождённое свойство, а задача, которая должна быть ещё решена личными усилиями, что успех решения не гарантирован безусловно, что смысл существования не просто уразумевается, но завоёвывается в трудной борьбе с бессмыслицей жизни, — для того вопрос о будущем есть не только вопрос праздного любопытства. Вопрос этот превращается в испытание собственного достоинства, в проверку права на высокое признание и назначение.

Противоречие, заключающееся в такой постановке вопроса, очевидно. Оно состоит в желании наперёд получить ответ на вопрос, ответом на который может быть только полный итог всей жизни со всеми её трудами, предприятими и замыслами. Если только действительно содеянным измеряется право на значение и бессмертие, то неправо будет всякое усилие до начала самого дела получить сведение о его результате.

Лермонтов не избежал этого противоречия. Две причины, объединившись в общем действии, привели его к этому. Первой из них были необычайная сила и интенсивность личного начала, страстное и гордое нетерпение, не мирившееся со сроками, уже теперь, в самом начале жизни, искавшее основания для своих прав на личное самоутверждение. Второй причиной, постоянно вызывавшей в Лермонтове желание заглянуть в будущее, как бы определить свою судьбу, был его ф а т а л и з м.

Фатализм — убеждение в неотвратимой предопределённости всего, что может случиться с человеком, и, в частности, предопределённости всех его деяний, — бесспорно был присущ Лермонтову и составлял важную грань в строе его идей. Источники лермонтовского фатализма — жизненные, литературные, философские — весьма сложны и неясны, как это характерно для всех руководящих идей Лермонтова. Сам Лермонтов, если можно в этом случае верить полушутливому поэтическому самопризнанию, склонен был возводить собственный фатализм к влиянию идей и верований Востока, т. е. мировоззрения кавказских мусульман:

Судьбе как турок иль татарин
За всё я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переносу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их пророка
Невольню сблизили... (Там же. С. 90).

Но каковы бы ни были влияния, пробудившие или усилившие фаталистическое мироощущение Лермонтова, фатализм несомненно развивался и нарастал в нём с годами. Одним из важнейших ж и з н е н н ы х источников лермонтовского фатализма была отчётливо сознаваемая самим Лермонтовым исключительно резкая определённость его характера и мировоззрения; рано вступил

в столкновение с нравственным характером, образом мыслей и действий своего общественного круга, Лермонтов так же рано ощутил в себе фаталистическое чувство обречённости, вытекавшее из непреклонности собственного характера, ясного понимания антагонизма, существовавшего между ним и обществом, и не менее ясного понимания собственного одиночества, громадности противостоящих ему тёмных и косных сил. Так сложилось это удивительное, в своей противоречивости единственное, мировоззрение. С одной стороны, Лермонтов неизменно исходит из мысли о творческой активности как сущности человеческой жизни; борьба, напряжение волевого начала представляется ему несовместимыми ни с какой резиньацией, ни с каким принятием существующего — на том только основании, что оно существует как факт. Кто поднимает руку против существующего порядка, тот тем самым свидетельствует, что для него в факте существования нет ничего предопределённого, т. е. того, что может существовать только таким образом, каким оно существует. В этом смысле и сам Лермонтов и его поэтические герои — персонажи его поэм и драм — все до одного *п р а к т и ч е с к и е а н т и ф а т а л и с т ы*. Все они ведут страстную и убеждённую борьбу с ненавидимым ими нравственным либо социальным порядком, т. е. хотят изменить существующий и, конечно, причинно обусловленный порядок вещей силой своего против этого порядка направленного действия. Так могут действовать и мыслить только люди, для которых в ходе человеческой жизни нет ничего непреложного, непредотвратимого, предопределённого.

И в то же время стихи и проза Лермонтова пестрят исповеданиями явного фатализма, пронизаны мыслью о том, что всё свершающееся исполняется по закону какого-то рокового предначертания!

Что идея фатализма страдает внутренним противоречием, было ясно самому Лермонтову: «И если точно, — говорит один из его персонажей, — есть предопределение, то зачем же нам дана воля, рассудок? почему мы должны давать отчёт в наших поступках?». (Там же. Т. V. С. 312—313).

Но ясность сознания не устраняет самого противоречия. Фаталистической делает мысль Лермонтова вовсе не его убеждение в том, что каждое действие имеет причину, по которой оно возникает и происходит, — фаталистической мысль Лермонтова делает убеждение, что эта цепь причин и действий *н е м о ж е т б ы т ь р а з о м к н у т а, и з м е н е н а, п е р е н а п р а в л е н а* — даже предельными усилиями деятельной, целеустремлённой и сосредоточенной воли:

Мгновенное пренебреженье
Её могущества опять
Мне доказало, что влеченье
Души нельзя нам побеждать;
Что цепь моя несокрушима,
Что мой теперешний покой
Лишь глас залётный херувима
Над сонной демонов толпой. (Там же. Т. I. С. 298).

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы. (Там же. С. 188).

Настолько неотвратно, по Лермонтову, предопределение, замыкающее чувства и поступки в рамки неумолимого предначертания, что если бы даже

как-нибудь оказалось возможным вернуть жизнь поэта назад, к её истоку, к давно пережитым дням, ход её не изменился бы, но повторился бы с той же причинной связью чувства, с той же последовательностью действий:

Но если бы я возвратился
Ко дням позабытых тревог,
Вновь так же страдать я б решился
И любить бы иначе не мог. (Там же. С. 268).

Осознание всего свершаемого человеком и над ним свершающегося как некоего предопределения или «рока» расширяется Лермонтовым за пределы чисто личной судьбы, распространяется на события и на деятелей всемирно-исторического значения. Таким явлением всемирно-исторического определения был в глазах Лермонтова Наполеон: рассматривая Наполеона по отношению к людям, среди которых он действовал, как их рок или судьбу, Лермонтов в то же время подчиняет действие самого Наполеона некоему року, над ним стоящему и через него таинственно действующему:

Изгнанник мрачный, ж е р т в а вероломства
И рока прихоти слепой...

.....
Родился он игрой судьбы случайной,
И пролетел как буря мимо нас;
Он миру чужд был. Всё в нём было тайной,
День возвышенья — и паденья час! (Там же. С. 191).

Да тень твою никто не порицает,
Муж рока! ты слюдьми, что над тобою рок;
Кто знал тебя возвесть, лишь тот низвергнуть мог... (Там же. С. 93).

Не следует, впрочем, преувеличивать фатализм этой концепции Наполеона и наполеоновского периода истории. Представление о Наполеоне как о воплощении исполинской всемирно-исторической судьбы было весьма распространено во времена Лермонтова не только в России, но и на Западе, и притом у самых крупных мыслителей, по существу далёких от философско-исторического фатализма. Оттенок такого представления или, вернее, впечатления можно найти даже у Гегеля, который, разумеется, прекрасно понимал, что великие деятели истории могут оказаться подлинно великими лишь в том случае, когда личный интерес, по указанию которого действует их genialность, совпадает с направлением интереса больших передовых социально-исторических сил и движений. И всё же по вступлении Наполеона в Иену Гегель писал: «Я видел императора, эту мирную душу, в то время как он проезжал по городу с целью рекогносцировки; в самом деле, испытываешь удивительное чувство, когда видишь такое существо, сконцентрированное здесь в одном пункте, сидящее на лошади и в то же время повелевающее и управляющее миром».

В ряду произведений, утверждающих эту мысль, особенно замечателен «Фаталист». Мастерски разработанный сюжет этого рассказа представляет как бы тройное доказательство основного — фаталистического — тезиса. Реальность предопределения, во-первых, доказывается поступком Вулича, который подвергает спорный вопрос испытанию и проверке на опыте. Заметим

кстати, что Вулич необычайно чётко формулирует самую альтернативу: «...я вам предлагаю, — говорит он, испробовать на себе, может ли человек своевольно располагать своею жизнью, или каждому из нас заранее назначена роковая минута...». (Там же. Т. V. С. 314).

Вулич стреляется из пистолета, наудачу выбранного в куче оружия, и остаётся жив не потому, что пистолет оказался незаряженным, но лишь потому, что он случайно дал осечку; следующий выстрел из того же пистолета в висящую на стене фуражку пробивает её навывлет.

Казалось бы, тезис предопределения подтверждён. Но автору этого мало. Доказана только половина тезиса. Вуличу не суждено погибнуть путём прямого вызова судьбе. Теперь необходимо пойти дальше и доказать, что Вулич едва ли не в тот же час окажется бессильным уйти от всё же назначенной ему, но не им самим выбранной гибели. Ещё до безумного опыта Вулича Печорин, от лица которого ведётся рассказ, заметил на лице Вулича как бы печать близкой, неизбежной смерти. Печорин предсказывает Вуличу гибель: «Вы нынче умрёте», — говорит он ему. Счастливым исходом опыта Вулича предсказание это кажется опровергнутым. Но это только кажется. Возвращаясь ночью домой, Вулич погибает от руки напившегося до иступления казака, к которому он случайно обратился с вопросом. Предсказание Печорина сбывается. Смысл этого двойного происшествия ясен. Сознаёт человек или не сознаёт выпавшее ему на долю предопределение, прямо ли он испытывает судьбу или предоставляет самой судьбе осуществить начертанное, счастлив или нет исход испытания, — во всех случаях предопределение неизменно торжествует. Жизнь есть цепь предопределений — со счастливым или несчастным исходом, предопределений, в которых удача и катастрофа часто следуют непосредственно одна за другой, своим контрастом и быстрой сменой как бы оттеняя неумолимость самого предназначения.

Но и этого мало. Автор вводит в свой рассказ т р е т ь е доказательство предопределения. Печорин, прибежавший к дому, в котором укрылся убийца, в свою очередь решает испытать свою судьбу. Безоружный, он бросается через окно в комнату, где запёрся, угрожая новыми убийствами, казак, и, схватив его за руки, держит, пока ворвавшиеся солдаты не связывают преступника.

В маленьком рассказе изображены быстро следующие друг за другом три случая, в которых сказывается предопределение. Т е о р е т и ч е с к и все три — как будто тройное подтверждение фатализма. Но дело не в самом тезисе предопределения, а в т е х в ы в о д а х, которые из него извлекает Лермонтов. Своеобразие Лермонтова в том, что с мыслью о предопределении он связывает н е ф а т а л и с т и ч е с к и е практические выводы. И в случае, когда подвластный предопределению бросает вызов судьбе (выстрел Вулича, поступок Печорина), и в случае, когда он бессознательно оказывается объектом её начертаний (гибель Вулича), предопределение сохраняет свою силу. Но если таков закон судьбы, то при всех обстоятельствах достоиннее человека попытка самому решать свою судьбу. Тот же Печорин, первый заметивший на лице Вулича печать близкой уже смерти, уверенный в безошибочности своего наблюдения, смело бросается навстречу смертельной опасности в схватке с казаком. Гибель Вулича как бы обрамляется двумя этими эпизодами (выстрелом Вулича и подвигом Печорина) — с тем, чтобы подчеркнуть, что фатализм не только не исключает активности, борьбы, риска, подвига, но к ним взывает и влечётся.

Активность мировоззрения Лермонтова получила новое подтверждение

как раз в той мысли, которая на первый взгляд кажется способствующей резиньяции и пассивности. «Фатализм» Лермонтова — своеобразное обоснование убеждения, что человек должен быть деятелен, горд, силен, смел в борьбе и опасен, неподвластен и непокорен обстоятельствам. Не случайно, что именно в «Фаталисте», как я уже отмечал выше, Лермонтов подошёл к вопросу об астрологии с той же — действенной — точки зрения: в детерминизме и грубом, механическом фатализме астрологических суеверий он неожиданно усмотрел также и другую сторону — безразличное для практики влияние астрологических представлений на силу воли, на уверенность практического действия, на целеустремлённость поступков, — если поступки эти руководятся мыслью, будто залог успешности совершаемых действий глубоко укоренён в самых основах мирового порядка.

«Фатализм» Лермонтова — не фатализм покорности, безответности, непритвlenia. «Фатализм» Лермонтова скорее есть теоретически ошибочная попытка найти оправдание и опору для высших ступеней изменяющего жизнь действования, борьбы, сопротивления. Это — позиция вызова, непримиримости, безустанного отрицания.

Что «фатализм» Лермонтова имеет именно этот, по существу, не фаталистический смысл, видно из произведения, в котором убеждённость в неизбежности случившегося сочетается с самым страстным, непримиримым отрицанием его, с восстанием против случившегося. Я говорю о стихотворении на смерть Пушкина.

И в этом могучем акте борьбы поэта против ненавистного ему общества звучат, как это ни странно может показаться, как будто фаталистические ноты. Гибель Пушкина рассматривается как неизбежное начертание судьбы. (См.: там же. Т. II. С. 15). Торжество раболепных лакеев трона, гонителей поэта и его свободной мысли над лучшей, честнейшей частью русского общества также характеризуется как роковой поворот в игре судьбы:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов! (Там же. С. 17).

Но это признание неотвратимости случившегося не ослабляет ни в какой мере ни энергии борьбы поэта против проклинаемого им общественного порядка, ни испепеляющей силы его ненависти, ни глубины и разительности его обличений.

Да, свершившееся должно быть свершиться, иначе оно не могло бы свершиться. Но это признание есть фатализм только *post-factum*. Пока роковое не сбылось, пока есть силы для борьбы против того, чему не следует быть — по приговору высшего нравственного чувства общественной справедливости, — борьба должна вестись всеми доступными средствами.

«Фатализм» Лермонтова, — если позволительно вместе с поэтом так именовать строй его мыслей, — не только не освобождает человека от ответственности — личной, моральной, общественной — за всё, что он делает, но даже повышает сознание этой ответственности. Он освобождает от страха перед неотвратимостью того, что должно сбыться, и вместе с тем вселяет отвагу риска, жгучее стремление к испытанию всей меры, всего напряжений сил, поднявшихся на борьбу с неправдой.

II

Коснувшись вопроса о жизненных источниках «фатализма» Лермонтова, я отметил в числе возможных его причин раннее сознание не только резкой определённости, особенности своего характера, но и осознание его глубокой противоположности моральному облику большей части общества, несоответствия сил поэта и общества и потому неизбежное предощущение трагического исхода завязавшейся борьбы.

Родившись чрезвычайно рано, сознание это не только питало фаталистическую настроенность Лермонтова, но вместе с тем обостряло в его мысли конфликт между существующим и должным, между нравственным состоянием общества и нравственным заданием, идеалом.

Как интенсивно деятельная натура Лермонтов не мог удовлетвориться простым сознанием этого противоречия. В то же время в Лермонтове стал рано развиваться могучий реализм, способность трезвого, чуждого иллюзий пронизательно-го наблюдения людей, их нравов, их поступков, мотивов и сути их действий.

Реализм этот исключал возможность иллюзий относительно успешного практического разрешения противоречия в условиях современной Лермонтову русской жизни. Оставалось одно — искать разрешения противоречия не в наличной, рано ставшей поэту известной реальности, но в реальности иной — постулируемой, вымышленной, созданной мыслью поэта и его воображением и в то же время как-то связанной с миром наличной действительности, поставленной (разумеется, только в мысли) в отношении господства над непосредственной реальностью.

Самая возможность успешного практического действия вызывала потребность в допущении иной, чем обычная, возвышающейся над ней, будто бы высшей, будто бы доподлинной реальности.

Для натуры менее требовательной, менее глубокой, философски менее сознательной, чем лермонтовская, путь этот отнюдь не является обязательным. Но не таков был Лермонтов. Идеализм оказался для него необходимой ранней стадией развития, не метафизической и не мистической, но именно практической реакцией на жизнь. В дальнейшем путь Лермонтова оказался неустанным освобождением от иллюзий, уже в истоках своего происхождения имевших глубоко жизненный характер, представлявших иллюзорную форму или восполнение практически невозможной, неосуществимой борьбы за иной, высший — интеллектуальный, моральный и политический — уклад общества.

То, что можно было бы назвать идеализмом Лермонтова, ещё точнее может быть определено как иллюзии действительной, жаждущей деятельности, но скованной, ограниченной в возможностях действия воли.

Не следует, впрочем, и преуменьшать значение и силу идеализма ранних стихов и поэм Лермонтова. Не только деятельная, стеснённая в активности воля, но и могучая фантазия поэта соединились в стремлении породить силой воображения иной, лучший мир, который должен быть восполнением и вместе с тем укором по отношению к миру реальному.

Так возникли платонизирующие, quasi трансцендентные грёзы раннего Лермонтова:

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил

Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь жил;
И те мгновенья были мук полны,
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями... (Там же. Т. I. С. 173).

Однако даже в крайнем напряжении платонизирующей грёзы для Лермонтова характерна мысль, что надстраиваемый им, в фантазии, идеальный мир есть если не прямое порождение мира реального, то уж во всяком случае находится в столь тесном, интимном отношении с реальным миром, что в конечном счёте только этот последний имеет действительное значение.

Эта двойственность идеального, которое одновременно сознаётся и как высший слой реальности, как необходимое восполнение налично сущего и как грёза, имеющая смысл лишь по отношению к действию, какое она может проявить именно в сфере реального, чрезвычайно ясно выражена в одном из писем Лермонтова к М.А.Лопухиной:

«Странная вещь эти сны! Другая сторона жизни, и часто лучшая, нежели действительная жизнь. Ведь я вовсе не разделяю мнения, будто жизнь есть сон; я вполне осязательно чувствую её действительность, её манящую пустоту. Я никогда не смогу отрешиться от неё настолько, чтобы от всего сердца презирать её; потому что жизнь моя — я сам, я, говорящий теперь с вами и могущий вмиг обратиться в ничто, в одно имя, т. е. опять-таки в ничто. Бог знает, будет ли существовать это я после жизни!». (Там же. Т. V. С. 512—513).

Даже отвращаясь от наличной действительности в постулируемый волей, созидаемый мечтой поэта мир идеальной действительности, Лермонтов остаётся верен уже известному нам представлению об идеальном как не запрещённом по отношению к жизни, но подлежащем осуществлению в круге самих её явлений:

Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашёл я там,
Что ум не попустякам
К чему-то тайному стремился,
К тому, чего даны в залог
Столпою звёзд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог,
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы. (Там же. Т. I. С. 71).

Раскрытый в этом своём значении «платонизм» Лермонтова глубоко гуманистичен: вера в трансцендентную реальность, в «иной мир» есть лишь поэтическое обличие в еры в достоинство человека, которой не могут разрушить даже самые горькие реалистические наблюдения и открытия:

Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, течение века
Объемлет в краткий миг оно.

И всемогущий мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осуждён страдать я долго в нём
И в нём лишь буду я спокоен. (Там же. С. 286).

Только редко и ненадолго трансцендентное устремление Лермонтова переходит в прямое противопоставление реального — рождающегося и погибающего, изменяющегося — а п р е д е л ь н о м у — вечному, не знающему ни становления, ни изменения:

Смело верь тому, что вечно,
Безначально, бесконечно —
Что прошло и что настанет,
Обмануло иль обманет. (Там же. С. 362).

Та же мысль появляется как проходящий, не обогащающийся дальнейшим развитием мотив в стихотворении, посвящённом памяти отца:

Ты счастливей меня; перед тобой
Как море жизни — вечность роковая
Неизмеримою открылась глубинной. (Там же. С. 232—233).

Или ещё в стихотворении «Смерть», где смерть изображается в духе платонизирующего воззрения — как возвращение «домой»:

Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, п о р а д о м о й,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности, ни лет;
Где нет ни ожиданий, ни страстей,
Ни горьких слёз, ни славы, ни честей,
Где воспоминанье спит глубоким сном.
И сердце в тесном доме гробовом
Не чувствует, что червь его грызёт. (Там же. С. 278).

Напротив, исконно лермонтовской будет мысль о том, что постулируемый поэтом мир высшей, запредельной, реальности есть лишь проекция его з е м н ы х устремлений и желаний:

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?
Я перенёс земные страсти
Туда с собой.
Ласкаю я мечту родную
Везде одну;
Желаю, плачу и ревную
Как в старину. (Там же. Т. II. С. 106—107).

Столь же исконной для Лермонтова является глубочайшая связь между представлением об иной жизни и верой в достоинство реального земного человека, в способность его осуществить своё высшее назначение:

Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную. (Там же. С. 54).

Гуманистической мыслью о земном человеке и его назначении взлелеян также «платонизм» лермонтовских видений памяти и снов.

Известна громадная роль, какую играла в платоновской философии мифология «вспоминания» («анамнезиса»). Учение это подчёркивало запредельное происхождение души, а также противоположность чувственного — изменчивого, неистинного — знания доподлинному знанию будто бы вечных и неизменных сущностей.

Теория платоновского «анамнезиса» глубоко мистична, созерцательна. Цель её — направить мысль к роду знания, коренным образом отличного от обычного. Теория эта основана на глубоком неверии в реальность чувственного мира и чувственного восприятия, она отразилась в идеалистической эстетике и в искусстве нового времени, в частности в эстетике романтизма.

У Лермонтова также имеется — не философская, но поэтическая — концепция «анамнезиса». В двух-трёх стихотворениях она может даже показаться на п е р ы й взгляд близкой к платоновской. «Ангел» — великолепный образец этого рода.

Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли. (Там же. Т. I. С. 228).

Но тщетной была бы попытка понять «анамнезис» Лермонтова в духе подлинного платонизма. Там, в платонизме, «припоминание» было пробуждением видений и знаний, которые душа испытала и приобрела в запредельном, нечувственном мире. «Ангел» — единственное стихотворение, близко примыкающее к трансцендентизму платоновского мифа; во всех других, весьма многочисленных у Лермонтова, случаях «анамнезис» получает иное истолкование и иное значение. Не трансцендентные умозрения желает пробудить лермонтовский образ припоминающей собственные видения души, но либо вернуть душу к уже испытанным ею некогда прекрасным чувствам и стремлениям, либо подчеркнуть р е а л и с т и ч е с к у ю мысль о власти прошлого над настоящим, о жизненности всего, что, будучи нами испытано, не просто исчезает в пучине прошлого, не уходит в небытие, но продолжает жить в нас в своих р е з у л ь т а т а х как перенесённое из прошлого напором действия в живое и творческое настоящее.

Платоновский «анамнезис» — обращение к довременному, вечному. Лермонтовское припоминание — обращение от настоящего к живому, реальному, ещё и ныне способному действовать, в границах времени лежащему прошлому:

Как часто, пёстрою толпою окружён,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шёпоте затверженных речей,

Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,
Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки. (Т. II. С. 58).

Платоновский «анамнезис» — повод для ухода от всех воспоминаний действительной жизни в мир грезящихся душе, созерцаемых умом сущностей. Лермонтовский «анамнезис» — обращение от недостойного в глазах поэта настоящего мгновения к более достойному значительному, глубокому, но в то же время в с е ц е л о р е а л ь н о м у, отнюдь не потустороннему прошлому:

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красоты твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.
Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не тобой я сердцем говорю.
Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей. (Т. II. С. 120).

Чем менее потусторонним, запредельным является «анамнезис» Лермонтова, тем острее сама сила припоминания. В мировой литературе трудно найти поэта, который мог бы сравниться с Лермонтовым по интенсивности, с какой он ощущает потаённое, неявное присутствие прошлого в настоящем, его продолжающуюся и тяготеющую над человеком жизнь:

«Нет в мире человека, над которым прошедшее приобретало бы такую власть, как надо мною. Всякое напоминание о минувшей печали или радости болезненно ударяет в мою душу и извлекает из неё всё те же звуки... Я глупо создан: ничего не забываю — ничего!». (Т. V. С. 214). «Как всё прошедшее ясно и резко отлилось в моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттенка не стёрло время!». (Там же. С. 255).

И сердце, полно сожалений,
Хранит в себе глубокий след
Умерших — но святых видений,
И тени чувств, каких уж нет... (Т. I. С. 198).
Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Всё жив, хотя бессилен он... (Там же. С. 249).

При такой постоянной готовности души вновь вызывать всегда присущие, близкие и лишь оттесняемые повседневной жизнью воспоминания любое впе-

чатление текущего дня — звук, голос, краска — легко может наделить прошлое силой реального значения:

Всемогущий! Что за звуки! Жадно
Сердце ловит их,
Как в пустыне путник бозотрадной
Каплю вод живых!
И в душе опять они рождают
Сны весёлых лет
И в одежду жизни одевают
Всё, чего уж нет. (Там же. С. 280).

Даже неизбежность смерти не есть победа над силой воспоминания, — поэт предвидит возможность, что смерть оставляет человеку способность воспоминания, способность видеть сны любви в снах смерти:

Юных лет святые обещанья
Прекратит судьба на месте том,
Где без дум, без вопля, без роптанья
Я усну давно желанным сном.
Так, но если я не позабуду
В этом сне любви печальный сон,
Если образ твой всегда повсюду
Я носить с собою осуждён;
Если там в пределах отдалённых,
Где душа должна блаженство пить,
Тяжких язв, на ней напечатлённых,
Невозможно будет излечить... (Там же. С. 315—316).

Венец в цепи удивительных лермонтовских снов, где сила прошлого торжествует не только над видениями текущей жизни, но даже над оцепенением, мраком и холодом смерти, — стихотворение «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана»). Убитый не только продолжает существование во сне, который ему снится и в котором ему открывается видение далёкого пира и грезящей о нём женщины:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая ещё дымилась рана;
По капле кровь точилась моя.
Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их жёлтые вершины
И жгло меня — но спал я мёртвым сном.
И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир, в родимой стороне.
Меж юных жён, увенчанных цветами,
Шёл разговор весёлый обо мне. (Там же. Т. II. С. 127).

Но страстная, пронзительная сила этого видения как бы порождает ответное встречное видение в грезящей:

Но в разговор весёлый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа её младая
Бог знает чем была погружена;
И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей. (Там же. С. 127).

Та же встреча грезящей одинокой грусти с ответной и встречной одинокой грустью пленила Лермонтова в стихотворении Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam» из «Lyrisches Intermezzo».

Так платоновские концепции «анамнезиса» претворялись у Лермонтова в представления, чуждые мистике, в поэтические, насыщенные могучими образами фантазии, но не потусторонние картины страстной и напряжённой «истории души» поэта. С годами, с ростом реалистического сознания ослабевала и та призрачная связь с поэтическими метафорами и видениями платонизма, которая ещё может быть усмотрена в стихотворениях вроде «Ангела».

Разъяснённая в письме к М.А.Лопухиной неприязнь Лермонтова к прямому, «всерьёз» идеалистическому отождествлению реальности со сном («я вовсе не разделяю мнение, будто жизнь есть сон») усиливается, приобретает чекан придуманной поэтической формулы:

Ужели сон так близок может быть
К существенности холодной? нет! —
Не может сон оставить след в душе,
И как ни силится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Против того, что есть, и что имеет
Влияние на сердце и судьбу. (Там же. Т. I. С. 201—202).

Резкость, трезвость, реалистическая убеждённость этих строк — прямая противоположность тем представлениям о снах и об их философском значении, которые были распространены в современном Лермонтову и бесспорно в какой-то мере ему известном западноевропейском романтическом идеализме.

Любопытно сопоставить мысль Лермонтова по этому вопросу хотя бы с рассуждениями Шопенгауэра, который широко использует серьёзные философские сентенции и попросту случайные метафорические уподобления поэтов для тенденциозного идеалистического сближения реальности со снами: «Слишком явно выступает перед нами тесное родство между жизнью и сном: не постыдимся же его признать, после того как признали его, высказали много великих умов. Ведь и Пураны для всего познания действительного мира не знают лучшего и не употребляют чаще другого сравнения, чем сон. Платон не раз говорит, что люди живут только во сне и лишь один философ стремится к бдению. Пиндар выражается: «человек — сон тени», у Софокла читаем:

Я вижу: мы все, сколько нас ни живёт —
Лишь призраков лёгкие тени.
(Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. — М., 1900. С. 125).

Наряду с ним всего достойнее место Шекспиру:

...Как наши сновиденья,
Так созданы и мы, и жизни краткой дни
Объяты сном... (Там же. С. 1).

Наконец, Кальдерон был до того проникнут этим воззрением, что пытался выразить его в своей до некоторой степени метафизической драме «Жизнь — сон».

Поэтические сентенции Лермонтова о снах — как бы ответ его на рассуждения, подобные только что приведённым. Правда, преодоление иллюзий и трансцендентных представлений идеализма далось Лермонтову не легко. В лирике Лермонтова есть не мало свидетельств о том, с каким трудом реалистический опыт одолевал в нём заблуждения идеалистической веры в двойственность мира и иллюзорность реальной жизни:

Я верю, обещаю верить,
Хоть сам того не испытал...
.....
Что время лечит от страданья,
Что мир для счастья сотворён,
Что добродетель не названье,
И жизнь поболее, чем сон!..
Но вере тёплой опыт холодный
Противоречит каждый миг..
(Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч., изд. «Academia».
— М.-Л., 1937. Т. I. С. 198).

И всё же иллюзия трансцендентной двойственности мира не устояла перед реалистической силой мысли поэта. Вера, запечатлённая в «Ангеле», «Молитве» («В минуту жизни трудную»), уступает место сначала сомнению в возможности другой — высшей, вечной, бессмертной жизни, затем — прямою её отрицанию.

Чрезвычайно характерно для интеллектуального облика Лермонтова, что сомнение это рождается у него не из отвлечённых положений метафизики или теории познания: против идеалистического трансцендентизма восстаёт гуманisticкое чувство поэта, его горячая любовь к реальному человеку. Вечность и бесконечность, сулимые идеализмом, начинают теперь казаться ему слишком отрешёнными от человека, далёкими, безмерными, чуждыми и, в этой отрешённости, бесчеловечными, ненужными, непонятными, не достойными человека и его страданий:

Слова разлуки повторяя,
Полна надежд душа твоя;
Ты говоришь: есть жизнь другая
И смело веришь ей... но я?..
Оставь страдальца! — будь покойна:
Где бы ни был этот мир святой,
Двух жизней сердцем ты достойна! —
А мне довольно и одной. —
Тому ль пускаться в бесконечность,

Кого измучил краткий путь? —
Меня раздавит эта вечность,
И страшно мне не отдохнуть! —
Я сохранил на век былое,
И нет о будущем забот,
Земля взяла своё земное,
Она назад не отдаёт!.. (Там же. С. 371).
О, вечность, вечность! Что найдём мы там
За неземной страницей мира? — Смутный
Безбрежный океан, где нет векам
Названия и числа; где бесприютны
Блуждают звёзды вслед другим звёздам.
Заброшен в их немые хороводы,
Что станет делать гордый царь природы... (Там же. Т. III. С. 412).

Временами проявления этого скептицизма по отношению к вере в идеальный, вечный мир поражают своей трезвой, реалистической, почти прозаической формулировкой. Это скепсис в духе простоватого и наивного насквозь практического суждения народной, по сути глубоко материалистической мудрости. Вот лермонтовские варианты этой мысли:

Как землю нам больше небес не любить?
Нам небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше в сто раз,
Но мы знаем, какое оно.
.....
Страшна в настоящем бывает душе
Грядущего тёмная даль;
Мы блаженство желали б вкусить в небесах,
Но с миром расстаться нам жаль.
Что во власти у нас, то приятнее нам,
Хоть мы ищем другого порой,
Но в час расставанья мы видим ясней,
Как оно породнилось с душой. (Там же. Т. I. С. 310).

Но чаще и углублённее в этом отрицании принятого детской верой потустороннего мира звучат благородные гуманистические мотивы — мысль о том, что постулируемый идеализмом и верой иной мир не достоин страдающего человека, в особенности страдающего художника, поэта:

Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан? —
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берёт. (Там же. С. 361).

Поразительна оригинальность лермонтовского понимания страдания. Страдание превращается у Лермонтова из факта психологического и морального в критерий гносеологический, в критерий с а м о й р е а л ь н о с т и! Жизнь, ощу-

щаемая и сознаваемая как страдание, такова мысль Лермонтова, не может быть всего лишь иллюзией, не может не быть реальной:

Ужель всё было сновиденье:
И ложе девы, и окно,
И трепет милых уст, и взгляды,
В которых мне запрещено
Судьбой искать себе отрады?
Нет, только счастье ослепить
Умеет мысли и желанья,
И сном никак не может быть
Всё, в чём хоть искра есть страданья! (Там же. С. 281).

Так обоснованное убеждение в единственно истинной и надёжной реальности земной, чувственной жизни переходит у Лермонтова в чувство живой привязанности и любви к реальному миру, к кругу его неизбежных страданий и забот. Из принципа деятельной, активной, живой жизни следует принцип любви ко всему, что сопряжено с реальным страданием и борьбой:

Взлеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкой душой,
Я не пленён небесной красотой;
Но я ищу земного упоенья.
.....
И я к высокому, в порыве дум живых.
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их... (Там же. С. 51).

Уже в ранних стихах Лермонтова молитва, обращённая к воображаемому миру трансцендентных сил, вытесняется порой молитвой-иронией, молитвой-сарказмом, выражающими страстную любовь поэта к миру земных страстей и мук:

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильный
С её страстями я люблю... (Там же. С. 65).

Чем прочней утверждается в нравственном мире поэта любовь к признанному им единственно реальным миру земных страданий и земной борьбы, тем более беспощадной, скептической, отрицающей, граничащей с глумлением становится его мысль о предполагаемом идеализме и верой нравственном миропорядке и о его виновнике. Чувством этим насыщено стихотворение «Что толку жить!.. Без приключений»:

Конец! Как звучно это слово,
Как много — мало мыслей в нём;
Последний стон — и всё готово,
Без дальних справок. А потом?
Потом вас чинно в гроб положут,
И черви ваш скелет обгложут,
А там наследник в добрый час

Придавит монументом вас,
Простит вам каждую обиду
По доброте души своей,
Для пользы вашей — и церковей
Отслужит, верно, панихиду,
Которой, я боюсь сказать,
Не суждено вам услыхать,
И если вы скончались в вере,
Как христианин, то гранит
На сорок лет, по крайней мере,
Название ваше сохранит.
Когда ж стеснится уж кладбище,
То ваше узкое жилище
Разроют смелою рукой
И гроб поставят к вам другой.
И молча ляжет с вами рядом
Девушка нежная! Одна,
Мила, покорна, хоть бледна...
Но ни дыханием, ни взглядом
Не возмутится ваш покой —
Что за блаженство, боже мой! (Там же. С. 378—379).

Чувство это кульминирует, возвышаясь до редкой по с е р ь ё з н о с т и, по проникновенной г р у с т и силы отрицания в знаменитой «Благодарности»:

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слёз, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей,
За жар души, растроченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был —
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я ещё благодарил. (Там же. Т. II. С. 81).

С годами рано сказавшийся в Лермонтове реализм всё усиливался, переходя в воззрение, по существу, материалистическое. Приметы этой эволюции рассеяны и в лирике и в прозе Лермонтова, особенно в «Герое нашего времени».

В романе этом все мыслящие его персонажи откровенно характеризованы как материалисты, скептики, как люди, свободные от каких бы то ни было идеалистических иллюзий. Таков приятель Печорина доктор Вернер, таков и сам Печорин. Скептицизм и материализм Вернера как бы оправдываются ссылкой на его профессию: «Он скептик и матерьялист, как все почти медики...». (Там же. Т. V. С. 247). Материализм Печорина является читателю уже без каких бы то ни было смягчающих остроту показа мотивировок. Более того. В материалистических чертах мышления Печорина есть черты явно автобиографические. Известному из переписки Лермонтова увлечению его френологией соответствуют френологические наблюдения и заключения Печорина. Таково печоринское описание наружности Вернера: «...он стриг волосы под гребёнку, и неровности его черепа, обнажённые таким образом, поразили бы френолога странным сплетением противоположных наклонностей». (Там же. Т. V. С. 248).

Очевидно, в френологии Лермонтова поразила мысль о телесной, анатомической определённости свойств характера, относимых обычно к свойствам ума и души. Этой ещё наивно выраженной точке зрения соответствуют физиологические наблюдения Печорина над зависимостью духа от физического состояния тела. Накануне дуэли с Грушницким Печорин, проводивший всю ночь без сна, принимает ванну: «Погружаясь в холодный кипяток Нарзана, я чувствовал, как телесные и душевные силы мои возвращались. Я вышел из ванны свеж и бодр, как будто собирался на бал. После этого вы скажете, что душа не зависит от тела!..». (Там же. С. 297). В «Тамани» мысль о связи между нравственным характером и телесной организацией выражена также ясно, хотя здесь материалистический смысл этого наблюдения несколько ступенькается, так как третируется самим автором почти в качестве предрассудка:

«Признаюсь, я имею сильное предубеждение против всех слепых, кривых, глухих, немых, безногих, горбатых и проч. Я замечал, что всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душой: как будто, с потерей члена, душа теряет какое-нибудь чувство». (Там же. С. 230—231).

Это, разумеется, ещё не продуманный философский материализм, но проверяемое опытом и наблюдением убеждения, которые в конечном итоге ведут к материализму.

Было бы, впрочем, явной натяжкой, если бы мы сделали попытку точно характеризовать материализм Лермонтова, выявить его тип, очертить его своеобразие. Лермонтов быстрыми и верными шагами шёл к материалистическому пониманию жизни, но смерть пресекла слишком рано и беспощадно это движение. Не следует гипотетически продолжать пунктир этого движения дальше ясно видимых его отрезков. Поэтому настоящая глава, посвящённая характеристике философского смысла идей Лермонтова, останется, по существу, так же незаконченной, как не закончена рано оборвавшаяся философская эволюция поэта.

III

В первой главе настоящей работы уже было показано, как велика роль понятия деятельности, действия в мировоззрении Лермонтова. Жизнь открывается ему как подвиг предуказанного предопределением, но вместе с тем внутренне свободное, несущего на себе всё бремя социальной, исторической и личной ответственности действия.

Какой должна была стать эта мысль в приложении к действию художника, поэта? Вопрос этот не только стоял в центре мышления Лермонтова, но оставил глубокий след в его творчестве. Не малая часть дум Лермонтова оказалась посвящённой вопросу о «деле поэта» и современному ему миру, о конкретной задаче его общественного подвига.

Предпосылку решения вопроса образует мысль об исключительно высоком назначении поэта. В сознании Лермонтова поэт — не только отголосок, отзвук жизни народной, но вместе первенствующая, зовущая на борьбу, указывающая цели самой борьбы нравственная и интеллектуальная сила. Утрата современными художниками этого своего назначения — один из величайших поводов для негодования и презрения поэта:

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Своё утратил назначенье,

На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговеньи?
Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.
Твой стих, как божий дух, носился над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечною
Водни торжеств и бед народных. (Там же. Т. II. С. 42).

Присущее Лермонтову в столь высокой степени чувство ответственности за своё поведение поэта вселяло в него благородный страх — не за свою личную судьбу, а за судьбу своей одарённости среди людей. Лермонтову было известно, что существуют обстоятельства, при которых даже непререкаемая гениальность может не найти себе отклика в слухе, в чувстве и уме современников:

Я чувствую — судьба не умертвит
Во мне возросший деятельный гений;
Но что его на свете сохранит
От хитрой клеветы, от скучных наслаждений,
От истощительных страстей,
От языка ласкателей развратных
И от желаний, непонятных
Умам посредственных людей?
Без пищи должен яркий пламень
Погаснуть на скале сырой:
Холодный слушатель есть камень... (Там же. Т. I. С. 305).

Обычной трагедией гениальности Лермонтов считал обречённость большого поэта предлагать свободно найденную им правду и красоту людям, которые подходят к произведениям искусства с заранее усвоенным, предвзятым, но чаще всего ошибочным представлением о том, чем должна быть истинная — простая красота:

Холодный слушатель есть камень,
Попробуй раз, попробуй и открой
Ему источники сердечного блаженства,
Он станет ликовать, что должно ощутить;
В простом не видя совершенства,
Он не привык прекрасное ценить,
Как тот, кто в грудь втеснить желал бы всю природу,
Кто силится купить страданием своим
И гордою победой над земным
Божественной души безбрежную свободу. (Там же. С. 305—306).

Смысл жизни поэта — во вдохновенном труде, а условие возможности такого труда — свобода поэта от уз и привязанностей, пусть даже сулящих личную отраду, но препятствующих исполнению высокого назначения:

Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам...

.....
Как знать, быть может, те мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убеждён
Я дал бы миру дух чудесный.
А мне за то бессмертье он? (Там же. С. 338).

Но личная свобода, возможность беспрепятственного сообщения обществу своего достояния может быть оправдана лишь в том случае, если предлагаемое поэтом запечатление личного есть одновременно и запечатление более широкого, общественного, народного. Эгоцентричный в общении со многими, Лермонтов убеждённо отвергает в самом принципе всякий эгоцентризм в искусстве. Беспощадный к обществу во всех случаях, когда это общество подвеляет необходимую для развития и процветания искусства свободу художника, Лермонтов так же беспощадно осуждает художников, которые, будучи ослеплены и поработаны собственным «я», подменяют искусство простым, пусть даже искренним, выражением своей узко личной истории, узко личного содержания и чувствования. В споре таких художников с «толпой» Лермонтов решительно на стороне «толпы»: реальность чувств и страданий, *п е р е ж и т ы х* в *д е й с т в и т е л ь н о й* *ж и з н и*, в его глазах выше всегда в известном смысле условной реальности чувств, только *и з о б р а ж ё н н ы х*:

Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи идёт
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след забот,
Следы не встретишь неприличной.
А между тем из них едва ли есть один,
Тяжёлой пыткой неизмятый,
До преждевременных добравшийся морщин
Без преступления иль утраты!..
Поверь: для них смешон твой плач и твой укор,
С своим напевом заучённым,
Как разрумяненный трагический актёр,
Махающий мечом картонным. (Там же. Т. II. С. 45).

Ни искренность, ни сила пережитых — узко личных страданий не есть ещё достаточное условие значительности предлагаемых поэтом обществу их запечатлений. С другой стороны, и так называемая «низменность» изображаемого — с точки зрения обычных уставов морали и эстетики — сама по себе не означает непременно, что изображаемый художником «низкий» предмет не достоин воспроизведения в искусстве. По мысли Лермонтова, образы искусства ведут *о с о б о е* существование: они не суть ни простая наличная действительность, ни создание чистой и отрешённой

мечты. Им принадлежит как бы срединное бытие — между непосредственно осязаемой реальностью и между видением чистой идеальности.

Этой срединностью, двойственностью образов искусства обусловлены, по Лермонтову, чрезвычайно своеобразные черты созданий поэзии. С одной стороны, подлинное искусство не боится воспроизведения самой «грязной» действительности, так как по отношению к воспроизводимому образы подлинного искусства всегда нечто большее, чем простое повторение природы, а именно — изображение существенного и в этом смысле нечто мыслю постигаемое, и идеальное. На этом основана способность искусства отвратительное делать пленительным, вводить в прекрасный мир поэзии:

Чуть тронешь ты жезлом волшебным
Хоть отвратительный предмет,
Стихи звучат ключом целебным,
И люди шепчут: он поэт! (Там же. С. 20).

С другой стороны, будучи воспроизведением не случайных черт наличной действительности, но черт существенных, образы искусства в этом смысле не только представляют нечто срединное между наличным бытием и бытием, постигаемым мыслью, но даже обладают — как запечатление существенного — как бы вышшей реальностью:

Взгляни на этот лик; искусством он
Небрежно на холсте изображён,
Как отголосок мысли неземной,
Не во все мёртвой, не совсем живой;
Холодный взор не видит, но глядит
И всякого не нравясь удивит;
В устах нет слов, но быть они должны:
Для слов уста такие рождены;
Смотри: лицо как будто отошло
От полотна, — и бледное чело
Лишь потому не страшно для очей,
Что нам известно: не гроза страстей
Ему дала болезненный тот цвет,
И что в груди сей чувств и сердца нет.
О боже, сколько я видал людей,
Ничтожных — пред картиною моей,
Душа которых менее жила,
Чем обещает вид сего чела. (Там же. Т. I. С. 239).

Подлинно поэтическая мысль, улавливающая в случайном существенное, обладает именно поэтому не только силой сообщать мечте значение реальности, но также и способность как бы воскрешать для воображения поэта прошлое, наделять невозвратно минувшее чертами подлинной реальности, оживлять прошедшее:

... пылкая мечта
Приводит в жизнь минувшего скелет,
И в нём почти всё та же красота.
Так любим мы глядеть на свой портрет,

Хоть с нами в нём уж сходства больше нет,
Хоть на холсте хранится блеск очей,
Погаснувших от время и страстей. (Там же. С. 178).

Чрезвычайно интересно было бы установить происхождение краеугольной эстетической идеи Лермонтова — представления об образах искусства как с е р е д и н е между реальностью и идеальностью, или, иначе, представления о реальности поэтической мечты и об иллюзорности многого из того, что почитается за реальное и натуральное.

Вряд ли это представление может быть непосредственно возводимо к «метаксю» платонизма, к известному учению платоновско-аристотелевской эстетики о срединном положении образов искусства между идеальностью и реальностью. Во всяком случае ни точки соприкосновения Лермонтова с учением Платона об эросе как посреднике между мирами бытия и небытия, прекрасного и безобразного, ни точки соприкосновения его с учением «Поэтики» Аристотеля о превосходстве образов искусства над непосредственной наличностью природы не могут быть установлены достаточно отчётливо и доказательно.* Всего вероятнее мне представляется, что лермонтовская концепция образа как «метаксю», т. е. представление о срединном положении образа между реальностью бытия и идеальностью мысли, восходит к учению Шиллера о «видимости» (Schein). В пользу такого предположения также засвидетельствованный творчеством Лермонтова — его драматургией и лирикой — и не раз отмечавшийся исследователями факт сильного влияния Шиллера на раннего Лермонтова. Трудно допустить, чтобы, изучив так глубоко поэзию Шиллера, Лермонтов остался незнакомым с его эстетическими работами и прежде всего с «Письмами об эстетическом воспитании», где взгляд на искусство как на своеобразную область «видимости» (Schein), колеблющуюся между реальностью наличного бытия и идеальностью «играющей» поэтической мечты, выражен всего полнее и красноречивее.

Если эта наша догадка (которой, разумеется, суждено, при скудости имеющихся материалов об идейном генезисе Лермонтова, остаться всего лишь предположением, хотя и наиболее вероятным), — если эта наша догадка справедлива, то она должна найти подтверждение в лирических думах Лермонтова, предмет которых часто — вопросы об искусстве, художнике и его произведении. Кое-какие подтверждения бесспорно могут быть указаны. Так же как и Шиллер, одним из условий преодоления противоречий и нестройности реальной действительности Лермонтов считал очищение и возвышающее действие образов искусства:

В уме своём я создал мир иной
И образов иных существованьё;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названьё... (Там же. С. 26).

Но, следуя, быть может, за Шиллером в его мысли о способности искусства силой своих созданий побороть зло и противоречия цивилизации, Лермонтов

* Проблемы Schein в эстетике Платона и Аристотеля я специально рассмотрел в работе «Эстетика классической Греции».

в этой своей мысли куда более реалистичен, чем немецкий поэт-философ. Лермонтов с гораздо большей силой ощущает не с о и з м е р и м о с т ь жизни и искусства, п е р в е н с т в о жизни, неспособность искусства исчерпать в с ё бесконечное содержание и в с ю безмерную сложность реальной действительности. Даже восторгаясь волшебством, с каким искусство, обращаясь к прошлому, наделяет его в своих образах значением почти реального существования, Лермонтов не забывает и об иллюзорности образов искусства, о границе присущей им способности оживления:

Хотя певец земли родной
Не раз уже пел об нём
Но песнь — всё песнь; а жизнь — всё жизнь! —
Он спит последним сном. (Там же. С. 165).

Более того. В искусстве, в жизни художника Лермонтов усматривает искусством же порождаемый соблазн. Пленительность образов искусства, поглощающая жажда творчества может при известных условиях стать причиной такого самозабвения художника, такой порабождённости его восторгами искусства, при которых художнику грозит полная утрата сознания своего ж и з н е н н о г о, а не художественного только назначения и подвига. Художник, утративший сознание первенства жизни, должен, как к спасению, стремиться к ослаблению, к погашению в себе чрезмерно разросшегося пожара искусства:

Но угаси сей чудный пламень,
Всёсожигающий костёр,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращаюсь. (Там же. С. 65).

Это уже не шиллеровская мысль о красоте, которой суждено спасти мир от зла. Это — призыв спастись от избытка красоты, мешающего разглядеть избыток зла, наличествующего в жизни. Через мир красоты поэт рвётся в мир реальной жизни, т. е. в мир страданий и борьбы. Как в вопросе о реальности критерием доподлинного существования Лермонтов признал реальность страдания, так и в вопросе о критерии достойной художника жизни он высшей мерой её достоинства признал жизнь, исполненную страдания и борьбы:

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч света золотой: —
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Это подчинение художественных критериев красоты высшим критериям достойной мыслящего поэта, исполненной страдания и борьбы жизни вовсе не знаменует отказа от назначения поэта и от захвата его искусством. «Слово» поэта остаётся «делом» поэта и после того, как ему открылось более высокое

назначение. Писание остаётся любимейшим трудом, а думы — неотвратимым делом существования художника:

Я чувствую, что это труд ничтожный:
Не усладит последних он минут. —
Но так и быть — пишу — пока возможно —
Сей труд души моей любимый труд! (Там же. С. 109).

Нет слёз в очах, уста молчат,
От тайных дум томится грудь,
И эти думы вечный яд, —
Им не пройти, им не уснуть! (Там же. С. 111).

В свете этих мыслей более понятным становится отмеченное уже выше и могущее показаться странным предубеждение Лермонтова против чрезмерно искренних эготических* самопризнаний и изъявлений в искусстве. Обществу не только не интересно выражение в искусстве, пусть даже искреннее, слишком личных чувств и признаний. Выражение это, кроме своей ненужности, само по себе слишком трудно, слишком недоступно самому художнику. Поэт всегда должен быть способен к сомнению и к проверке, действительно ли то, что он принимал в себе за вдохновение художника, им является, не есть ли оно чисто личная взволнованность, представляющая факт его личной судьбы, но не факт искусства:

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы бойся вдохновенья...
Оно — тяжёлый бред души твоей больной,
Иль пленной мысли раздраженье.
В нём признаки небес напрасно не ищи:
То кровь кипит, то сил избыток!
Скорее жизнь свою в заботах истощи,
Разлей отравленный напиток! (Там же. Т. II. С. 44).

Всё, что слишком легко и непроизвольно отливается в подобия форм искусства, чаще всего не есть вовсе искусство и должно быть отнесено к силе, с какой стремится высказаться непосредственное переживание, непосредственный интерес жизни. Искусство трудно. Запечатление жизни в образах искусства часто даётся путём упорной борьбы и труда, да и в окончательном результате не выражает всей полноты открывшейся поэту мысли или испытанного им чувства. Искусству свойственна стыдливость страсти, стыдливость страдания, остерегающаяся однажды найденное счастливое, т. е. верное, точное, выражение чувства немедленно сделать всеобщим достоянием:

Случится ли тебе в заветный, чудный миг
Открыть в душе давно-безмолвной
Ещё неведомый и действенный родник,
Простых и сладких звуков полный, —
Не вслушивайся в них, не предавайся им,
Набрось на них покров забвенья:

* Эготический — самовлюблённый. — Ред.

Стихом размеренным и словом ледяным
 Не передашь ты их значенья.
 Закрадется ль печаль в тайник души твоей,
 Зайдет ли страсть с грозой и вьюгой, —
 Не выходи тогда на шумный пир людей
 С своею бешеной подругой;
 Не унижай себя. Стыдися торговать
 То гневом, то тоской послушной,
 И гной душевных ран надменно выставлять
 На диво черни простодушной. (Там же. С. 44—45).

Лермонтов — первый в ряду крупнейших русских поэтов, которые извели на собственном опыте всю силу сопротивления слова, не поддающегося совершенно точному и адекватному выражению. Лермонтову были известны противоречия мысли и чувства, с трудом уступающие усилию запечатлеть их средствами поэтического языка:

...есть красоты
 В таких картинах; только перенести
 Их на бумагу трудно: мысль сильна,
 Когда размером слов не стеснена,
 Когда свободна, как игра детей,
 Как арфы звук в молчании ночей! (Там же. Т. I. С. 181).

Холодной буквой трудно объяснить
 Боренье дум. Нет звуков у людей
 Довольно сильных, чтоб изобразить
 Желание блаженства. Пыл страстей
 Возвышенных я чувствую, но слов
 Не нахожу и в этот миг готов
 Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь
 Хоть тень их перелить в другую грудь. (Там же. С. 173—174).

Отсюда в дальнейшем развитии русской поэзии и эстетики пошла и «Silentium» Тютчева и поэтические признания символистов, изнемогавших в борьбе с неадекватностью слов, с несоразмерностью искусства и жизни.

Как поэт, наделенный редкой силой самосознания, Лермонтов великолепно знал сложную природу образов искусства, которые одновременно являются и даром поэтического вымысла, свободно комбинирующей фантазии и точным до беспощадности, трезвым до глубин природы изображением действительности. Для него не было ничего удивительного в откликах читателей на центральный образ «Героя нашего времени». Со снисходительным добродушием и терпением гения он преподавал (в предисловии ко второму изданию романа) несколько уроков элементарной эстетики. Он разъяснял, что образ Печорина создан не как изображение лица, но как портрет целого поколения, что, рисуя недостатки этого поколения, автор отнюдь не был обязан указывать средство для их исправления, что в искусстве слишком буквальное понимание его образов — такой же признак культурной незрелости, как и требование, чтобы изображение немедленно сопровождалось нравоучительным комментарием или указкой автора.

Вместе с Лермонтовым преждевременно погиб не только ум огромной по-

тенциальной философской силы, но и первоклассный в потенции эстетик. Как бы отвечая позднему требованию французского философа Гюйо, автора книги «Искусство с социологической точки зрения», Лермонтов слишком хорошо знал, насколько жизнь превосходит искусство, и именно потому знал, что надо делать, чтобы внести как можно больше жизни в искусство. Ему в совершенстве была введома эстетическая диалектика — одновременные и адекватность и неадекватность образов искусства, неподвластность их нормам натуралистической истины, под видом полноты лишь обедняющей действительность, и подчинённость их вольной и широкой правде художественного вымысла — той правде, которая открывает и запечатлевает не явное, но существенное, одновременно и свободна, и определяется непреложной необходимостью следования истине.

Глубина эстетической рефлексии* питалась в Лермонтове широтой художественной даровитости. Законы искусства поэзии, в котором Лермонтов прощёл короткой жизнью гения, поверялись им в разностороннем художественном опыте, обращением к достоянию других искусств. Лермонтов не только понимал смысл видимого как великий п и с а т е л ь. Ему было известно искусство запечатления в форме и цвете живописного изображения. Ему известны были также законы, по которым превращаются в искусство тоны звучащего, поющего мира.

Несколько поразительных по точности и глубине суждений об искусстве, оставшихся от Лермонтова, разумеется, недостаточно, чтобы с правом говорить об эстетическом мировоззрении поэта. Но тех же суждений более чем достаточно, чтобы понять, до какой мощи художественного самосознания мог бы подняться ум поэта.

**Источник: Асмус В. Ф. Избранные философские труда. Т. I. —
Издательство Московского университета, 1969. С. 7—39.**

* *Рефлексия* (от позднелат. *reflexio* — обращение назад) — это обращение внимания субъекта на самого себя и на своё сознание, в частности, на продукты собственной активности, а также какое-либо их переосмысление. См.: статью «Рефлексия» в «Википедии». — *Ред.*

Чему учат нас полотна Василия Сурикова

Суриковский взгляд на историю

*«Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее,
чтобы оно объяснило нам наше настоящее
и намекнуло о нашем будущем»
(В.Г.Белинский, 1847 г.)*

Василий Иванович Суриков родился 12(24) января 1848 года в Красноярске. Оба его родителя происходили из старинных казачьих родов, причём далёкий его предок по отцовской линии пришёл в Сибирь с самим Ермаком — чем художник всегда безмерно гордился. Василий рос в суровой сибирской атмосфере. *«Жёсткая жизнь в Сибири была. Совсем XVII век»*, — вспоминал он о своём непростоём детстве Максимилиану Волошину, собиравшему материалы для биографии живописца. Ранно умер его отец — мелкий чиновник, детей в трудах и лишениях поднимала мать.

Волошин, знавший Сурикова тогда, когда тот был уже в преклонном возрасте и болел, оставил яркое, характерное описание внешности художника: *«Суриков был среднего роста, крепкий, сильный, широкоплечий, молодежавый. Густые волосы с русой проседью лежали плотною шапкой и не казались седыми. В наружности простой, народной, но не крестьянской, чувствовалась закалка крепкая, крутая: скован был он по-казацки»*. Точно: настоящий сибиряк, интеллигент из народа!

Подобно М.В.Ломоносову, Суриков отправился покорять столицу с рыбным обозом золотопромышленника Кузнецова — сибирского мецената, сыгравшего в жизни художника решающую роль: он оплатил его обучение в Академии художеств.

Достигнув высочайших вершин в искусстве, Василий Иванович никогда не порывал связей с народом, со своим родным краем, регулярно приезжал на малую родину, подпитывался её энергией. В 1888 году в его жизни произошла трагедия: после десяти лет совместной жизни умерла от тяжёлой болезни жена художника. Суриков впал в жестокую депрессию, больше года вообще ничего не писал и в итоге принял решение, забрав с собою двух дочерей, навсегда вернуться в Красноярск.

Родная сторона и вернула его к жизни. Брат Сурикова Александр Иванович заставил его написать «Взятие снежного городка». Увлёкшись работой, в 1890 году В.Суриков приехал обратно в Москву. «*Необычайную силу духа я тогда из Сибири привёз*», — рассказывал он Волошину. Кстати, на этой картине художник запечатлел и своего брата: это мужчина в шубе справа на санях, наблюдающий за молодецкой забавой. А сама эта работа, что стоит несколько особняком в творчестве Сурикова, завоевала в 1900 году серебряную медаль на Всемирной выставке в Париже.

Василий Суриков — один из величайших мастеров исторического жанра в мировой живописи, но его талант был многогранен: он писал также и прекрасные портреты, и не менее замечательные пейзажи. И особенно можно выделить именно портреты *сибиряков* и *сибирские* пейзажи — минусинская степь, могучий Енисей.

С неподдельной любовью и интересом, с глубоким пониманием психологии и быта других народов написаны им портреты представителей коренных этносов Сибири (например — «Портрет хакаски», 1909). По его словам, «*греческую красоту можно и в остяке* (устаревшее название народности ханты. — К.Д.) найти».

Суриков обладал даром «выхватывать из толпы» яркие типы; он очень тщательно работал над своими историческими полотнами: «расспрашивал» вещи, изучая предметы старины, выполнял множество эскизов и этюдов. Известно, что, отыскивая идеальную композицию, Суриков написал *не менее* 5 эскизов к «Боярыне Морозовой», 6 — к «Переходу Суворова через Альпы», 11 — к «Покорению Сибири Ермаком» и 10 — к «Степану Разину». Путешествуя по Европе, он внимательно изучал старых мастеров, особенно Тициана, Паоло Веронезе, Якопо Тинторетто, Диего Веласкеса. Хотя и современного ему западного искусства он не чурался: ему нравились, к примеру, некоторые работы Эдуара Мане и молодого Пабло Пикассо.

Человек огромной силы воли, Суриков, опять же, подобно Ломоносову, был импульсивен, порою крут. В общем, *художник из народа*, с «*мужицкой душой*», Суриков видел сложную и противоречивую историю России именно *таким — народным —* взглядом.

Трагедия исторического процесса: «Утро стрелецкой казни» (1881)

Исторический жанр — один из важнейших жанров изобразительного искусства, который ищет ответы на коренные вопросы общественного жизнеустройства. Художник, работающий в нём, неизбежно встаёт на определённую классовую, партийную позицию в оценке тех или иных исторических событий. «Художник-историк» — если только он настоящий, а не конъюнктурный художник, — не может не стать бойцом, и к нему в большей мере, чем к мастеру других жанров, относятся слова, сказанные Эженом Делакруа: *«При одном только виде своей палитры, как воин при виде своего оружия, художник обретает уверенность и мужество».*

Исторический жанр наиболее востребован и оттого порождает наивысшие свои проявления в периоды прогрессивных общественных движений и подъёма национального самосознания. В России такой подъём происходил в 1870-е — 80-е годы и выразился в творчестве передвижников. 1880-е — «пик» и в творчестве В. Сурикова, создавшего в это десятилетие три свои наилучшие работы — трилогию из истории России конца XVII — начала XVIII века, переломного момента её истории.

Интересное обстоятельство: два крупнейших в России мастера исторической живописи — Суриков и Виктор Михайлович Васнецов, одногодок, кстати, Сурикова (годы жизни: 1848—1926) — состоялись в этом жанре после того, как переехали из Петербурга в Москву. Видимо, дух Первостольной лучше способствовал тому, чтобы проникнуться глубиной национальной истории, чем космополитический город на Неве. Но как же разнится творчество этих двух великолепных живописцев!

Васнецов — как сын сельского священника и человек консервативного склада, противник революционных преобразований — из страха перед их неизбежностью ушёл в мир русского эпоса и сказки, показывал героическое прошлое своего народа, *избегая касаться противоречий*, идеализируя старину, доходя порою (например — в пропагандистских работах, созданных им в годы Первой мировой) до «лубочности».

Суриков же, как *подлинный демократ и патриот*, напротив, вскрывает всю глубину противоречий, можно сказать — показывает отечественную историю во всём её *неприглядном величии*. Исследуя петровскую эпоху, он изображает один из самых её жестоких, мрачных и трагических эпизодов — казнь стрельцов после подавления их последнего бунта 1698 года. Картина «Утро стрелецкой казни» была выставлена на передвижной выставке 1881 года и произвела неотразимое впечатление на всех.

«...Она — наша гордость на этой выставке. Могучая картина!» — написал тогда Илья Ефимович Репин Павлу Третьякову. Противостояние двух миров: Петра, осознающего свою *государственническую правоту*,

— и стрельцов, несломленных, непокорённых, сильных духом, *сильных самим своим заблуждением*. Чёткий строй преображенцев — против хаоса стрелецкой массы и плачущих жён и детишек.

Потрясающая дуэль взглядов молодого самодержца и рыжебородого стрельца! С поразительным мастерством «композитора» (в смысле — мастера композиции) Суриков *создаёт движение*: слева свечи горят в руках приговорённых, в середине полотна солдат задувает свечу, а справа они, потухшие, уже валяются на земле — движение от жизни к смерти, от уходящего, нет — *уничтожаемого!* — старого мира к миру новому, рождающемуся в страшных муках. При этом ведь на картине нет казнённых! Репин советовал Сурикову пририсовать хоть одного повешенного, но тот не стал этого делать — это была б ошибка, которая только испортила бы замысел: показать всю неотвратимость исторического движения.

Никто не дал более ёмкой характеристики петровским преобразованиям, чем Карл Маркс: «*Пётр Великий варварством победил русское варварство*». Чтобы преодолеть экономическое, политическое, военное, культурное отставание от Запада и уберечь Россию от порабощения её более развитыми и сильными державами, необходимо было жестоко и беспощадно «рубить» старину, резать бороды и сечь головы её приверженцам! Вот, кстати, «контрпример»: соседняя с Россией Польша, которая не знала в те времена сильного монарха-самодура, там царила «демократия» магнатов с их правом вето, никто не мог обуздать старинную шляхетскую вольницу, укрепив этим центральную власть, — и в XVIII столетии Речь Посполитая пришла в упадок и в итоге была разделена более сильными соседями, утратив независимость.

Петровские преобразования совершались ценой запредельного напряжения сил народа, ужесточения эксплуатации крестьянства, ценой огромных материальных и людских потерь в войнах против Швеции и Турции за выход к морям. Мы знаем: Санкт-Петербург строился «на костях». Всё это вызывало возмущение и восстания народных масс, идеологически принимавшие форму отстаивания привычных народу «старинных порядков», борьбы против «немчуры», «иноземщины». Но антагонизм нового и старого не мог не разрешиться победой первого и гибелью второго!

Категорию *трагического* принято трактовать так: трагедия — это коллизия, возникающая тогда, когда личность или общественный класс стремятся к такому уровню свободы, который недостижим в данный конкретный момент, при данном уровне развития общества. То есть когда некто *опережает* своё время — чем и обрекает себя на поражение, на трагический конец. Однако помимо трагедии «опередивших своё время» существует ещё и второй вид трагедии: трагедия тех,

чьё «время уходит или должно неминуемо уйти», трагедия тех, кто упрямо цепляется за прошлое, не понимая или не желая понять его обречённость — и тем тоже обрекая себя на гибель.

Таковыми были стрельцы, поднявшие бунт против царя-«западника». Таким же было и белогвардейское движение. Мы готовы признать, что среди «беляков» было немало достойных людей; они защищали свои идеалы, свой образ жизни. В конце концов, белые офицеры остались верны присяге — чего, заметим, в массе своей не сделали советские офицеры в 1991 году. Но они пошли против объективного хода развития, против движения «колеса истории» — и были им безжалостно перемолоты. В этом-то и состоит трагедия белого движения — как это показал М.А.Булгаков.

Вообще, это, наверное, звучит цинично, но, подобно тому, как добро «должно быть с кулаками», так и прогрессу слишком часто иль даже обычно приходится «*быть с виселицами*». Этого не понимают те, кто судит о тех или иных событиях и эпохах истории с позиций абстрактного морализаторства. Этого не понимают как те, кто раздувают масштабы и живописуют ужасы репрессий и прочего, так и те, кто, напротив, из кожи вон лезут, дабы доказать, что ничего такого и не было, или же что размах репрессий был невелик, или же оправдать их организаторов и участников.

Историю нужно видеть, воспринимать и понимать *такой, какая она есть*, — то есть *противоречивой*, творящейся в ходе жестокой классово-вой борьбы, столкновения непримиримых интересов разных групп общества; чуждой чёрно-белого контраста. Именно такой учат видеть её и нашу современность глубокие полотна В.Сурикова.

Противоречивость социального протеста: «Боярыня Морозова» (1887)

Коренные общественные преобразования Петра I, разумеется, не возникли на пустом месте. Они были подготовлены постепенными процессами модернизации русского общества, происходившими в последние десятилетия XVII века, и стали качественным скачком, «перерывом постепенности». В частности, идеологической подготовкой будущих реформ, их «репетицией» послужила церковная реформа патриарха Никона, против которой восстали радетели «древлего благочестия».

Боярыня Феодосия Морозова, стойко держась своей старой веры, в 1671 году была арестована, подвергнута пыткам и заточена в Боровский монастырь. Пронеся свой крест до конца, она в 1675 году умерла от голода в земляной тюрьме.

Эту историю Василий Иванович знал с детства. Староверкой была его тётка Авдотья Васильевна, дававшая, как считается, юному Сурикову читать «Житие» Феодосии Морозовой. И лицо её на своём полотне

художник написал с реальной старообрядки — некой начётчицы с Урала Анастасии Михайловны. Лицо, прекрасное своими тонкими чертами, — и одновременно страшное своим фанатизмом.

Композиционный центр картины — рука Морозовой, вскинутая в двуперстии. Художник сумел блестяще передать движение саней, увозящих женщину в узилище, и сани разделили пространство полотна на две половины: левую, где преобладают противники «еретички», и правую, где почти все сочувствуют ей.

Суриков даёт острую социальную характеристику и первым, и вторым. Среди людей, насмехающихся над боярыней, особо выделяется безобразный поп в шубе, который явно наплевательски относится к вопросам веры, но зато не прочь смачно выпить-закусить. Такой себе приспособленец, идущий всегда в русле «генеральной линии партии» и чуждый отстаиванию своих взглядов, как это делает Морозова.

Сторонники ж её куда более индивидуальны по своему облику и реакции на происходящее. Это — совершенно разные социальные типы, но объединённые идеей. Кто-то плачет, кто-то негодует, а вот странник с посохом на правом краю сцены смотрит на всё с неравнодушным спокойствием и какой-то глубинной рефлексией — он явно пытается, отстраняясь от преобладающих в толпе эмоций, осмыслить то, что происходит. Сестра Ф. Морозовой княгиня Урусова, которую протопоп Аввакум образно называл «Лунной русской земли» («Солнце» — естественно, сама Феодосия), прощается с родственницей, покорно сложив руки, — она последует за сестрой.

Колоритного юродивого, отозвавшегося двуперстным жестом, Суриков, по его воспоминаниям, «...на толкучке нашёл. Огурцами он там торговал. Я его на снегу так и писал. Водки ему дал и водкой ноги натёр. Я ему три рубля дал. А он первым делом лихача за рубль семьдесят пять копеек нанял. Вот какой человек был».

Да, народ сочувствует боярыне Морозовой... но не идёт за ней. И художник заставляет умного зрителя задуматься над тем, почему же это так произошло.

В движении против «посягательства на исконную веру» нашёл выражение социальный протест народных масс против их угнетения, усилившегося за время правления царя Алексея Михайловича, прозванного церковниками за его всемерное благоволение официальной церкви «Тишайшим». В ту историческую эпоху, что в России, что в Западной Европе, всякое социальное движение притесняемых масс необходимо облекалось в религиозные идеологические формы: гуситы в Чехии, восставшие крестьяне в Германии, буржуа-пуритане в Англии и буржуа-гугеноты во Франции (в союзе с частью недовольного королевской политикой дворянства).

Как это ни удивительно, но всё это в немалой мере повторяется сегодня, когда на дворе третье тысячелетие и... готовится уже полёт на Марс! Тот сумбур, что захватил мозги обескураженных и деморализованных миллионов трудящихся *после 1991 года*, порождает самые невероятные социально-идеологические химеры. И вот уже мы видим, как фанатики ИГИЛ остервенело отстаивают социальную модель средневекового халифата, противопоставляемую буржуазному бездушию западной цивилизации! Плодятся разномастные секты, дающие возможность «тихо и мирно протестовать» против тех же бездушных порядков, дающие социально одиноким, отчуждённым людям возможность сплотиться в коллективе «братьев», уходящих от противоречий реального бытия в мир иллюзий о воздаянии в «будущей жизни».

Но в то же время есть и *теология освобождения*, которая пытается облекать в религиозные формы и образы положения марксистского обществоведения и реально вовлекает в революционные процессы Латинской Америки миллионы верующих. Социальное, революционное движение в целом не может не быть противоречивым, внутренне неоднородным, оно охватывает самых разных людей и состоит из самых разнообразных «потоков» и «ручeyков». Глупо думать, будто всех людей, что движутся в этих потоках, можно обратить «в свою истинную веру», всех можно воспитать «стойкими ортодоксальными марксистами». Вопрос состоит в том, чтобы все «потоки» и «ручeyки» направить в одно русло, соединив в один мощный поток.

А для этого нужно учиться видеть социальные корни, в том числе и в религиозных движениях, учиться отличать среди них союзников от непримиримых врагов, учиться воздействовать на умы этих людей, мягко, ненавязчиво поправляя их заблуждения и иллюзии. Принципиальный вопрос об отношении к религии не должен разделять рабочий класс, трудящихся в их борьбе за лучшую жизнь.

Конец и забвение великой эпохи: «Меншиков в Берёзове» (1883)

Василий Суриков *сознательно* делает главным героем своих мону-ментальных исторических полотен народную массу. Известно его высказывание: «Я не понимаю исторических деятелей без народа, без толпы, мне надо вытащить их на улицу».

Однако в одной из картин он отходит от этого своего принципа и «заточает в четырёх стенах» угодившего в опалу после смерти Петра Первого ближайшего его сподвижника генералиссимуса Александра Даниловича Меншикова. Этим приёмом художник подчёркивает полное отстранение того из общественной жизни, полный крах его судьбы. Суриков, кроме того, создаёт эффект «застылости» действия, «остановки

времени». Эта картина считается вершиной колористического искусства Сурикова, в ней всё продумано до мелочей, вплоть до того, что в одном моменте художник намеренно идёт против исторической правды: он изображает Меншикова поросшим щетиной, хотя точно знал, что «светлейший» в ссылке отрастил бороду!

Александр Меншиков был необычайно интересной, сильной и — опять-таки — неоднозначной личностью. Выйдя из простонародья, он, по всей видимости, так и не научился читать, зато обладал недюжинным природным умом, крепкой памятью, администраторскими способностями. Проявил себя храбрым командиром на поле брани. Самый преданный и талантливый помощник Петра Великого — и при этом первостатейный вор, казнокрад, «коррупционер», которому Пётр вынужден был, как своему любимцу, прощать все его прегрешения. Под стать царю человек жестокий — Меншиков хвастался тем, что лично отрубил головы 20-ти стрельцам, он участвовал и в судилище над царевичем Алексеем. И вот Суриков красками лепит его мощную фигуру, умное решительное лицо, его властную руку, в бессилии сжатую в кулак.

Но нельзя сводить содержание этой картины только лишь к показу трагедии крупной личности, сброшенной с властного Олимпа, — хотя и эта тема для нашей отечественной истории чрезвычайно злободневна, а в XX веке она обросла новым богатейшим материалом. Главный герой картины — и сам художник — размышляют о судьбе целой страны, которая после завершения блистательной петровской эпохи погрузилась в безвременье, оказалась в руках временщиков и чуждых её интересам иноземцев. Как же это произошло? Почему всё так получилось?

Да, история движется восходящими циклами, сменяются волны подъёма и упадка, бывлые герои предаются забвению, но потом, подвергшись переосмыслению, возвращаются на пьедесталы и занимают достойное место в учебниках истории. Порой бывает так, что только последующий упадок, забвение и замарывание дают людям возможность должным образом оценить ту или иную эпоху и её творцов.

Так, и в истории России XVIII века после упадка и безвременья эпохи Анны Иоанновны было возрождение при Елизавете Петровне и новый блестящий расцвет при Екатерине — тоже, впрочем, в ярких красках общественных противоречий.

Роль личности и народных масс в истории: «Переход Суворова через Альпы» (1899)

Это полотно Суриков представил на 27-й передвижной выставке akurat в столетний юбилей Швейцарского похода, но сам он утверждал, что это не более чем совпадение. При подготовке к её написанию великий труженик Суриков специально съездил в Альпы и был поражён

суровой красотой этих гор. *«Льды, брат, страшной высоты. Эхо бесконечное»*, — написал он в письме брату.

Переход через Альпы стал вершиной полководческого гения Александра Васильевича Суворова (1730—1800) — за него он, собственно, и получил, сходя в могилу, наивысшее воинское звание генералиссимуса. Отправленная в этот переход по воле бездарного командования, преданная союзниками, окружённая численно превосходящим врагом, не имевшая опыта войны в горах (сам Суворов до того воевал исключительно на равнине), не снабжённая должным образом провизией и обмундированием, русская армия была обречена на поражение. Вся Европа, затаив дыхание, предвкушала, что вот сейчас непобедимый полководец потерпит, наконец, своё первое поражение. Однако суворовские чудо-богатыри совершили очередное чудо, прорвавшись через каменные мешки и «чёртовы мосты», и слава полководца прокатилась по всей Европе — даже в моду вошли суворовские причёска и шляпа!

К слову, там и тогда же взошла звезда молодого генерала Петра Багратиона — непревзойдённого мастера авангардного и арьергардного боя, что он впоследствии подтвердит под Шёнграбеном 16 ноября 1805-го и в Отечественной войне 1812 года.

И снова Суриков находит для своей картины гениальное композиционное решение. Он выбрал вертикальный формат, очень редко встречаемый в батальной живописи, стремящейся к широте охвата панорамы боя. И главным героем картины выступает бесконечная солдатская лавина, чьё движение воспринимается буквально физически. Такое впечатление, что сейчас эти люди скатятся вниз, чуть отряхнутся, построятся и обрушатся на неприятеля с наводящим ужас на врагов «Ура-а-а-а!».

«Главное у меня в картине — движение. Храбрость беззаветная», — говорил Суриков. Но при этом, хоть Суворов на белом коне и располагается на самом краю холста, он делается *композиционным центром* картины благодаря тому, что на него устремлены взгляды многих бойцов. (*«Подвиг под шутку полководца»*, — так сказал однажды про содержание картины её автор). Этим приёмом показана неразрывная, органическая связь Личности и Народной Массы.

Что особенно важно, и масса-то показана у Сурикова отнюдь не «серой», не однородной и обезличенной. Сколько на картине солдат, столько и неповторимых характеров, столько живых человеческих реакций на происходящее. Кто-то весело смеётся под шутки-прибаутки старика-фельдмаршала, кто-то сосредоточен, собран, а кто-то явно боится, но преодолевает свой страх. Очень выразителен седой ветеран на переднем плане картины с Георгиевским крестом на груди, невольно осеменяющий себя крестным знаменем, прежде чем ринуться в пропасть.

«Переход Суворова через Альпы» наводит на размышления о заочном споре Суворова и Наполеона — двух величайших полководцев своего времени, которые представляли противоположное видение военного искусства. Наполеон, считавший все военные победы исключительно заслугой полководческого гения; и Суворов, видевший «науку побеждать» прежде всего в воспитании Солдата. Наполеон, тоже ведь знавший подход к солдатам, умевший говорить с ними, обращаться к ним, да и заботившийся о них, но в душе-то — эгоист, высокомерно относившийся к «массе»; и Суворов, всегда «доступный и простой», без какого-либо «рисования» деливший с солдатами все трудности походной жизни, бывший для них действительно *своим*.

Он и сам понимал, что главным автором его побед был обычный солдат из крестьян — тот, кто громил четверо превосходивших турок на реке Рымник, брал неприступный Измаил, бил лучшую в мире армию революционной Франции того времени.

И Наполеон, и Суворов были выходцами, гениями из народа, но только второй сохранил *эту связь*. Наверное, потому, что последовательно, без перепрыгивания через ступеньки карьеры, большую часть жизни медленно и трудно, прошёл весь путь от самых нижних чинов, познав все стороны и лишения армейской жизни.

Это принципиальное отличие двух великих гениев отражено и в живописи. Достаточно сравнить «Переход Суворова через Альпы» с «Наполеоном на перевале Сен-Бернар» Жака Луи Давида. Холодное парадное полотно, на котором генерал Бонапарт изображён в высокомерном одиночестве, как будто это он один, без своих солдат и офицеров, воспитанных Великой французской революцией, совершил свой переход через Альпы! Но революция к тому моменту уже сворачивалась, порождая и узурпатора Наполеона, и утратившее былую революционность творчество Давида.

Суриков же писал на «историческом подъёме», и он показал ту силу, которая, усвоив суворовскую «науку побеждать», сокрушит вскоре Наполеона, выйдет после бороться за свободу на Сенатскую площадь и будет бить фашистов в XX веке.

Костантин ДЫМОВ,
публицист.

Постановление

г. Москва

4 ноября 1991 г.

Начальник Управления по надзору за исполнением законов о государственной безопасности Прокуратуры Союза ССР, государственный советник юстиции 2 класса В.И.Илюхин, рассмотрев документы, связанные с признанием независимости Латвии, Литвы, Эстонии и выходом названных республик из состава СССР,

УСТАНОВИЛ:

6 сентября 1991 года Государственный Совет СССР принял постановления о признании независимости Латвийской, Литовской и Эстонской республик. Этими актами были закреплены выход названных республик из состава СССР и существенное изменение территории последнего.

Данные решения Госсовета, возглавляемого президентом СССР М.С. Горбачёвым, находятся в явном противоречии с ныне действующим Законом «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», принятым Верховным Советом СССР 3 апреля 1990 года.

Закон, в соответствии со ст. 72 Конституции СССР, признавая суверенное право каждой республики на свободный выход из состава СССР, установил, что он может быть осуществлён только путем свободного волеизъявления (референдума) всего народа, проживающего в республике.

Решение о выходе считается принятым посредством референдума, если за него проголосовало не менее двух третей населения республики (ст. 6). Законом также определён порядок проведения референдума и подведения его итогов.

В случае положительных итогов голосования устанавливается переходный период, не превышающий пяти лет, в течение которого должны быть решены все вопросы, возникающие в связи с выходом республики из СССР. В переходный период на территории выходящей республики сохраняют своё действие Конституция СССР и законы СССР (ст. 9).

По окончании переходного периода или при досрочном урегулировании вопросов по выходу из СССР высший законодательный орган страны должен принять решение, подтверждающее завершение процесса урегулирования всех вопросов, затрагивающих интересы выходящей республики и интересы Союза ССР и оставшихся его субъектов. С момента принятия такого решения Съездом

народных депутатов СССР выход союзной республики из СССР считается состоявшимся (ст. 20).

Установленный Законом СССР порядок Госсоветом грубо нарушен, а суверенитету, территориальной неприкосновенности и государственной безопасности и обороноспособности СССР нанесён неизмеримый ущерб.

В Латвии, Литве, Эстонии фактически референдумы о выходе из СССР не проводились. Они были подменены опросом населения или голосованием по поводу независимости республик. Нахождение же их в составе Союза закреплено Конституциями СССР и республик, принятыми в послевоенный период.

Отсутствие переходного периода не позволило справедливо рассмотреть многие вопросы о собственности, границе, таможене, обороне, а также повлекло существенное ущемление прав и свобод некоренного населения.

Кроме этого, вышеназванное решение принято Госсоветом с превышением предоставленных ему пятым, внеочередным, Съездом народных депутатов СССР полномочий.

Государственный Совет не является законодательным (представительным) органом власти Союза ССР и не вправе решать вопросы, отнесённые к компетенции Верховного Совета и Съезда народных депутатов СССР.

Президент СССР М.С.Горбачёв, возглавляя Государственный Совет, вопреки требованиям ст. 127-3 Конституции СССР, обязывающим его выступать гарантом соблюдения прав и свобод советских граждан, Конституции и законов СССР, принимать необходимые меры по охране суверенитета Союза ССР, не выполнил возложенных на него конституционных обязанностей. Решая вопрос о выходе Литвы, Латвии и Эстонии из состава СССР, умышленно совершил действия в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности, государственной безопасности и обороноспособности СССР.

В связи с этим в его действиях усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 64 УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 108, 112 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Возбудить уголовное дело в отношении Горбачёва Михаила Сергеевича по признакам ст. 64 УК РСФСР (измена Родине).

Расследование дела, в соответствии со ст. 126 УПК РСФСР, поручить следователя Межреспубликанской службы безопасности, возглавляемой В.В.Бака-тиным.

Копию постановления передать Генеральному прокурору СССР.

**Начальник Управления,
государственный советник юстиции 2 кл.
В.И.Илюхин.**

Источник: Виктор Илюхин: Документы, свидетельства, воспоминания / Автор-составитель А.А.Волков. — М., 2012. С. 64—67. — Приложение к журналу «Политическое просвещение».

Левые в Польше

Впервые за время, прошедшее с перехода власти в Польше к антисоциалистическим силам, в парламенте этого созыва отсутствуют левые.

Как это случилось?

Незадолго до парламентских выборов в стране была образован Коалиционный выборный комитет «Объединённые левые», в который вошли несколько партий — Союз демократических левых, партия «Твоё движение», Польская социалистическая партия, партия социал-демократического характера «Уния труда» и зелёные.

Сделано это было поздно, хотя лидер комитета «Объединённых левых» 40-летняя Барбара Новацкая активно включилась в предвыборную борьбу.

«Объединённые левые» проиграли, набрав немного голосов до проходного процента, необходимого объединению. Не попала в Сейм и сама Новацкая.

Левые, и в первую очередь старейшая партия страны — Польская социалистическая партия (ППС), анализируют причины неудачного выступления на парламентских выборах.

Вот как ситуация оценивается в решении прошедшего в декабре 2015 года 42-го Конгресса ППС: «В сегодняшней Польше левые силы разбиты и рассеяны. Но это не результат выборов в Сейм, а результат многолетнего процесса отхода общественных и политических сил, определяющих себя левыми, от принципов и ценностей, которые определяют левизму.

Представители левых в Сейме одобряли изменение общественно-хозяйственной системы, к которому привело выполнение „плана Бальцеровича“. Левые не выступили за введение в Польше общественного рыночного хозяйства по образцу Скандинавии, а согласились на американский неолиберальный капитализм... Общество потеряло доверие к партиям, представляющим в Сейме левых... Левый избиратель чувствует себя обманутым. Необходимо построение крепкой, программно сцементированной левой силы в Польше...».

Как практические действия по созданию такой силы, 9 марта 2016 года в Варшаве произошло подписание Декларации группировками, поддерживающими «Соглашение социалистов». В «Соглашение» вошли ППС, Польские левые, Пифицистское объединение свободной мысли, Движение людей труда, Общественное движение «Труд — Мир — Справедливость», общество им. Игнацы Дашинского и редакция „Социалистического Обзора“. По вопросу вступ-

ления в Соглашение идут переговоры с другими с другими партиями и организациями, декларирующими социалистическое происхождение и программу.

Опубликовано обращение к партиям, группировкам левых профсоюзов и другим представителям мира труда, в котором, в частности, говорится:

«...Левые потеряли общественную поддержку, не попали в парламент, потеряли влияние в структурах самоуправления. Это — эффект длительного политического процесса, многих ошибок и, как результат, самоисключение влияния левых на политическую и социально-экономическую жизнь в нашей стране.

Причин этому много. Основная причина обусловлена ошибочной оценкой процесса общественно-экономического развития. Левыми не была правильно и должным образом оценена роль основных идеалов нашего движения, последствий отступлений от них и компромиссов в период неолиберального развития.

Практика показала, что конфликт между капиталом и трудом не исчезает, а напротив — нарастает. Отсутствие равных шансов, общественное неравенство, эксплуатация людей труда стали польской действительностью. Конституционные гарантии социальных прав, право на труд оказались фикцией.

В течение последней четверти века в нашей стране наступил дисбаланс разумного соотношения между интересами труда и интересами капитала. Под диктовку корпораций возникло общество потребителей, а не гражданское общество, к чему стремились все течения левых.

Социалисты в политическом и общественном пространстве всегда писали на своих знамёнах идеалы независимости и суверенитета государства, общественной справедливости и блага человека. Сегодня надо о них снова и громко напомнить, извиниться за ошибки и упущения, поднять борьбу за права мира труда...».

Опубликованная Декларация уточняет целый ряд установок «Соглашения социалистов»: «...Наша цель — защита основных ценностей демократизирующих нашу европейскую цивилизацию. Ими являются общественная справедливость и благо человека.

Социализм мы понимаем, как строй приоритета труда и достоинства человека над капиталом... Выражением социализма в системе права является признание значения государства и указание других — чем проведённые после 1989 года — экономических и общественных решений. Это требует возвращения государству обязанностей и функций, которые позволят ему обеспечить эффективное выполнение всеобщих общественных обязанностей: охрана здоровья, обеспечение образования, пенсии. Необходим уход от экономического либерализма, который имеет своим следствием бедность, упадок культуры и функционирование ценностей, которые разобщают гражданскую общность. Материальная выгода не должна быть высшей ценностью.

Кризис польских левых видим на каждом шагу, результатом чего является отсутствие их возможности влиять на общественное развитие и представлять действительные интересы большинства граждан. Мы видим исключение из общественной дискуссии левых взглядов и устранение из истории Польши традиций и достижений левых.

Мы являемся жертвами кризиса, вызванного ошибочной, неолиберальной

экономической и общественной политикой. Мы покорены бюрократией, коррупцией и рынком. Всё меньше места для человека, его надежд и мечтаний. Никто сегодня уже не верит, что влияет на мир, который катится под диктовку наднациональных корпораций и финансовых групп. Необходим общий антикапиталистический и антикорпоративный фронт левых, который чётко определит интересы труда на фоне интересов капитала и поставит чёткую разделительную линию.

Мы должны навести порядок вокруг себя, прибраться после 25-летней неудачной, нечестной и несправедливой польской трансформации, которая принесла во многих областях экономический регресс, общественное расслоение, падение положительных межчеловеческих отношений, углубляющийся хаос в государстве и опасные диспропорции между регионами страны. Мы не согласны на то, чтобы „ремонт Республики” был связан с дешёвым популизмом и в очередной раз заключался во всеобщем обмене кадров одного политического выбора на другой и замене правды одного правого выбора на правду другого правого выбора. Мы не согласны на ограничение плюрализма взглядов и устранение механизмов гражданской демократии из общественной жизни.

Современный мир и Польша должны иметь перспективу развития гражданских и демократических структур. Невозможно далее строить жизнь, основанную на несправедливости, эгоизме богатых, отсутствии перспектив и доминировании рынка над человеком. Мы верим, что возможен мир без эксплуатации и неравенства.

Мы высказываемся за совместные действия в пользу европейского единства и принятия Евросоюзом более социальной и федеративной модели. Против строительства мирового порядка, основанного на гонке вооружений и философии устрашения. Польша должна быть вовлечена в защиту и строительство инфраструктуры мира и международного согласия, а не войны.

Надо раз и навсегда закрыть период сведения счётов и ненависти, как это сделало много разумных обществ после раздела Европы, к которому пришли после кошмара Второй мировой войны. Мы — за десятилетие мира и общественного спокойствия, как в международных связях, так и в гражданских отношениях в нашей стране, вместо непрерывной борьбы, мести и ненависти...».

**Подборка материала и перевод
Е.Д.АРГИНА.**

Юбилейные, знаменательные и памятные даты (июль — октябрь 2016 г.)

1 июля 1956 г. — Вышел первый номер газеты «Советская Россия».

1 июля 1921 г. — Образована Коммунистическая партия Китая.

1 июля 1916 г. — Родилась Л.М.Павличенко. В июле 1941 г. пошла добровольцем в армию. Воевала под Одессой и Севастополем. Снайпер Л.М.Павличенко уничтожила 309 солдат и офицеров врага. Герой Советского Союза.

3 июля 1941 г. — Председатель Государственного Комитета Обороны И.В.Сталин выступил по радио с обращением к советскому народу, в котором изложил программу борьбы с фашистскими захватчиками.

3 июля — Государственный праздник Республики Беларусь — День независимости. В этот день в 1944 г. Красная Армия освободила Минск.

6 июля 1976 г. — Осуществлён запуск космического корабля «Союз-21». Экипаж: Б.В.Волынов, В.М.Жолобов.

7 июля 1941 г. — Началось вооружённое восстание против фашистских оккупантов в Югославии.

8 июля (29 июня по ст. ст.) 1561 г. — Считается датой завершения строительства Покровского собора в Москве, известного как храм Василия Блаженного.

9 июля 2006 г. — Авария при посадке самолёта А-310 в аэропорту Иркутска. Из 203 человек, находившихся на борту, погибли 133, 57 оказались в больницах.

10 июля 1941 г. — 9 августа 1944 г. — Ленинградская битва.

10 июля 2011 г. — Прогулочное судно «Булгария», на борту которого находилось 208 человек, затонуло в Куйбышевском водохранилище близ деревни Сюкеево Камско-Устьинского района Татарстана. Погибли не менее 102 пассажиров и членов команды.

11 июля 1946 г. — Введён в строй первый в СССР магистральный газопровод Саратов-Москва протяжённостью 747 км.

11 июля 1916 г. — Родился А.М.Прохоров, физик, академик АН СССР (РАН), дважды Герой Социалистического Труда, награждён пятью орденами Ленина, лауреат Ленинской, Государственных премий СССР и РФ, Нобелевской премии. Участник Великой Отечественной войны, был тяжело ранен.

12 июля 1926 г. — В Сталинграде состоялась закладка первого в СССР тракторного завода.

14 июля 1941 г. — Впервые вступила в бой советская реактивная артиллерия. Батарея легендарных «катюш» под командованием капитана И.А.Флёрова нанесла удар по скоплению немецких войск в районе Орши.

15 июля 2014 года — Крупнейшая авария на перегоне между станциями «Парк Победы» и «Славянский бульвар» Арбатско-Покровской линии Московского метро. Погибли 23 человека, более 200 человек ранены.

16 июля 1986 г. — Космонавты Л.Д.Кизим и В.А.Соловьев завершили программу 125-суточного полёта и возвратились на Землю.

16 июля 1976 г. — Опубликовано приветствие всем участникам сооружения Чиркейской ГЭС с досрочным вводом в действие станции на полную мощность — 1 млн. квт.

17 июля 2014 г. — На территории Украины под Донецком сбит «Боинг 777» Малайзийских авиалиний. Все пассажиры и члены экипажа — 298 человек погибли.

17 июля — 2 августа 1945 г. — Проходила Потсдамская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании.

18 июля 1936 г. — Началась гражданская война в Испании против военно-фашистского мятежа, возглавляемого генералом Франко при поддержке итальянских и германских фашистов. На стороне республиканцев участвовали в боях около 50 тыс. иностранных добровольцев, в том числе 3 тыс. советских (189 из них погибли).

20 июля 1936 г. — Начался беспосадочный перелёт В.П.Чкалова, Г.Ф.Байдукова и А.В.Белякова по маршруту Москва — Петропавловск-Камчатский — о. Удд на самолёте АНТ-25 (РД). Успешно завершён 22 июля.

20 июля 1931 г. — Родилась М.Л.Попович, военный лётчик-испытатель 1-го класса. Установила 101 мировой и 126 всесоюзных рекордов.

В ночь на 22 июля 1941 г. — Войска ПВО Красной Армии отразили первый массированный налёт фашистской авиации на Москву. Уничтожено 36 вражеских самолётов.

22 июля 1951 г. — В Советском Союзе с полигона Капустин Яр был впервые осуществлён запуск ракеты Р-2А с подопытными собачками Дезиком и Цыганом, которые после часового пребывания на высоте 100 км доставлены на Землю.

25 (13 по ст. ст.) июля 1826 г. — В Петропавловской крепости казнены декабристы П.И.Пестель, К.Ф.Рылеев, С.И.Муравьев-Апостол, М.П.Бестужев-Рюмин и П.Г.Каховский.

28 июля 1941 г. — На блюминге № 3 Магнитогорского металлургического комбината впервые в истории мировой металлургии был прокатан броневой лист.

29 (19 по ст. ст.) июля 1696 г. — Взятие Азова во время второго похода русских войск под Азов.

29 июля 1986 г. — Опубликовано сообщение о завершении электрификации железнодорожного пути от Москвы до Баку.

30 июля — 2 августа (17—20 июля по ст. ст.) 1906 г. — Восстание матросов и солдат в Свеаборге.

31 июля — День Военно-Морского Флота. Установлен постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 22 июня 1939 г.

31 (18 по ст. ст.) июля 1906 г. — Родилась В.П.Марецкая, актриса театра и кино. Герой Социалистического Труда, лауреат четырёх Сталинских премий, Народная артистка СССР.

1—2 августа (19—20 июля) 1906 г. — Кронштадтское восстание.

2 августа — День воздушно-десантных войск. 2 августа 1930 г. на учениях частей Московского военного округа близ Воронежа впервые в военной истории в тыл условного противника был выброшен парашютный десант.

2 августа (20 июля по ст. ст.) 1906 г. — Восстание на крейсере «Память Азова» в Ревеле (Таллине).

2 августа 1966 г. — Состоялся первый полёт экспериментального самолёта С-22И П.О.Сухого — первого в СССР самолёта с изменяемой геометрией крыла.

5 августа 1941 г. — Началась оборона Одессы. Защитники города более чем на 2 месяца сковали у стен города до 18 дивизий, вывели из строя более 160 тыс. солдат и офицеров врага, до 200 самолётов и 100 танков.

6 августа — День Хиросимы. Всемирный день борьбы за запрещение ядерного оружия. 6 августа 1945 г. американцы сбросили атомную бомбу на японский город Хиросиму.

6 августа 1996 г. — В Грозный вошли чеченские боевики — федеральные войска неожиданно потерпели поражение в войне, которая, по существу, была выиграна, что привело к хасавюртовской капитуляции.

6—7 августа 1961 г. — Советский лётчик-космонавт Г.С.Титов на корабле «Восток-2» совершил первый в мире космический полёт длительностью более суток. Позднее Герой Советского Союза Г.С.Титов избирался депутатом Государственной думы Федерального собрания первого и второго созывов, фракция КПРФ.

В ночь на 7 августа 1941 г. — Советский лётчик-истребитель мл. лейтенант В.В.Талалихин во время очередной попытки прорыва фашистских самолётов к Москве первым в истории авиации совершил ночной таран.

8 августа 1941 г. — По решению Ставки ВГК по военным объектам Берлина был нанесён первый бомбовый удар советской авиации с аэродрома Кагул в районе о. Саарема Моонзундского архипелага. Налёты на Берлин продолжались до 4 сентября 1941 г.

В ночь на 9 августа 2011 г. — Конфликт между жителями сёл Унцукуль и Гимры Дагестана вылился в массовую драку. Драка переросла в перестрелку, 5 человек погибли. Ещё двоих расстреляли некоторое время спустя у больницы. Несколько человек госпитализированы.

9 августа — 2 сентября 1945 г. — Война СССР с империалистической Японией.

9 августа 1976 г. — В Советском Союзе осуществлён запуск автоматической станции «Луна-24». 22 августа аппарат возвратился на Землю, доставив образцы лунного грунта, взятого с глубины около 2 м.

9 августа — День Нагасаки. 9 августа 1945 г. США подвергли атомной бомбардировке японский город Нагасаки.

12 августа (31 июля по ст. ст.) 1881 г. — Родился А.М.Герасимов, советский живописец, первый президент Академии художеств СССР, Народный художник СССР, лауреат четырёх Сталинских премий.

13 августа — День физкультурника. Установлен постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 16 июня 1939 г.

13 августа 1926 г. — Родился Фидель Кастро Рус, один из крупнейших политических деятелей современности.

13 августа (31 июля) 1901 г. — Родился Б.П.Чирков, советский актёр театра и кино. Герой Социалистического Труда, лауреат четырёх Сталинских премий, Народный артист СССР.

15 августа 1896 г. — Родился Т.Нетте, легендарный советский дипкурьер, погибший в 1926 г. в Латвии при спасении дипломатической почты. Ему посвящено одно из стихотворений В.Маяковского.

17 (5 по ст. ст.) августа 1806 г. — Завершилась первая российская кругосветная экспедиция под началом И.Ф.Крузенштерна.

17 августа 1946 г. — Первый полёт опытного пассажирского самолёта Ил-18.

17 августа 1941 г. — Родился Н.Н.Губенко, советский актёр, режиссёр и сценарист, художественный руководитель — директор театра «Содружество актёров Таганки», Народный артист РСФСР. Министр культуры СССР (1989—1991), депутат Госдумы ФС РФ второго и третьего созывов, депутат Московской городской думы четвёртого, пятого и шестого созывов, заместитель председателя Мосгордумы с 2009 г.

17 августа 1926 г. — Родился Цзян Цзэминь, генеральный секретарь ЦК Компартии Китая с 1989 по 2002 г. и Председатель КНР с 1993 по 2003 г.

18 августа 1766 г. — Пущена в ход «пароатмосферная» машина русского изобретателя И.И.Ползунова, один из первых в мире паровых двигателей.

19 августа 1991 г. — Передано сообщение о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению СССР и его Обращение к народу. Попытка остановить разрушение страны оказалась нерешительной и привела к государственному перевороту «демократов».

19 августа — Во Вьетнаме — День победы Августовской народно-демократической революции 1945 г., положившей конец монархии и французскому колониализму. Провозглашение независимости и образование Демократической Республики Вьетнам.

20 августа 1941 г. — Родился С.Милошевич, государственный и политический деятель Югославии, президент Сербии (1991—1997), президент СРЮ (1997—2000). Умер в тюрьме в Гааге 11 марта 2006 г.

22 августа 2006 г. — Катастрофа самолёта Ту-154 недалеко от Донецка. Самолёт следовал из Анапы в Петербург. Погибли 170 человек.

25 августа 1956 г. — На Адмиралтейском заводе в Ленинграде был заложен первый в мире атомный ледокол «Ленин».

26 августа 1946 г. — Создан отдел № 3 НИИ-88 во главе с С.П.Королёвым. Ныне — Ракетно-космическая корпорация «Энергия».

30 августа 2011 г. — В Грозном террористы-смертники совершили подрыв. Помимо смертников, погибли 9 человек, ранены не менее 22.

Сентябрь — октябрь 1611 г. — Начало организации народного ополчения в Нижнем Новгороде Кузьмой Мининым.

1 сентября — День знаний.

2 сентября 1945 г. — Подписание в Токио представителями Японии акта о безоговорочной капитуляции японских вооружённых сил.

2 сентября 1971 г. — Стартовала ракета-носитель с автоматической станцией «Луна-18». 11 сентября станция достигла поверхности Луны.

3 сентября — День солидарности в борьбе с терроризмом. 1 сентября 2004 г. террористы захватили школу № 1 в североосетинском г. Беслан. В ходе освобождения заложников 3 сентября погибли более 350 человек.

3 сентября 1866 г. — В Женеве открылся Первый конгресс I Интернационала.

5 сентября 1976 г. — Опубликовано сообщение о завершении строительства 2-й ветки газопровода Ухта — Торжок протяженностью свыше 1 тыс. км.

6 сентября 1936 г. — В Советском Союзе учреждено почётное звание «Народный артист СССР». Первыми его получили основатели и ведущие актёры МХАТа К.С.Станиславский, В.И.Немирович-Данченко, И.М.Москвин, В.И.Качалов и певица Большого театра А.В.Нежданова.

7 сентября 2011 г. — Под Ярославлем разбился самолёт Як-42. На борту было 45 человек. В самолёте находилась местная хоккейная команда «Локомотив». Погибли 44 человека.

7 сентября 1911 г. — Родился Т.Живков, первый, затем генеральный секретарь Болгарской Компартии.

10 сентября (30 августа по ст. ст.) 1721 г. — Между Россией и Швецией подписан в городе Ништадт (ныне Уусикаупунки, Финляндия) мирный договор, завершивший Северную войну 1700—1721 гг. Швеция признала присоединение к России Лифляндии, Эстляндии, Ингерманландии (Ижорская земля), части Карелии. Россия обязалась уплатить Швеции денежную компенсацию и возвратить Финляндию.

10 сентября 1961 г. — Пущена на полную мощность Волжская (Сталинградская, Волгоградская) ГЭС им. XXII съезда КПСС. Крупнейшая гидроэлектростанция в Европе.

10 сентября 1971 г. — Опубликовано сообщение о пуске на полную мощность 1 920 тыс. квт Ташкентской ГРЭС.

12 сентября 1941 г. — Начала действовать военно-стратегическая транспортная магистраль через Ладожское озеро, связывавшая в сентябре 1941 — марте 1943 г. блокадный Ленинград со страной.

13 сентября 1921 г. — Родился С.П.Непобедимый, конструктор ракетного вооружения. Герой Социалистического Труда, трижды награждался орденом Ленина. Лауреат Ленинской, трёх Государственных премий и премии Совета Министров СССР.

14 сентября 1911 г. — Родился С.М.Орлов, советский скульптор, Народ-

ный художник РСФСР, лауреат Сталинской премии. Среди его работ — памятник Юрию Долгорукому в Москве.

14 сентября 1916 г. — Родился Л.Корвалан, генеральный секретарь ЦК Компартии Чили (1958—1989 гг.).

15 сентября 1956 г. — На трассе «Аэрофлота» вышел первый в мире реактивный пассажирский лайнер Ту-104.

15 сентября 1976 г. — Запуск космического корабля «Союз-22». Экипаж: В.Ф.Быковский и В.В.Аксенов.

23 сентября 1966 г. — США приступили к массивной варварской обработке «орангжем» и другими дефолиантами (вещества, уничтожающие листву растений) джунглей пограничной полосы между Северным и Южным Вьетнамом. Было распылено до 6 млн. л дефолиантов, в результате чего исчезла растительность на седьмой части вьетнамских земель. «Побочным эффектом» стали широкомасштабные отравления местного населения и массовое распространение среди него генетических заболеваний.

25 (12 по ст. ст.) сентября 1906 г. — Родился крупнейший композитор современности Д.Д.Шостакович. Герой Социалистического труда, награждён тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени и Дружбы народов. Лауреат Ленинской и пяти Сталинских премий, Государственной премии СССР.

28 сентября 1971 г. — Осуществлён запуск автоматической станции «Луна-19». 3 октября станция была выведена на окололунную орбиту и стала искусственным спутником Луны.

30 сентября 1941 г. — 20 апреля 1942 г. — Битва под Москвой.

30 (18 по ст. ст.) сентября 1891 г. — Родился О.Ю.Шмидт, советский математик, географ, астроном, один из организаторов освоения Северного морского пути, вице-президент АН СССР, Герой Советского Союза.

1 октября — Международный день пожилых людей.

1 октября 1931 г. — Ввод в действие автозавода АМО в Москве и Харьковского тракторного завода.

1 октября 1931 г. — Из Москвы начались регулярные трансляции неподвижных изображений по системе механического телевидения. Начало отечественного телевидения.

1 октября 1946 г. — На Нюрнбергском процессе оглашен приговор Международного военного трибунала, образованного четырьмя союзными державами для суда над главными военными преступниками Второй мировой войны.

3 октября 1931 г. — Постановлением СНК РСФСР создан Московский метрострой.

3—4 октября 1993 г. — Трагические события в Москве. Расстрел из танковых орудий Дома Советов. Только по официальным данным, в Останкине и у Дома Советов было убито около 200 человек, подавляющее большинство которых составляли мирные граждане. Точное количество погибших неизвестно до сих пор.

4 октября — День начала космической эры человечества. 4 октября 1957 г. в СССР запущен первый в мире искусственный спутник Земли.

4 октября 1971 г. — Закончилось выполнение программ научных и научно-технических исследований, проведённых с помощью первого в мире автоматического самоходного аппарата «Луноход-1», начавшихся 17 ноября 1970 г.

4 октября 2001 г. — Над Чёрным морем сбит по ошибке российский самолёт Ту-154 ракетой С-200 украинских ПВО. Погибли 78 человек.

5 октября — День учителя.

5 октября 1971 г. — Опубликовано сообщение о приёме госкомиссией 2-й очереди разреза 5/6 в Экибастузе (Павлодарская обл.) производительностью 5 млн. т угля в год.

7 октября 2001 г. — Начало бомбардировок авиацией США и Великобритании объектов в Афганистане.

8 октября 1971 г. — Начались ходовые испытания флагмана советского промыслового флота — плавучей базы «Восток» водоизмещением 43 400 т, построенной на Адмиралтейском заводе в Ленинграде.

9 октября — День работников сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности агропромышленного комплекса.

9 октября (28 сентября по ст. ст.) 1796 г. — Родился С.И.Муравьёв-Апостол, подполковник, участник войн с Наполеоном, один из ведущих деятелей декабристского движения. Муравьёв-Апостол возглавил восстание Черниговского полка спустя две недели после того, как в Петербурге было подавлено выступление на Сенатской площади.

10 октября 1951 г. — Указом Президиума Верховного Совета СССР звания Героя Советского Союза удостоен майор С.П.Субботин, совершивший 21 июня 1951 г. в воздушном бою с американским реактивным истребителем F-86 «Сейбр» над Северной Кореей первый в истории авиации воздушный таран на реактивном истребителе МиГ-15.

10 октября (27 сентября по ст. ст.) 1901 г. — Родился А.С.Щербаков. С 1938 г. возглавлял Московскую партийную организацию. С июня 1942 г. начальник Главного политуправления Красной Армии, заместитель наркома обороны СССР, начальник Совинформбюро.

10—13 октября 2013 г. — Прошли массовые выступления на международной почве в московском районе Западное Бирюлёво, сопровождавшиеся погромами. Поводом послужило убийство 10 октября 2013 г. местного жителя Е.Щербакова мигрантом-азербайджанцем О.Зейналовым. Полицией задержано около 400 человек.

11 октября 1936 г. — Выпустил первую продукцию вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле. В годы Великой Отечественной войны на «Уралвагонзаводе» произведено свыше 35 тыс. танков Т-34.

14 октября 1976 г. — Осуществлён запуск космического корабля «Союз-23». Экипаж: В.Д.Зудов, В.И.Рождественский.

15 октября 1981 г. — Принята в эксплуатацию 1-я очередь рудника «Вос-

точный» в производственном объединении «Апатит» (Мурманская обл.), рассчитанная на добычу свыше 2 млн. т апатитовой руды в год.

16 октября 1996 г. — Над Балтийским морем потерпел катастрофу самолёт «Вигген» военно-воздушных сил Швеции, в нарушение всех международных норм совершавший тренировочную атаку на российский атомный ракетный крейсер «Пётр Великий». Атака не получилась, самолёт рухнул в море, пилот погиб.

18 октября 1951 г. — На Семипалатинском полигоне (Казахская ССР) испытана первая в СССР авиационная бомба с боевым зарядом РДС-3, созданная учёными Арзамаса-16.

20 октября — День рождения Российского Флота. По инициативе и настоянию Петра I Боярская дума 20 октября 1696 г. (ст. ст.) постановила «морским судам быть» и вынесла решение о строительстве для Азовской флотилии 52 кораблей.

20 октября 1971 г. — Завершено строительство обогатительного комплекса Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината (Казахская ССР) мощностью 8,4 млн. т металлургического сырья в год.

21 октября 2013 г. — В автобусе «ЛиАЗ», следовавшем в Волгограде рейсом — Государственный университет — кинотеатр «Юбилейный», совершён теракт. Погибли 6 человек и смертница, пострадали 55.

23 октября 1986 г. — Опубликовано сообщение о завершении строительства газопровода Даги — Оха — Комсомольск-на-Амуре протяженностью свыше 600 км.

24 октября — Международный день Организации Объединённых Наций. 24 октября 1945 г. создана ООН (в числе членов, учредителей были СССР, Украинская ССР, Белорусская ССР).

24 (14 по ст. ст.) октября 1886 г. — Родился Г.К.Орджоникидзе, советский партийный и государственный деятель, участник революций 1905—1907 гг. и Великой Октябрьской. С 1930 по 1937 г. — член Политбюро ЦК ВКП(б). С 1930 года — председатель ВСНХ, затем нарком тяжёлой промышленности.

25 октября 1881 г. — Родился Пабло Пикассо, французский художник испанского происхождения, один из крупнейших художников XX в., член Компартии Франции, активный участник борьбы с фашизмом. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

27 (15 по ст. ст.) октября 1871 г. — Родился В.В.Воровский, советский политический деятель, дипломат. В 1923 г. назначен в состав советской делегации на Лозаннской конференции. Убит в Лозанне белогвардейцем.

29 октября — День рождения комсомола. На 1-м Всероссийском съезде союзов рабочих и крестьянской молодежи (1918) создан Российский коммунистический союз молодёжи (РКСМ). В июле 1924 г. РКСМ присвоено имя В.И.Ленина. В марте 1926 г. переименован во Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи.

30 октября 1941 г. — 4 июля 1942 г. — Героическая оборона Севастополя.

30 октября 1961 г. — На заполярном полигоне на Новой Земле советскими военными осуществлён рекордный по силе за всю историю человечества взрыв мощностью 50 мегатонн в тротиловом эквиваленте (около 3 тыс. хиросимских

бомб). Термоядерная бомба, собранная в ядерном центре Арзамас-16, была сброшена со стратегического бомбардировщика Ту-15, который вёл Герой Советского Союза А.Е.Дурновцев. Заряд номинальной мощностью 100 мегатонн был взорван в атмосфере на высоте 400 м на половинной мощности, чтобы, как пошутил Н.С.Хрущёв, «у себя стёкол не выбить».

30 октября 1981 г. — Запущена советская автоматическая станция «Венера-13», передавшая панораму места посадки.

30 октября 1996 г. — В рабочем кабинете застрелился В.З.Нечай, директор Российского федерального ядерного центра (Челябинск-70), возглавлявший также Всероссийский НИИ технической физики. Четыре месяца люди, разрабатывающие ядерное оружие, не получали зарплаты, финансовые счета центра были арестованы. В своей предсмертной записке В.З.Нечай написал: «Так жить нельзя».

30 (17 по ст. ст.) октября 1906 г. — Родился А.Н.Тихонов, советский математик, академик, дважды Герой Социалистического Труда. Награждён шестью орденами Ленина, лауреат Ленинской, Сталинской и Государственной премий.

Подписано в печать 19.05.2016. Тираж 9120 экз.

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций — свидетельство ПИ № 77-16383 от 22 сентября 2003 г.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография». Заказ № 143400 Московская область, г. Красногорск, Коммунальный квартал, д. 2.